

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

На правах рукописи

Трофимова Наталия Алексеевна

**МАРКЕРЫ НЕВЕРБАЛЬНОГО КОДА КАК ГЕНДЕРНАЯ
СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ «THE NEW YORK TIMES»)**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Огнева Елена Анатольевна

Белгород – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГЕНДЕРНОЙ МАРКИРОВАННОСТИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.....	14
1.1. Публицистический дискурс в современной научной парадигме	14
1.1.1. Дискурс как исследовательский конструкт	14
1.1.2. Специфические черты публицистического дискурса	21
1.2. Гендерный фактор в публицистическом дискурсе	36
1.2.1. Гендерные исследования в отечественной и зарубежной лингвистической науке	36
1.2.2. Лингвистический инжиниринг гендерной составляющей в публицистическом дискурсе	42
1.3. Маркеры невербального кода коммуникации в модели публицистического дискурса.....	47
1.3.1. Маркеры публицистического дискурса	47
1.3.2. Проксемные маркеры невербального кода коммуникации	54
1.3.3. Темпоральные маркеры невербального кода коммуникации.....	59
1.3.4. Сенсемные маркеры невербального кода коммуникации	71
1.3.5. Кинемные и такемные маркеры невербального кода коммуникации	72
Выводы по главе 1	76
ГЛАВА 2. ГЕНДЕРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ МАРКЕРОВ НЕВЕРБАЛЬНОГО КОДА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ГАЗЕТЫ «THE NEW YORK TIMES».....	79
2.1. Специфика исследования гендерной составляющей в газете «The New York Times»	79
2.1.1. Алгоритм интерпретации гендерной обусловленности функционирования маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе	79

2.1.2. Проекция алгоритма интерпретации гендерной обусловленности маркеров невербального кода коммуникации на публицистический дискурс газеты «The New York Times».....	81
2.2. Высокочастотные маркеры невербального кода в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл.....	89
2.2.1. Проксемы в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл	89
2.2.2. Хронемы в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл	93
2.3. Среднечастотные маркеры невербального кода в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл.....	132
2.3.1. Сенсемы как среднечастотные маркеры в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл.....	132
2.3.2. Кинемы как среднечастотные маркеры в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл	148
2.4. Такемы как низкочастотные маркеры невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл.....	153
2.5. Сопряжение различных типов маркеров невербального кода в статьях Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл	156
2.6. Гендерная обусловленность функционирования маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл	164
Выводы по главе 2.....	167
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	171
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	176
Список использованных словарей и энциклопедий	205
Список источников фактического материала	205

ВВЕДЕНИЕ

Современный уровень развития дискурсологии способствует созданию интерпретативной сравнительно-сопоставительной модели функционирования маркеров невербального кода в качестве гендерной составляющей публицистического дискурса. Это обусловлено онтологическими и аксиологическими аспектами дискурса, направленного на оперативную передачу информации с единовременным воздействием на реципиента посредством различных средств коммуникации. Более того, ввиду активного развития научной антропологической парадигмы публицистический дискурс как материал исследования обладает высоким потенциалом выявления различных закономерностей, как системно-организующего, так и герменевтико-моделирующего характера.

Публицистический дискурс отличается от других типов дискурса принципами распространения данных о современных событиях посредством их ранжирования по степени значимости на определенном историческом этапе.

Современные средства функционирования публицистического дискурса, включая и одну из самых популярных американских газет «The New York Times», отражают реальность и мотивируют к созданию картины описываемых событий в их политико-экономической, историко-культурной, социально-психологической взаимосвязи в аспекте гендерности авторов статей. В проводимом исследовании гендер трактуется как социокультурный феномен. Лингвистический аспект гендера заключается в гендерной интерпретации речевых единиц коммуниканта.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления и детальной интерпретации гендерной составляющей публицистического дискурса, востребованностью в выявлении и сопоставлении маркеров невербального кода коммуникации в конструировании публицистического дискурса с учетом гендерных характеристик языковых личностей продуцентов,

значимостью определения взаимосвязи частотности маркеров невербального кода и гендерной обусловленности функционирования публицистического дискурса, необходимостью построения сравнительно-сопоставительной модели функционирования маркеров невербального кода как гендерной составляющей публицистического дискурса.

Степень разработанности проблемы. Ввиду развития идей Т. ван Дейка, который предложил рассматривать дискурс в виде сложного единства языковой формы, значения и действия, отечественный исследователь Н.Д. Арутюнова предложила рассматривать дискурс как «текст, погруженный в жизнь». А.А. Кибрик и В.А. Плунгян интерпретировали дискурс в виде функционирования языка в реальном времени. Заслуживают внимания работы Ю.С. Степанова, который рассматривал дискурс как сложный феномен особой ментальности и идеологии.

Тема дискурса отражена и в работах В.З. Демьянкова, который представляет дискурс в виде речи в её становлении перед мысленным взором интерпретатора. Значимо для дальнейшего развития дискурсологии как мнение О.В. Магировской, которая видит дискурс как речевой формат сферы жизнедеятельности общества, так и мнение А.П. Седых, который констатирует тот факт, что исследования в рамках конкретного дискурса проводятся с целью перейти к моделированию оптимальной структуры дискурса.

Весомый вклад в разработку теории дискурса внес Н.Ф. Алефиренко, рассматривавший дискурс в качестве нелинейного конструкта, обладающего синергетическим свойством, в то время как Н.Н. Болдырев обосновал значимость доминантного принципа при построении дискурса.

Дискурс институционален. Специфика публицистического дискурса глубоко проработана в исследованиях Н.В. Бизюковой, рассматривающей публицистический дискурс как систему средств языковой манипуляции, в работах Е.В. Выровцевой, изучающей полистилизм в качестве особенности современного публицистического дискурса, в трудах И.П. Ивановой, определяющей стилевые характеристики публицистического дискурса, в

разработках М.И. Стюфляевой, рассмотревшей образные ресурсы публицистики.

В работах С.И. Виноградова дискурс понимается в качестве завершеного коммуникативного события. Ученый подчеркивает тот факт, что взаимодействие участников коммуникации в дискурсе осуществляется посредством сочетания вербальных текстов и других знаковых комплексов в определенных социокультурных условиях общения. Вслед за С.И. Виноградовым Ю.В. Павлова успешно охарактеризовала ряд особенностей использования номинаций невербального поведения в публицистическом дискурсе.

Заслуживают внимания работы О.А. Барбатько, характеризующие гендер в дискурсе глянцевого журналов, работы О.Д. Цветковой, интерпретировавшей гендер в дискурсе СМИ и обращающей внимание на наличие черт женственности и мужественности и распространение гендерных идеологий в медиа текстах.

В диссертации на основе результатов предшествующих исследователей предпринята попытка выработать и применить авторский подход к созданию интерпретативной сравнительно-сопоставительной модели гендерной обусловленности функционирования маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе.

Объектом исследования являются маркеры невербального кода публицистического дискурса газеты «The New York Times».

Предмет исследования составляет гендерная детерминация функционирования маркеров невербального кода в публицистическом дискурсе газеты «The New York Times».

Целью диссертационного исследования является создание интерпретативной сравнительно-сопоставительной модели гендерной обусловленности функционирования маркеров невербальной коммуникации в архитектонике публицистического дискурса газеты «The New York Times».

Цель исследования предполагает решение следующих **задач**:

1. Рассмотреть структуру публицистического дискурса в качестве исследовательского конструкта.

2. Изучить тенденции использования различных маркеров невербального кода коммуникации журналистами-мужчинами и журналистами-женщинами газеты «The New York Times».

3. Разработать алгоритм интерпретации гендерной обусловленности функционирования маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе.

5. Провести количественный анализ маркеров невербального кода коммуникации, выявленных в газете «The New York Times».

6. Определить частотность маркеров невербального кода коммуникации в газете «The New York Times» посредством количественного анализа.

7. Охарактеризовать проксемы, хронемы, сенсемы, кинемы и такемы как маркеры невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе газеты «The New York Times».

8. Создать таксономические модели гендерной составляющей публицистического дискурса Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл в газете «The New York Times».

9. Представить интерпретативную сравнительно-сопоставительную модель, демонстрирующую гендерную обусловленность маркеров невербальной коммуникации в публицистическом дискурсе газеты «The New York Times».

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных лингвистов:

- в области дискурсологии рассмотрены работы Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюновой, В.З. Демьянкова, В.И. Карасика, Е.А. Кожемякина, Е.С. Кубряковой, С.Л. Кушнерук, С.А. Мощевой, Ю.В. Павловой, А.П. Чудинова, А.П. Седых, Е.И. Шейгал, А.А. Berger, Т.А. van Dijk, M. Stubbs, и др.;

- в области текстового и дискурсивного моделирования изучены работы К.И. Белоусова, Л.Г. Викуловой, В.И. Карасика, Д.А. Копцевой, Ю.А. Кузьминых, С.Л. Кушнерук, Ю.Ю. Наливайко, Е.А. Огневой, Р.Г. Пиотровского, Е.Ф. Серебряковой, О.В. Шаталовой, В. Штофа и др.;

- в рамках гендерной лингвистики рассмотрены труды Е.С. Александровой, Н.В. Белой, Н.Г. Божановой, И.Б. Васильевой, Е.И. Горошко, К.А. Григоренко, М.А. Егоровой, Е.А. Земской, Е.А. Картушиной, А.В. Кирилиной, А.Л. Кучиной, Ю.А. Степаненко, E. Goffman, O. Jespersen, L. Lakoff и др.

Категориально-понятийной базой исследования служат следующие понятия:

Дискурсивный информативный код – это единство лексико-грамматических и синтаксических конструкций, отражающих объекты, субъекты и процессы реального мира.

Гендерная составляющая публицистического дискурса – это совокупность гендерно-маркированных номинаций в структуре публицистического дискурса.

Маркер невербального кода коммуникации – это текстовая номинация компонента невербального кода коммуникации.

Невербальный код коммуникации – это совокупность информации, исследуемой в кинесике, такесике, сенсорике, проксемике, хронемике.

Сравнительно-сопоставительная модель гендерной обусловленности функционирования маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе – это исследовательский конструкт, репрезентирующий сходства и различия во взаимосвязи типов и частотности маркеров невербального кода с гендером авторов статей в публицистическом дискурсе.

Материалом для исследования послужили:

– *авторская картотека проксем*, состоящая из 690 единиц в статьях Марка Лэндлера, 672 единиц в статьях Дэна Билефски, 570 единиц в статьях Эллен Барри, 447 единиц в статьях Сары Лайл;

– *авторская картотека хронем*, состоящая из 303 единиц в статьях Марка Лэндлера, 306 единиц в статьях Дэна Билефски, 314 единиц в статьях Эллен Барри, 384 единицы в статьях Сары Лайл;

– *авторская картотека сенсем*, состоящая из 76 единиц в статьях Марка Лэндлера, 62 единиц в статьях Дэна Билефски, 150 единиц в статьях Эллен Барри, 100 единиц в статьях Сары Лайл;

– *авторская картотека кинем*, состоящая из 20 единиц в статьях Марка Лэндлера, 28 единиц в статьях Дэна Билефски, 82 единиц в статьях Эллен Барри, 52 единиц в статьях Сары Лайл;

– *авторская картотека такем*, состоящая из 3 единиц в статьях Марка Лэндлера, 1 единицы в статьях Дэна Билефски, 2 единиц в статьях Эллен Барри, 1 единицы в статьях Сары Лайл.

Всего было выявлено и проанализировано 4263 маркера невербального кода коммуникации в 56 статьях рассматриваемых журналистов-мужчин и журналистов-женщин общим объемом 46732 слова, опубликованных в разделе “World” в газете «The New York Times» за период с 2005 по 2018 годы.

Методы исследования. В работе применены: (1) метод дискурсивного анализа, посредством которого охарактеризована гендерная составляющая рассмотренных форматов публицистического дискурса, (2) метод лингвистического анализа, благодаря которому выявлены языковые единицы в качестве маркеров невербального кода коммуникации, (3) метод количественного анализа, позволивший определить частотность таких маркеров невербального кода коммуникации как: проксеммы, хронемы, сенсеммы, кинемы, такемы в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл, работающих в газете «The New York Times», (4) сравнительно-сопоставительный метод, позволивший сформировать таксономические модели гендерной составляющей публицистического

дискурса Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл в газете «The New York Times», (5) метод интерпретативного анализа, посредством которого создана интерпретативная сравнительно-сопоставительная модель гендерной обусловленности функционирования маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе.

Гипотеза исследования. Частотность маркеров невербального кода коммуникации в интерпретативной сравнительно-сопоставительной модели в публицистическом дискурсе газеты «The New York Times» обусловлена гендером авторов опубликованных статей.

Научная новизна заключается в: 1) интерпретации маркеров невербального кода коммуникации в качестве гендерной составляющей в публицистическом дискурсе американской газеты «The New York Times»; 2) создании алгоритма интерпретации гендерной обусловленности функционирования маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе; 3) определении спектра и частотности маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе авторов статей американской газеты «The New York Times»; 4) создании четырех таксономических моделей гендерной составляющей публицистического дискурса Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл в газете «The New York Times»; 5) формировании интерпретативной сравнительно-сопоставительной модели гендерной обусловленности функционирования маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе газеты «The New York Times».

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит: во-первых, в пополнении теоретико-методологической базы дискурсологии алгоритмом интерпретации гендерной обусловленности функционирования маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе; во-вторых, в формировании шкалы частотности маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл как популярных журналистов-мужчин и

журналистов-женщин газеты «The New York Times»; в-третьих, в пополнении спектра текстовых моделей четырьмя таксономическими моделями гендерной составляющей публицистического дискурса Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл в газете «The New York Times», в-четвертых, в пополнении концепции дискурсивного моделирования новой интерпретативной сравнительно-сопоставительной моделью гендерной обусловленности функционирования маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе газеты «The New York Times» .

Практическая значимость работы заключается в возможности применения результатов исследования в рамках образовательных программ, а именно при подготовке лекционных курсов по языкознанию, теории текста, дискуртологии, гендерной лингвистике, социолингвистике, в спецкурсах по моделированию и интерпретации публицистического текста, в семинарах по публицистическому дискурсу, по текстовой репрезентации невербальных средств коммуникации, при проведении практических занятий по дискурсивному анализу.

Кроме этого, результаты исследования найдут практическое применение при написании курсовых и дипломных работ, магистерских, кандидатских и докторских диссертаций, а также различных учебно-методических пособий.

Положения, выносимые на защиту:

1. Модель публицистического дискурса выстраивается на основе функционирования сопряженных факторов триады: (а) тематики формируемой модели, (б) языковых личностей, создающих дискурсивную модель, (в) экстралингвистических факторов среды, в которой реализуется дискурсивная модель. Превалирующим предстает фактор специфики функционирования языковых личностей, продуцирующих публицистический дискурс. Гендерная составляющая лежит в основе модели публицистического дискурса, представляя собой совокупность различных дискурсивных конструкций, которыми оперируют журналисты как языковые личности.

2. Гендерная составляющая модели дискурсивного информативного кода публицистического дискурса, идентифицируемая посредством применения алгоритма интерпретации гендерной обусловленности функционирования маркеров невербального кода коммуникации в формате публицистического дискурса, представляет собой совокупность разнотиповых и разночастотных маркеров невербального кода, используемых журналистами при построении дискурсивных публицистических моделей.

3. Гендерно обусловленная шкала частотности различных типов маркеров невербального кода коммуникации в моделях публицистического дискурса Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл, реализованных в газете «The New York Times» в разделе «World», выстраивается следующим образом: (а) проксемы как пространственные маркеры невербального кода коммуникации преобладают в статьях журналистов-мужчин; (б) хронемы как темпоральные маркеры невербального кода коммуникации превалируют в статьях журналистов-женщин; (в) сенсемы как маркеры чувственного восприятия более частотны в статьях журналистов-женщин, (г) кинемы как жестикуляционные и мимические маркеры невербального кода превалируют в статьях журналистов-женщин; (д) такемы как тактильные маркеры невербального кода одинаково низкочастотны в статьях журналистов.

4. Формирование таксономических моделей гендерной составляющей публицистического дискурса Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл в газете «The New York Times» в качестве совокупности разнотиповых и разночастотных маркеров невербального кода коммуникации способствует созданию интерпретативной сравнительно-сопоставительной модели гендерной обусловленности функционирования маркеров невербального кода коммуникации в современном публицистическом дискурсе.

5. Иерархически выстроенная модель публицистического дискурса представляет собой трёхуровневый конструкт, где дискурсивный информативный код в качестве высшего уровня предстает как совокупность модели гендерной составляющей и модели лингвокультурной составляющей,

формирующих второй иерархический уровень дискурса. Рассмотрение сходств и различий идиостиля журналистов в рамках модели гендерной составляющей публицистического дискурса выявляет её свойство функционирования в качестве интерпретативной сравнительно-сопоставительной модели функционирования маркеров невербального кода, формирующих третий уровень модели публицистического дискурса.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Степень достоверности полученных результатов и выводов обеспечена надежностью методологической базы исследования, освещением широкого круга теоретических вопросов с опорой на авторитетные работы в области теории текста и лингвокогнитологии, а также репрезентативным объемом фактического материала.

Содержание диссертации отражено в 14 публикациях, из которых 5 статей опубликовано в рецензируемых изданиях из Перечня ВАК РФ.

Результаты научных исследований представлены на семи конференциях различного уровня: «Основные проблемы современного языкознания» (г. Астрахань, 29 февраля 2020 года), «Теоретические и прикладные исследования: проблемы и перспективы развития» (г. Москва, 10 мая 2020 года), “Language and technology in an interdisciplinary paradigm” (г. Новосибирск, Иркутск, 1-3 апреля 2021 года), «Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований» (г. Курск, 8-9 апреля 2021 года), “Madaniyatlararo kommunikatsiya matnida til va adabiyotning roli” (г. Карши, 23-24 апреля 2021 года), «Филология и новое знание» (г. Белгород, 11-12 ноября 2021 года), «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (г. Челябинск, 7-9 апреля 2022 года).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 295 наименований. Общий объем диссертации составляет 213 страниц.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГЕНДЕРНОЙ МАРКИРОВАННОСТИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

1.1. Публицистический дискурс в современной научной парадигме

1.1.1. Дискурс как исследовательский конструкт

В современной лингвистической науке наблюдается плюрализм мнений относительно онтологического статуса дискурса как особого феномена. В.З. Демьянков пишет, что в настоящее время постижение сущности языка направлено не только на исследование его как системы языковых единиц, но и на «работу над дискурсами» [Демьянков, 2021, с. 21]. При этом дискурс часто соотносят с понятием текста или функционального стиля, поскольку «текст и дискурс сопряжены» [Alefirenko, 2015, p. 158].

Возникновению понятия дискурса в лингвистике предшествовало утверждение позиции, согласно которой синтаксис и грамматику стоит исследовать в комбинации с прагматикой. Другими словами, дискурс как особый феномен выделился на фоне пересечения формального и функционального подходов к анализу языка. Соответственно, в дискурсологии язык может трактоваться как знаковая система, которая целенаправлена на достижение определенной когнитивной задачи, чаще всего предполагающей получение и распространение информационных данных при одновременном анализе языкового поведения [Александрова, 2007].

В свою очередь, дискурсивный анализ призван «интегрировать анализ формы и функций своего объекта» [Макаров, 1998, с. 69]. Из этого следует, что дискурсология направлена на пополнение научными сведениями относительно

формальных и функциональных особенностей коммуникации. Было бы нерациональным устанавливать доминирование исключительно формального или функционального подхода к изучению языковых явлений. В поддержку объединяющего подхода говорят результаты исследования известного лингвиста Т. ван Дейка и его соавторов, которые принимали во внимание проявление присущих языковой личности взглядов, ценностей, национальности и т.п. Т. ван Дейк предложил определение дискурса как «сложного единства языковой формы, значения и действия» [Дейк, 2015, [http](#)]. В свете такого подхода к определению дискурса важен учет «доминантного принципа построения значения в дискурсе» [Boldyrev, 2019, p. 85-104].

Известны также разграничение широкого и узкого понимания природы дискурса Т. ван Дейком. В широком смысле он рассматривает дискурс как «коммуникативное событие», в котором принимают участие говорящий и слушающий (опционально наблюдатель). Данное событие имеет конкретные временные и пространственные параметры. В узком смысле Т. ван Дейк трактует дискурс как текст, созданный в результате завершения коммуникативного действия в любой из его форм [Дейк, 1998, [http](#)].

При определении соотношения понятий «текст» и «дискурс», Н.Ф. Алефиренко полагает, что дискурс не стоит рассматривать на одном уровне с текстом, поскольку последний имеет более узкое значение. Текст выступает одной из составляющих дискурса, результатом процесса речевой деятельности. При этом дискурс включает, как процесс речевой деятельности, так и результат – текст. Следует отметить, что главной отличительной чертой текста от дискурса является линейность как «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц» [Алефиренко, 2008, с. 13]. Рассмотрение нелинейной природы дискурса позволило Н.Ф. Алефиренко с другой точки зрения применить методологический инструментарий лингвистической синергетики. В дальнейшем это стало основой исследования роли дискурсивного моделирования «языковой картины мира в формировании культурного кода народа» [Ogneva, 2015, p. 208].

В современной дискурсологии принята точка зрения Н.Д. Арутюновой, согласно которой дискурс – это «текст, погруженный в жизнь» [Арутюнова, 1990, с. 136-137]. Похожую дефиницию представили А.А. Кибрик и В.А. Плунгян, описывая рассматриваемый феномен как «функционирование языка в реальном времени» [Кибрик, 1997, с. 303].

С.И. Виноградов писал, что дискурс – это «завершенное коммуникативное событие, заключающееся во взаимодействии участников коммуникации посредством вербальных текстов и/или других знаковых комплексов в определенной ситуации и определенных социокультурных условиях общения» [Виноградов, 1996, с. 139].

Особой категоричностью характеризуется определение дискурса, изложенное Ю.С. Степановым. Ученый полагает, что данный сложный феномен является репрезентантом «особой ментальности и идеологии», даже творцом «особого, альтернативного мира» [Степанов, 1995, с. 71-72].

По мнению В.З. Демьянкова, дискурс представляет собой «речь в её становлении перед мысленным взором интерпретатора» [Демьянков, 2003, с. 116]. Он также обращает внимание на то, что в отличие от текста, в дискурсе выделяются когнитивные модели, фреймы и концепты.

Дискурс исследуется как конструкт, синтезирующий «когнитивный и коммуникативный аспекты», и направленный на различные сферы жизнедеятельности общества с целью реализации функционального предназначения языка [Magirovskaya, 2020, p. 20].

Е.С. Кубряковой высказано предположение о расширении дискурса на «высшую реальность» языка» [Кубрякова, 2000, с. 24].

Отечественный исследователь Т.М. Николаева подчеркнула, что разногласие в понимании дискурса привели к выделению нескольких его определений:

- диалог;
- связный текст;
- семантически взаимосвязанные высказывания;

– произведение в письменной или устной форме [Николаева, 1978].

В соответствии с выводами Е.В. Темновой, в современной лингвистике наблюдается оформление подходов к трактовке дискурса, с одной стороны, как «коммуникативного явления», а с другой стороны – как феномена, существование которого тесно «связанно с культурными особенностями» [Темнова 2004, с. 24].

Следующей актуальной проблемой является сопоставление дискурса и функционального стиля. Так, Н.Ф. Алефиренко задается вопросами: «В чем же необходимость его использования? Не является ли он дубликатом русских терминов?» [Алефиренко, 2007, с. 5]. В работе Ю.С. Степанова имеется ответ, согласно которому эти два понятия взаимосвязаны синонимически – так как термин «дискурс» стал набирать свою популярность только в 70-х гг. прошлого века, то в российской науке уже использовался термин «функциональный стиль». Исследователь приходит к выводу, что параллельное и не всегда обоснованное использование понятий дискурса и функционального стиля объясняется «особенностями национальных лингвистических школ, а не предметом», так как «в англосаксонской традиции не было ничего подобного, прежде всего, потому что не было стилистики как особой отрасли языкознания» [Степанов, 1995, с. 35].

В.И. Карасиком выражается несогласие с представленной выше точкой зрения. Лингвист полагает, что функциональный стиль и дискурс находятся в иерархических отношениях. Дискурс выступает гиперонимом по отношению к функциональному стилю. Последний он предлагает наименовать «форматом дискурса», конкретизирующегося в определенных жанрах. Выбор нового наименования для существующего явления обусловлен тем, что термин «функциональный стиль» является одним из «наименее удачных терминов в лингвистике» [Карасик, 1998, с. 187]. Дискурс, в свою очередь, представляет собой «прототип, гештальт, когнитивное образование, сопоставимое с когнитивными образованиями, репрезентирующими предметы, события, качества и т.д.» [там же, с. 186].

С точки зрения Н.И. Клушиной, существует взаимозависимость дискуртологии и стилистики как отдельных наук. Однако важно принимать во внимание и сведения относительно преемственности данных наук, поскольку закономерность проведения анализа дискурса заключается в развитии отечественной стилистики, которая все чаще сталкивалась с проблемой необходимости ориентации на коммуникативный аспект. Взаимосвязь и взаимодополнение стилистики и дискуртологии видится в том, что анализ дискурса «может обогатить стилистику – за счет включения термина “дискурс” в научный аппарат стилистики, но с отличным от термина «стиль» значением» [Клушина, 2016, с. 81]. В стилистике может задействоваться методологический аппарат дискуртологии, к примеру, метод контент-анализа.

Соответственно, «современная дискурсивная парадигма знания представлена широким понятийным спектром от рассмотрения дискурса в качестве текста до исследования этого явления в качестве коммуникативного события» [Огнева, 2015а, с. 569].

В связи с этим, В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин выделили основные тенденции развития данного феномена, включающие следующие:

1) субъектные тенденции:

– экспансия демонстративности – это необходимость в продвижении собственного имиджа в рамках институционального дискурса, которая направлена на то, чтобы обрести популярность и материальные средства, тогда как в повседневной коммуникации демонстративность является способом самоутвердиться;

– ювенилизация общения – это преобладание сниженной лексики в СМИ, характерной в большей степени для молодёжи, сокращающей дистанцию между коммуникантами, когда подразумевается игровое поведение, чаще всего наблюдаемое при взаимодействии молодых людей;

– фикционализация информации и растущая значимость навыка критического анализа – это растущее количество «фейковых» новостей, требующих более тщательного анализа на предмет актуальности и достоверности;

2) семиотические тенденции:

– поликодовость и доминирование визуального представления информации – это креализованность текстов, в которых буквенная составляющая уступает мультимедийному способу информирования;

– падение грамотности, т.е. вульгаризация речи и нивелирование стилистических различий устной и письменной речи – это фиксация множества различных ошибок, увеличение частотности использования сниженной и грубой лексики, стирание стилистических границ, что приводит к включению нехарактерных для письменной речи компонентов устного общения;

3) хронотипические тенденции:

– новый виток коммуникативного сжатия мира – это возможность установить контакт с любым коммуникантом, с любой точки мира, в любое удобное время;

– растущий темп жизни и репликовость коммуникации – это многозадачность и направленность слушающего на развернутость сообщения для простоты декодирования, максимально сокращенного говорящим при возникающей сложности в концентрации внимания на протяженных фразах;

– превращение организации пространства личного жилища в профессионально значимый коммуникативный фактор – это создание особых условий в связи с пандемией, когда жилое пространство специалистов функционирует в качестве рабочего офиса;

4) организационные тенденции:

– размывание институциональности – это появление гибридных типов дискурса, в частности научно-популярного и медийно-политического, определение которых связаны с областью функционирования института и основными формами оформления коммуникации;

– размывание границ приватности и публичности – это условия, при которых данные публикуются в сети Интернет и становятся известны огромной аудитории;

– возникновение «медийно продвигаемых ритуалов» – это выявление большого числа ритуалов как социальных действий с целью подчеркнуть

принадлежность или переход к определенному сообществу [Карасик, 2021, с. 16-17].

Развивая дискуртологию, зарубежные лингвистические школы традиционно опираются на «критический дискурс-анализ» [Reynolds, 2019, p. 47]. Однако М. Стаббс отметил многогранность данного феномена, что отражается на выполнении особых функций на каждом из уровней языка. Так, формально дискурс представляет собой «языковую единицу, выходящую за пределы предложений» [Stubbs, 1983, p. 147]. С точки зрения содержания дискурса, оно обусловлено ситуацией общения. Интерактивность лежит в основе организационной стороны дискурса.

С позиций зарубежной традиции, П. Серио обобщил существующие дефиниции дискурса и привел основные из них:

1. Речь в сосюрловском понимании, функционирующая в высказываниях говорящего.
2. Высказывание в его широком понимании.
3. Влиятельный потенциал и место высказываний в определенных ситуациях.
4. Типовая разновидность высказывания – беседа.
5. Противопоставление повествованию, которое подразумевает элиминацию фактора языковой личности.
6. Противопоставление языку в его системном аспекте, поскольку в дискурсе актуализируются различные значения одной и той же лексемы в разных обстоятельствах.
7. Правила употребления определенных высказываний, опираясь на социальные и идеологические параметры.
8. Высказывание как результат управления механизмом дискурса [Серио, 1999].

Следовательно, существование различных подходов к пониманию и интерпретации дискурса в современной лингвистической науке свидетельствуют об активном развитии новой парадигмы лингвистических

знаний, а именно лингводискурсивной парадигмы, в которой значимо исследование специфических черт различных институциональных дискурсов, в том числе и публицистического дискурса как одного из социально значимых типов дискурса.

1.1.2. Специфические черты публицистического дискурса

Несмотря на то, что публицистичность является дополнительной характеристикой различных типов дискурсов, она лежит в основе отдельного типа дискурса, проявляющего относительную автономность. Публицистический дискурс отражает реальную действительность в многозначности и сложности ее проявлений, это является его предметом. Ракурс рассмотрения того или иного события зависит от их оценки автором. Г.Я. Солганик пишет: «у публицистики существует свой угол зрения – создание картины мира с точки зрения человека в обществе» [Солганик, 2007, с. 25].

В языке находят свое выражения «постоянные изменения общественной жизни» [Шмелева, 2021, с. 499]. В частности, это может привести к пополнению речи «неологизмами или актуализации специальных слов» в результате проникновения в общеупотребительную лексику [Голованова, 2020, с. 48]. Это характерно и для публицистического дискурса.

В соответствии с мнением О.В. Луцинской, публицистический дискурс является «институциональным типом дискурса» [Луцинская, 2019, с. 440]. Значимость изучения данного типа дискурса обусловлена, в том числе, и тем, что всем людям в процессе своей жизнедеятельности приходится познавать сущность различных социальных институтов, а также становиться их представителями [Евтушенко, 2021]. Особенностью публицистического дискурса является полисемантность, которая отличается охватом множества

тем, как политического характера, так и «так называемой «желтой прессой»» [Седых, 2018, с. 155].

Интерес к публицистическому дискурсу повысился и вследствие того, что в современном языкознании ведутся активные исследования в русле теории языковой личности (другое название – «лингвистическая персонология»). Специалисты указанного направления анализируют лингвистические данные с учетом гендерных, профессиональных и ментально-психологических характеристик говорящего [там же, с. 152]. Исходя из этого, высокой значимостью наделена задача определения особенностей «языкового оформления публицистического дискурса» [Побережная, 2003, с. 205].

Стоит отметить, что автор дискурса является выразителем идей определенной социальной группы. Рассматривая роль адресата, следует обратить внимание на выводы М. Бахтина, который пишет, что адресат «может быть непосредственным участником-собеседником бытового диалога, может быть дифференцированным коллективом специалистов какой-нибудь специальной области культурного общения, может быть более или менее дифференцированной публикой, народом, современниками, единомышленниками, противниками и врагами, подчиненным и начальником, низшим, высшим, близким, чужим и т.п.; он может быть и совершенно неопределенным, неконкретизированным другим» [Бахтин, 1996, с. 109].

Как известно, в дискурсе информации закодирована с помощью знаков, которые интерпретируются адресатами в процессе ее декодирования. Понимание определенных данных возможно при соотнесении знаков с кодом. В свою очередь, «...код – это структура, представленная в виде модели, выступающая как основополагающее правило при формировании ряда конкретных сообщений, которые именно благодаря этому и обретают способность быть сообщаемыми. Все коды могут быть сопоставлены между собой на базе общего кода, более простого и всеобъемлющего» [Эко, 1998, с. 67]. Важно указать на универсальность процедур кодирования и декодирования информации по отношению к различным типам дискурса.

Еще одной важной отличительной чертой публицистического дискурса считается «поликодовость». М.А. Марковой и Н.Г. Юзефович указано, что в медиатексте сочетаются устная и письменная речь, изображения, аудио- и видеоконтент изображения [Маркова, 2019, с. 203].

В рассматриваемом типе дискурса реализуются логико-понятийный и экспрессивный аспекты коммуникации. По мнению, Т.А. Воронцовой, логико-понятийный аспект распознается по документально-фактографической точности (сведения о точном месте и времени события, наименований официальных организаций и т.п.), официальности и нейтральности изложения (использование клише, нейтральной лексики и т.п.), аргументированности (использование модальных слов и вводных конструкций). Экспрессивный аспект отличается оценочностью, созданием «эффекта новизны», персонификацией изложения (использование местоимений в 1-ом лице или обобщенно-личных конструкций [Воронцова, 2008]. Как видно, при рассмотрении определенного типа дискурса важно учитывать его специфические особенности. Сравнение публицистического с художественным дискурсом отображает возможность употребления разнообразных стилистических приемов. Тем не менее, в художественном дискурсе предусмотрено налаживание связи между автором и аудиторией опосредованно, тогда как в публицистике наблюдается противоположный процесс [Стюфляева, 1982]. Онтологически публицистический дискурс комбинирует специфические средства «политического, рекламного и развлекательного типов дискурса», что становится его особенностью [Карасик, 2020, с. 96].

Помимо этого, научный интерес современной лингвистической науки часто связан с особенностями публицистического и политического дискурса в их взаимосвязи. Принимая во внимание возможность включения элементов политического дискурса в публицистический дискурс, научный интерес в языкознании проявляется и в отношении разграничения данных типов дискурса. Так, публицистический дискурс, тематически ориентированный

преимущественно на «освещение политических событий», влияет на деятельность органов государственной власти и взаимоотношения между представителями разных народов [Хабаров, 2022, с. 159].

Анализ специфических характеристик публицистического дискурса позволил лингвистам выделять наиболее существенные из них, а именно:

1) ориентация на изучение важных мировых процессов и событий, осуществляемое посредством накопления данных об интересующем явлении в настоящее время;

2) актуальность и доступность изложения информации для аудитории;

3) установка на объективность и оперативность в описании определенного явления;

4) синкретизм, наблюдаемый на уровне взаимосвязи с искусством, на уровне знакового, тематического, жанрового и стилового многообразия, сосуществования традиционной журналистики наряду с фактической;

5) наличие оценочности, поскольку публицистический текст всегда имеет своего автора, предполагается употребление скрытой или явной оценки описываемых событий;

6) действие пространственно-временных ограничений передачи и получения информации аудиторией, что приводит к появлению относительной автономности текста;

7) наложение «нескольких слоев», необходимых для вариации глубины декодирования текста;

8) формирование «текста в тексте» в результате ознакомления с исходным публицистическим текстом и построением его проекции [Щелкунова, 2004, с. 77-81].

С точки зрения публицистического дискурса, важным является то, что «что отношение людей к тому или иному событию зависит от способа его подачи» [Кушнерук, 2022, с. 245], поэтому главными целями публицистического дискурса выступают информативная и воздействующая,

тогда как политический дискурс направлен на «завоевание, сохранение и осуществление политической власти» [Колесникова, 2011, с. 69].

Сравнение публицистического и политического дискурса показывает тот факт, что фундаментальным понятием политического дискурса является политика, а именно деятельность целенаправленная на распределение власти и экономических ресурсов внутри и за пределами того или иного государства. Узкое значение политического дискурса раскрывается через разнообразие институциональных форм. Социальные институты функционируют на основе данных форм. К институциональным формам причисляют «приказ, выступление главы государства» и т.д. [Колесникова, 2011, с. 68-69]. Для каждой из институциональных форм существуют особые правила протекания коммуникации между участниками дискурса.

Политический дискурс отличается от других типов дискурса рядом характеристик. Агрессивность и оценочность являются важнейшими из них. Функционирование указанных характеристик прослеживается в ситуации чрезмерного критицизма политиком конкретного факта или явления. При этом задействуется механизм идеализации других фактов или явлений. Стоит добавить, что язык как особый феномен не характеризуется властностью. В то же время, дискурс создается на языковой основе. Более того, с помощью языка появляется возможность управлять дискурсом. Следовательно, дискурс имеет тесные связи с властью в том случае, когда органы власти употребляют определенный набор языковых средств в течение продолжительного времени с целью влияния на аудиторию или убеждения в правильности определенных идей [Белова, 2003]. В результате, оценочность и агрессивность передаются с помощью агитационных средств, пропаганды и лозунгов. Эффективное сочетание данных средств приводит к созданию негативного образа определенного события или представителя власти, он рассматривается в виде врага, и аудитория начинает считать его таковым.

Не менее значимой характеристикой политического дискурса является ориентация на эффективность. Только когда реципиент будет полностью

разделять мнение, продуцируемое представителем власти, цель политического дискурса будет успешно достигнута. Следует указать и на существование ряда требований к оформлению политического дискурса. Использование шаблона позволяет аудитории понять, какие взгляды имеет продуцент, какое место он занимает на политической арене, какие идеи отстаивает и против каких выступает [Синеокая, 2012]. Примечательно, что политические речи насчитывают в 2 раза больше пауз при сопоставлении с повседневными речами. Подобные паузы имеют схожие черты «со сценической речью» [Bell, 1997, p. 46].

В свою очередь, В.И. Карасиком представлены три основных цели публицистического дискурса – «воздействие, информирование и развлечение» [Карасик, 2020, с. 26]. Публицистический дискурс предназначен для передачи определенного мнения относительно выбранного явления, распространения информации об актуальных событиях в мире и осуществления эмоционального воздействия на реципиентов [там же].

Рассмотрение специфики взаимосвязи публицистического и политического типов дискурса сопровождается акцентированием внимания на цитации, инструментально направленной на сохранение информации в исходной форме при ее упоминании. Использование цитат приводит к формированию интертекстуальности. Новые, интертекстуальные связи, способны становиться источником возникновения новых смыслов, поэтому, согласно Ю. Кристевой, текст – это мозаика, составляющими которой являются цитаты, следовательно, любой «текст создается на основе множества других текстов» [Кристева, 2000, с. 429]. Происходит это следующим образом – цитата в публицистическом дискурсе обращена к определенной ситуации, которая гетерогенна по своим временно-пространственным характеристикам рассматриваемой, извлекаемой из памяти говорящего, что воздействует на «семантическое и прагматическое наполнение конкретных текстов» [Шевченко, 2016, с. 44]. В результате реципиент воспринимает цитату в новом текстовом

массиве, предлагаемом для ознакомления журналистом. Это позволяет реципиентам определить степень актуальности и уместности ее употребления.

Истоки вышеупомянутой идеи прослеживаются в труде Т. ван Дейка. Он постулирует репрезентацию текста и контекста, совокупности действий и событий в сознании реципиента в результате восприятия дискурса. Репрезентация представлена в виде «когнитивной модели» [Dijk, 1998, p. 18].

Кроме того, что использование цитат способствует установлению «диалога текста с другими текстами», это приводит к созданию уникального подтекста [Иванова, 2014, с. 61]. Употребление цитаты в дискурсе сопровождается сближением двух моделей ситуаций. Между данными моделями устанавливаются отношения соподчинения. Идентификация употребленной цитаты и выяснение ее семантических характеристик осуществляется постепенно. Сначала журналист обращает внимание на смысловую близость рассматриваемых ситуаций. Далее, реципиенты изучают содержание публикации, что приводит к актуализации в их памяти описанных моделей ситуаций. Наконец, выявляются элементы общего содержания и специфика их выражения. Как результат, ситуация, упоминаемая в цитате, «накладывается на ситуацию», которая рассматривается в рамках публикации журналиста, так как ознакомление с описываемой ситуацией происходит путем сравнения его с другой, поэтому возможно увеличение степени доступности данных для аудитории [там же].

Важно отметить, что публицистический дискурс часто тематически связан с освещением именно политических событий, что является основанием формирования термина «публицистический политический дискурс». Исследовательский интерес к выделяемому типу дискурса обусловлен тем, что многие специалисты в течение продолжительного времени занимаются сбором материала относительно осуществления манипулятивного воздействия. Имеются ввиду процедуры идентификации и выяснения функционального предназначения языковых единиц, используемых с целью влияния на формирование определенных установок или мнений реципиентов. В случае

эффективного манипулятивного воздействия появляется возможность спрогнозировать социальное поведение на данном историческом этапе. Следует добавить, что языковые единицы, используемые для манипуляции, могут влиять на социум как негативным, так и положительным образом.

Манипулятивные маркеры могут функционировать на различных уровнях языка:

- на морфологическом уровне употребляются глаголы настоящего времени, местоимения, прилагательные и наречия;

- на лексическом уровне используются общеупотребительная в сочетании с эмоционально-экспрессивной лексика, фразеологические единицы и диалектизмы;

- на синтаксическом уровне наблюдается поочередное использование простых и сложных предложений, которые выдвигают на передний план определенные идеи [Болдырева, 2019].

Исходя из этого, актуальным направлением исследований считается подробное рассмотрение структуры публицистического политического дискурса и манипуляций как его неотъемлемого компонента. Наличие тесных связей объясняется общей направленностью цели на отбор и эффективное применение комплекса маркеров манипуляции. Кроме того, в публицистическом политическом дискурсе используется эмоционально-экспрессивная лексика наряду с общеупотребительной, что позволяет воздействовать на реципиентов. Как указанный тип дискурса, так и манипуляторная прогностика предполагают создание наиболее благоприятных условий для убеждения реципиентов в правильности или важности определенных идей или ценностей [там же]. С этой целью возможно использование временных или пространственных маркеров. В данной работе используется термин «публицистический дискурс» ввиду анализа публикаций не сугубо политического характера.

Дальнейшее сравнение публицистического и политического типов дискурса сопряжено объяснением их взаимосвязи с социальным дискурсом.

Публицистический и политический дискурсы в обязательном порядке включают участников, а именно представителей общества. Указанные типы дискурса анализируют особенности социальной реальности для передачи информации [Викулова, 2014]. Однако разница между анализируемыми типами дискурса заключается в том, что публицистический дискурс в большей мере ориентирован на передачу информации и представление оценки описываемых событий журналистами, а политический – на внушение, установление власти, убеждение и прогнозирование общественного поведения. Взаимодействие компонентов публицистического с политическим типами дискурса прослеживается, если политика становится исходной темой для создания публикации. Социальный дискурс является объектом рассмотрения с точки зрения публицистического сбора и обработки данных и политического воздействия.

Важно добавить, что обязательной составляющей дискурса считается экстралингвистический фактор, который служит для «опредмечивания и распредмечивания генерализованного смысла формы» для говорящего и реципиента [Болдырева, 2019, с. 22]. Наряду с этим, экстралингвистический фактор может включать:

- гендерную специфику;
- социальный статус;
- фоновые знания;
- паралингвистические средства.

В итоге, становится очевидным, что как публицистический, так и политический типы дискурса, имеют свои специфические характеристики.

В свою очередь, анализ дискурса происходит в направлении гетерогенных каналов связи и распространяется, как на «устную речь, рекламные предложения, изображения, так и на письменную речь» [Berger, 2016, p. 597]. По мнению Н.Ф. Алефиренко, понятие «дискурс» стоит рассматривать в его преломлении к речи, когнитивная сторона которой включает «когнитивные механизмы ее порождения, знания мира, мнения,

ценностные установки...» [Алефиренко, 2009, с. 238]. Это способствует эффективному восприятию передаваемых данных.

В поле зрения современных исследователей находится не только дискурс как особое явление, но и особенности выделяемых типов дискурса. Данное обстоятельство способствует пополнению знаний относительно сочетания уникальных черт публицистического дискурса при его сопоставлении с другими типами дискурсов. Общество узнает об актуальных новостях в различных сферах жизни благодаря публикации газет и журналов, трансляции радиовещания или просмотре телевизора [Mast, 2019]. При этом в настоящее время все большей популярностью пользуется Интернет, потенциал которого охватывает и функцию «информирования населения» о тех или иных явлениях [Meltzer, 2017, p. 207]. Содержательное наполнение публицистического дискурса обусловлено контекстом происходящих событий в определенной стране и за ее пределами. Рассматриваемому типу дискурса характерно распространение неоднородных данных, создание новостных статей журналистами, включающих как описание фактов объективной реальности, так и субъективные оценки с учетом разнообразия привлекаемой аудитории. Соответственно, при передаче данных наблюдается «взаимодействие журналистов и аудитории» [Ferrucci, 2020, p. 1586].

При обращении к вопросу ранжировки новостных статей, стоит указать, что ведущим фактором выступает «степень важности освещаемых событий для современного общества» [Yarlott, 2018, p. 25]. Аудитория ориентируется в содержании статей с первичным ознакомлением с их заголовками. Тематически новостные статьи оформлены в соответствии с излагаемыми событиями, наблюдаемыми в настоящее время и играющими значимую роль для людей. Новостные статьи часто включают комментарии – оценочные суждения представителей СМИ в отношении поднимаемых проблем. Комментаторы могут выражать обеспокоенность, надежды, положительно или негативно оценивать те или иные явления, а также предугадывать потенциальный исход события. Наряду с комментариями журналистов дополнительно могут

включаться комментарии свидетелей или экспертов. Это способствует большей доступности и объективности описываемых событий. Следовательно, новостная статья как таковая основывается на освещении наиболее важных событий для мирового сообщества, задействуя «комментарии журналистов, респондентов, групп экспертов» [Yarlott, 2018, p. 27] с целью всеобъемлющего представления конкретного факта и оценки его последствий.

Несмотря на то, что композиционно-семантические характеристики публицистического дискурса является актуальной проблемой, в современном языкознании наблюдается многообразие методов анализа дискурса. Они различаются согласно специфике исследуемого явления. Так, дискурс-анализ как направление потенциально включает «целевой анализ, предметно-тематический-анализ, когнитивный анализ, коммуникационный анализ, лингвистический (включая жанрово-стилистический) анализ, семиотический (текстовый) анализ, контекстный анализ» [Кожемякин, 2010, с. 20]. Допускается и дальнейшее пополнение методологического аппарата направлений анализа дискурса, так как сам дискурс-анализ предполагает использование «сочетания нескольких методов» при исследовании избранного типа дискурса [Клушина, 2016, с. 81].

Следовательно, изучение публицистического дискурса сопровождается привлечением нескольких методов исследования, поскольку всеобъемлемость выбранного объекта исследования раскрывается по мере планомерной и скрупулезной фиксации всевозможных уникальных его характеристик. Сложность изучения определенного типа дискурса обусловлена и тем, что «современная дискурсивная парадигма знания представлена широким понятийным спектром от рассмотрения дискурса в качестве текста до исследования этого явления в качестве коммуникативного события» [Огнева, 2015а, с. 569].

С точки зрения смысловой организации дискурса, которая охватывает содержательный, структурный и формальный уровни, дискурс-анализ ориентирован на определение тематических особенностей, порядок

распределения информационных данных, оформление представляемых данных средствами лексики и стилистики. Значимым является и фактор процессуальности создаваемого дискурса, так как смыслообразование зависит от ситуации «использования языка», предполагающей наличие реципиента, который «дописывает» текст и «достраивает» его смысл» [Кожемякин, 2010, с. 18].

Изучение организационного аспекта публицистического дискурса приводит к рассмотрению понятия «архитектоника». Изначально данный термин использовался в архитектуроведении, а его происхождение исторически связано с греческим словом *architektonike* – искусство строительства. Со временем термин «архитектоника» стал использоваться в литературоведении. В широком значении понятие архитектоники подразумевает «строение сложного объекта» [Жеребило, 2010, с. 42]. Из этого следует, что архитектоника публицистического дискурса обозначает структурную организацию и взаимосвязь между компонентами данного типа дискурса как единого целого.

Для архитектоники характерно объединение внешне-композиционного и графически-дизайнерского аспектов. Внешне-композиционный аспект предполагает членение текстового массива на композиционные составляющие, выделяемые автором (главы, разделы и т.п.). С точки зрения графически-дизайнерского аспекта дискурса, важным становится выяснение «способов оформления текста, расположение элементов (рубрик, абзацев, строк, предложений и т.д.) и единиц (цитат, дат, сокращений и т.д.)» [Сараева, 2014, с. 160]. Архитектоника дискурса является важным фактором воздействия на восприятие реципиентами новостных статей. Это обусловлено тем, что глубина запоминания и широта распространения информации зависят от качества формального и содержательного оформления текста, повествующего об актуальных событиях мира.

Обращение к роли автора в публицистическом дискурсе является следствием признания за ним в процессе смыслообразования прогноза реакции реципиентов в результате получения информации в том или ином формате.

Следовательно, автору необходимо изложить данные и оценить их таким образом, чтобы аудитория, заинтересованная в подробном изучении определенного политико-экономического или социально-культурного вопроса, поддавалась его переоценке. В этом смысле научный интерес представляет социальная сторона дискурса, что повлияло на выделение такого типа дискурса, как социодискурс [Куценко, 2016].

Социальный аспект публицистического дискурса при его подробном рассмотрении приводит к выявлению функциональной валентности всех составляющих его архитектоники. Другими словами, характер восприятия и оценки информационных данных имеет тесные связи, как с композицией текста, так и с личностными особенностями автора – его статусом, гендерной принадлежностью и т.п. Сочетание указанных факторов приводит к иерархии фактов объективной реальности «по значимости для аудитории» [Каменева, 2009, с. 30].

Структурная организация публицистического дискурса предполагает использование «заголовка как важнейшего компонента» в архитектонике [O'keeffe, 2011, p. 442]. Так, его функциональное разнообразие, по мнению Н.В. Бизюкова, включает инструментальный аспект ознакомления реципиента с «информационно-аналитической стороной дискурса», а также, опосредованным образом с журналистом или изданием [Бизюков, 2010, с. 168]. С.В. Ляпун пишет о выполнении трех основных функций заголовком, охватывающих номинативную, информативную и прагматическую функции. О.Ю. Богданова полагает, что для заголовка характерны «называющая или именующая, концептуально-содержательная и аттрактивная функции» [Богданова, 2012, с. 140-141]. Существует мнение, что заголовок выполняет функции не только обобщения новостей, их оценивания, дизайнерского оформления, но и «мотивирующую к прочтению функцию» [Qais, 2012, p. 195].

В соответствии с позицией Т. ван Дейка, заголовок – это наиболее общая макроструктура, которая включает многообразные способы структурирования ситуаций. В публицистическом дискурсе заголовок выполняет когнитивную

функцию, предполагающую «создание макроструктурной репрезентации» [Дейк, 2000, с. 142]. Заголовок служит активизации определенного сценария и модели, ориентации, доступности и даже восприятию тем или иным образом содержания новостной статьи. Кроме того, заголовок именуют эллиптическим или т.н. «телеграммическим образованием» [Мое, 2014, р. 83].

Следовательно, композиция и смысловое оформление заголовков направляет читателей на восприятие определенных фактов объективной реальности путем ознакомления с ключевыми, с точки зрения автора, единицами, передающими особым образом информацию, что влияет на специфику ее восприятия и дальнейшего распространения. Главная цель заголовка в данном случае, а именно обобщение содержательного компонента публикации с перечислением актуальных социально-культурных ценностей, разделяемых большинством людей на данном историческом этапе, является успешно выполненной [Fomukong, 2017].

Поскольку на данный момент Интернет стал пространством функционирования публицистического дискурса [Vos, 2017], следует обратить внимание на особенности такой платформы. Интернет включает ряд параметров, среди которых:

- функционально-целевой параметр, который связан с целью и полифункциональностью дискурса. Полифункциональность публицистического дискурса в Интернете заключается в объединении информационной, идеологической, воздействующей и ценностно-формирующей функций;
- статусно-ролевой параметр, направленный на участников публицистического дискурса, в котором субъектами публицистического дискурса являются журналисты и аудитория;
- контекстный (ситуационный) параметр, предполагающий опору на затрагиваемую сферу, тематическую специфику, установки и условия протекания дискурса, ценностные ориентации, пространственно-временные обстоятельства, где сфера коммуникации может носить политический, экономический и др. характер. Тематическая специфика определяется

освещаемыми значимыми проблемами в стране и в мире, поэтому установками публицистического дискурса являются «убеждение», «информирование» и т.д.;

– текстовый параметр, который ориентирован на рассмотрение композиционного и смыслового наполнения публицистического дискурса в Интернете с учетом того или иного жанра или формата. При сопоставлении традиционных жанров с публицистическим дискурсом в Интернет-среде, последние предполагают включение изображений, аудио- или видеозаписей;

– когнитивный параметр, научный интерес к которому объясняется выявлением специфики восприятия новостных публикаций с учётом приобщения определенного фактора (гендерного, возрастного и т.д.);

– «лингвистический или языковой параметр», сопровождаемый процедурами анализа языковых единиц, используемых для освещения проблем [Луцинская, 2019, с. 442-443].

Ю.Ю. Наливайко полагает, что информационные данные в рамках публицистического текста считаются «фрагментом жизни социума» в данный момент [Наливайко, 2019, с. 46], поэтому публицистический дискурс отличается своей направленностью на изучение и распространение данных о современных событиях путем поиска информации, а также его ранжирования по степени значимости и масштабности на определенном историческом этапе. Кроме того, в публицистическом дискурсе средства коммуникации выбираются только, если они подходят и понятны конкретной аудитории.

Изучение дискурса позволяет определить «качественную характеристику представленной картины мира» [Тарасова, 2019, с. 47]. Вместе с тем, транслируемая картина мира в пределах публицистического дискурса, имеет тесные связи с различными факторами. Несмотря на то, что текст как продукт публицистического дискурса может отражать различные экстралингвистические факторы, одним из требований к объективной презентации событий является отсутствие предвзятости по отношению к какому-либо явлению, стране или социальной группе. Публицистический дискурс учитывает «время и пространство распространения данных»

[Щелкунова, 2004, с. 81], поскольку они должны быть актуальными и убедительными именно для выбранной аудитории.

Следует обратить внимание на экстралингвистические факторы в публицистическом дискурсе. По мнению В.А. Болдыревой, экстралингвистические факторы играют важную роль в общении, так как они могут влиять на смысл передаваемой и воспринимаемой информации. Одним из таких выступает гендерная принадлежность автора, т.к. существенное значение имеют «гендерные характеристики производителя <...>, социальная роль и базовые знания» [Болдырева, 2019, с. 22].

Как указывает А.Л. Кучина, в настоящее время рассмотрение фактора гендера на материале публицистического дискурса обладает «повышенной актуальностью» для науки [Кучина, 2020].

Стоит добавить, что накопление научных сведений о гендерной проблематике привело к дифференциации понятий «пол» и «гендер». В научных кругах велись дискуссии о роли анатомо-физиологического строения в политико-экономической и социально-культурной сферах. Все чаще гендерный фактор трактуется с точки зрения «властных отношений» [Реснянский, 2019, с. 296]. В то же время, на данный момент нет единого мнения относительно обозначения гендера как особого феномена.

1.2. Гендерный фактор в публицистическом дискурсе

1.2.1. Гендерные исследования в отечественной и зарубежной лингвистической науке

Первое упоминание термина «гендер» наблюдается уже в античные времена. Этимологическая характеристика данного термина заключалась в

закреплении за ним значения грамматического рода. В соответствии с положениями символично-семантической гипотезы в грамматике отражался биологический аспект дифференциации людей по полу. При этом в указанный период в мифологическом мышлении людей преобладали антропоморфизм и анимизм. Соответственно, в ассоциативном ряду маскулинность имела такие признаки, как активность, светлая сторона, сила. В отличие от нее, феминность ассоциировалась с темной стороной и пассивностью.

Указанному выше этапу развития гендерного вопроса в лингвистике присуща редукция, так как явления объяснялись без ссылки на воздействие образования, воспитания, опыта, возрастных, этнических граней языковой личности.

Следующий этап накопления знаний относительно гендерных особенностей языка приходится на XVII-XVIII века. В это время происходило открытие новых языков Америки и Африки, в которых важным фактором признавался гендерный. Так, появились сведения о «нормальном» языке мужчин и негативно маркированном языке женщин.

Первую половину XX века А.В. Кирилина назвала переходным периодом, когда стали известны имена таких лингвистов, как Ф. Маутнер, О. Есперсен и Э. Сепир. Они утвердили взаимосвязь языка и личности [Кирилина, 1999].

Э. Сепир полагал, что низкий статус женщин в обществе приводит к появлению различий в использовании языка. Так, исследование различий на фонетическом и грамматическом уровнях позволило сделать вывод, что «женский вариант языка представляет собой упрощенную форму мужского языка» [Sapir, 1985, p. 61].

О. Есперсен в своей книге «Язык: его природа, развитие и происхождение» писал, что «женщины реже используют разнообразные лексические единицы», что характерно для мужчин [Jespersen, 2013]. О. Есперсен изучал языки островов Карибского архипелага и определил, что в чикито, боливийском племени, женщины используют определенные суффиксы,

которые не употребляются мужчинами. В языке зулу предусмотрен запрет на прямое наименование родственников-мужчин супруга.

Развитие гендерной лингвистики позволило прийти к следующим выводам:

- женщины в своей речи чаще ориентируются на фонетические нормы;
- мужчины употребляют меньше лексем и фразеологических единиц с оценочным значением;
- женщины реже используют бранную лексику [Jespersen, 1998].

Ф. Маутнер объяснял гендерные различия в коммуникации социальным фактором. Он изучил поведение мужчин и женщин в разнообразных социальных группах и пришел к выводу о том, что женщины часто употребляют иностранные слова, вместо существующих эквивалентов родного языка. Он связывал это с недостаточно высоким уровнем образованности женщин и аллегорично обозначил их статус, подобный античному театру, где роли героинь играли представители мужского пола [Уэст, 1997].

Стоит отметить, что выводы Маутнера не одобрили представители биологического детерминизма гендерной дифференциации, указывая на то, что: «Вещи таковы, какие они есть, благодаря тому факту, что мужчины – это мужчины, а женщины – это женщины: такое разделение рассматривается как естественное и укорененное в биологии» [там же, с. 97].

60-70-е годы XX века являются третьим этапом гендерных исследований. В это время развернулись исследования не только социальных аспектов языковой личности, но и психических и биологических [Скачкова, 2009]. Знаковым стало правило андроцентричности. Данное правило было озвучено Дж. Коатс, которая определила, что мужская коммуникация рассматривается как нормальная, а женская – отклонение [Кирилина, 1999].

Согласно Н. Божановой, стереотипы относительно «нормального» поведения женщины стали основой модели ее коммуникативного поведения, основные положения которой:

«– женский род – маркированный, следовательно, его употребление должно всегда следовать после мужского;

– женщины малограмотны, поэтому их язык и речь (письменная и устная) априори беднее и скупер мужских;

– женщина по природе своей болтлива и поэтому ей предписывается сохранять молчание (при этом часто сам факт женской речи уже рассматривается как чрезмерный коммуникативный акт);

– женщина не должна использовать в речи грубую и обценную лексику.

– в своем речевом поведении она должна ориентироваться на мужскую (образцовую) коммуникативную модель и не должна выходить за пределы предписанных тем» [Божанова, 2012, с. 70].

Знаменитая работа Р. Лакофф «Язык и место женщины» указала на то, что в большинстве культур наблюдается андроцентризм [Lakoff, 2004]. Вместе с тем, отечественный исследователь, А.В. Кирилина, выявила, что в русском языке «андроцентризм снижен» [Кирилина, 2000, с. 5].

Гендерные исследования в 70-е годы прошлого века, совпадая с активизацией «второй волны» феминизма, обрели особую популярность на Западе. Напомним, что «первая волна» зародилась в 1848 году и продолжалась до 1920 года и была направлена на установление равноправия между представителями обеих полов на юридическом уровне. «Вторая волна» имела целью добиться реализации юридических прав женщин на одном уровне с мужчинами [Колодина, 2016].

В отечественных реалиях понятие гендера впервые было употреблено в 90-х годах XX века, когда была открыта лаборатория, позже переименованная в «Московский центр гендерных исследований» (МЦГИ). В отличие от западных коллег по направлению исследования, А.В. Кирилина указала на необходимость различать гендерные исследования в рамках науки и феминизм как идеологию: «...нет никаких оснований утверждать, что любая другая идеология (в том числе феминистская) скажется на развитии науки более благотворно» [Кирилина, 2000, с. 21].

В конце прошлого века появился термин «гендеролект», который был раскритикован Е.А. Земской. Российский специалист в рассматриваемом направлении исследований подчеркнула наличие специфики коммуникации мужчин и женщин, но не строгих универсальных и системных правил. Так как представители обоих полов пользуются различными лингвистическими средствами, то следует скорее делать выводы о тенденциях в коммуникации [Земская, 1993]. Также, она выяснила, что ассоциативное поле мужчин связано с занятиями спортом, охотой и войной, а женщин – с природой, животными и бытом.

Стоит отметить, что категоричное и не всегда поддающееся проверке знание в гендерных исследованиях привело к скептической позиции некоторых ученых, считающих, что научные труды «переотягощены нелингвистической информацией и затрудняют целостное восприятие самого языка и науки о нем» [Лыков, 1999, с. 3].

Гендер чаще стал ассоциироваться с социокультурными особенностями представителями разных полов [Строд, 2015]. В то же время, гендер может подразумевать наличие как природного, так и конвенционального компонентов [Занковец, 2012].

Как указывает И.Р. Гальперин, гендер имеет два значения – это грамматический род и указание на пол как шутливое обозначение [Гальперин, 2010]. В свою очередь, О.А. Воронина расширила понимание разнообразия значения данного термина – гендер также может обозначать: субъективность, технологию, культурную метафору, а также идеологический или социальный конструкт [Воронина, 1995].

В проводимом исследовании за основу принято определение гендера, которое сформулировано представителями Московской лингвистической школы гендерологии. Выдающиеся представители данной школы, в частности, А.В. Кирилина, М.В. Томская, Е.С. Гриценко и др. предлагают рассматривать гендер как явление социокультурного характера, включающее «стереотипные образы мужчин и женщин», которые сформировались на биологической основе

и семиотически функционируют в искусстве, философии, литературе, языке и т.д. [Белая, 2009, с. 97].

Исходя из этого, гендер проявляется в коммуникации путем соотнесения норм, представлений и стереотипов с конкретным говорящим как представителем мужского или женского пола, что значимо для определения «черт женственности и мужественности и распространения гендерных идеологий в медиа текстах» [Цветкова, 2020, с. 254].

Западные исследователи изучают в различных аспектах особенности функционирования гендера [Горошко, 1999]. Так, первый подход учитывает социальный фактор при анализе речи мужчин и женщин. Решающую роль здесь играет социальная роль, присущая говорящему, и, отталкиваясь от нее, происходит изучение языковой специфики мужчины или женщины. Данный подход примечателен выделением и дифференциацией мужского и женского языка. Каждый из этих отдельных «языков» проявляет свои характерные черты в случае, если два говорящих имеют разные социальные роли.

Второй подход именуется социопсихолингвистическим. Исходя из названия, в данном случае исследование языковых особенностей мужчин и женщин связано с привлечением статистических показателей, способствующих оформлению психолингвистических теорий типологии языкового поведения.

Третий подход, известный как когнитивный, направлен как на выявление частотности тех или иных характеристик речи мужчин и женщин, так и на «формирование соответствующих языковых моделей» [Колосова, 1996, с. 27].

Следует подчеркнуть взаимосвязь указанных подходов друг с другом.

Отечественный исследователь А.В. Кирилина представила подробный обзор гендерных исследований с учетом их целевого содержания. Так, к ним следует отнести социолингвистическое и психолингвистическое направления изучения гендерных особенностей; кросскультурные и лингвокультурологическое направления; направление, основой которого выступает идеология феминизма; собственно гендерные исследования и маскулинное направление [Кирилина, 1999].

В нашей стране наиболее развитым является социопсихолингвистическое направление. При этом имеются работы, исследующие гендерную асимметрию, андроцентричность и кросскультурные особенности. Наименее изученной областью остается изучение маскулинности как феномена [Кирилина, 1999].

В проводимом исследовании применяется социокультурный подход к исследованию лингвистических аспектов гендера.

Таким образом, современные гендерные исследования целенаправлены на исследование языковых особенностей на различных языковых уровнях и на дальнейшее моделирование речевого поведения мужчин и женщин.

1.2.2. Лингвистический инжиниринг гендерной составляющей в публицистическом дискурсе

Лингвистический инжиниринг представляет собой «построение онтологии, или иерархии абстракций-понятий, которые могут быть положены в основу концептуального анализа текста как структуры знаний» [Халина, 2014, [http](#)].

Для лингвистического инжиниринга публицистического дискурса важно определение взаимосвязи анализируемого типа дискурса с социодискурсом, который рассматривается как отдельное понятие [Куценко, 2016]. Актуальность определения наличия тесных связей объясняется также тем, что субъективное видение ситуации автором может проявляться в том или ином компоненте архитектоники публицистического дискурса. При этом особый смысл может транслироваться вследствие действия «целевого, ценностного, статусно-ролевого, возрастного, гендерного и др. факторов» [Каменева, 2009, с. 30]. Автор при создании и оформлении новостных статей ориентируется на потенциальную реакцию целевой аудитории. Соответственно, возникает необходимость в оценке конкретных экономико-политических или социально-

культурных явлений таким образом, чтобы аудитория смогла внести коррективы в собственное видение событий в массовом порядке, в то время как, например, «глянцевые издания выполняют информативную функцию, но при этом не перегружают читателя» [Барбатько, 2019, с. 27].

Следовательно, журналисты, используя различные средства вербальной коммуникации и маркеры невербальной коммуникации, передают информацию, чтобы аудитория оценивала описываемые события predetermined образом. Более того, «дискурсивное сознание» как «функциональная составляющая нейрофизиологической деятельности головного мозга, связанная с речемыслительной и когнитивной деятельностью и зафиксированной в тексте посредством вербально-невербальной модели мира, обладает свойствами корреляции и измеримости» [Бадалова, 2022, с. 35], указывает на результат адаптации окружающего мира человеком в соответствии с важными задачами, а именно с «обратным моделированием». Данное явление определяется первоначальной организацией модели путем деятельности мозга с дальнейшей ее реализацией в объективном мире. Слова, к примеру, дают знания о представлениях людей об окружающей среде.

Исходя из этого, многие специалисты обратили внимание на проявление различных характеристик языковой личности, в частности гендерной принадлежности в дискурсе, в его «количественных и качественных параметрах» [Ogneva, 2015, p. 1103]. Эти проявления получили название «гендерная составляющая», под которой понимается совокупность гендерно-маркированных номинаций в структуре дискурса.

Ирвинг Гоффман, знаменитый американский социолог, заявил, что «наиболее глубокой, внутрисложенной чертой человека является его принадлежность к определенному полу» [Goffman, 1979, p. 7]. Данное заявление И. Гоффман подкрепляет аргументом о том, что женственность и мужественность в определенном смысле суть «предшественники и изначальные способы выражения сущности» [ibidem, p. 19]. Знаменитый социолог также добавил, что гендерные характеристики оперативно считываются в любом

контексте человеческого взаимодействия, потому как это то, что «попадает в самую цель при характеристике человека» [Goffman, p. 19].

Ссылаясь на идеи, выраженные Вильгельмом Гумбольдтом о языке как выразителе национального духа, посредником мыслительных процессов и реального мира, следует учитывать и возможности языка как такового. Так, известный немецкий языковед считал, что язык может создать определенный «образ окружающей действительности», что способствует распространению влияния на общественную мысль [Гумбольдт, 2000, с. 76]. Более того, в XX веке Бенджамин Уорф, один из основоположников гипотезы «лингвистической относительности», писал, что «наш лингвистически детерминированный мыслительный мир не только соотносится с нашими культурными идеалами и установками, но захватывает даже наши, собственно, подсознательные процессы в сфере своего влияния и придает им некоторые типические черты» [Алпатов, 1998, с. 20].

Следовательно, важнейшей задачей в современном языкознании считается рассмотрение фактора воздействия гендерной принадлежности на коммуникацию, протекающую устно или письменно. В данной работе поддерживается и тезис А.А. Кибрика относительно того, что все явления, которые в определенной степени связаны с языком, считаются его составляющими [Кибрик, 1992]. Это позволяет сочетать наработки когнитивного и гендерного направлений языкознания с целью выяснения характера соотношения социальной и культурной сторон, опираясь на материал анализируемого типа дискурса [Егорова, 2020].

Трансдисциплинарность подобных исследований объясняется тем фактом, что языковая специфика определенного автора дискурса связана с «культурной традицией, ценности которой он разделяет» [Шапочкин, 2012, с. 71]. Культурные особенности прослеживаются «на уровне поведения или лексического наполнения дискурса». Лексико-грамматические параметры речи указывают на культурную самобытность народа, его предметную среду, стиль жизни и паттерны поведения [Григорьева, 2007, с. 331-233].

Принимая во внимание сложность и неоднозначность трактовки понятия гендер, исследователи обращают внимание на комплекс методов, позволяющих зафиксировать «особенности его моделирования» [Трофимова, 2020, с. 13], а именно его «дискурсивно-прагматическое моделирование» [Alefirenko, 2019, p. 142-149].

В лингвистике определены различные подходы к пониманию модели и ее роли в познании языковых и речевых фактов. Так, в исследованиях В.А. Штофа под моделью понимается «такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что её изучение даёт нам новую информацию об этом объекте» [Штоф, 1966, с. 19]. Р.Г. Пиотровский указывал, что существуют три типа моделей: «структурные модели» являются средством описания внутреннего строения объекта; «функциональные модели» нацелены на изучение поведения объекта; «динамические модели» изучают развитие объекта [Пиотровский, 1998, с. 86-96]. По мнению В.И. Карасика модель следует рассматривать «как исследовательский конструкт реальности», который «представляет собой рабочий инструмент для изучения сущности рассматриваемого явления в его системных и функциональных связях с явлениями более общего порядка» [Карасик, 2013, с. 6]. Например, синтаксическое моделирование публицистического дискурса выявляет формы практической реализации коммуникативных целеустановок [Шаталова, 2012].

Дальнейшее развитие идей моделирования применительно к дискурсу способствует появлению «теории когнитивно-дискурсивного-моделирования как автономного направления лингвистической дискурсологии» [Кушнерук, 2017, с. 270]. Так, объективная реальность с точки зрения когнитивного дискурса имеет следующую последовательность моделирования: в первую очередь, общество создает язык, в котором заключена информация о реальности; далее выявляются особенности функционирования определенных языковых средств; наконец, создаются уникальные языковые модели, используемые в процессе протекания дискурса [Вохрышева, 2017].

Раскрытие гендерной специфики в публицистическом дискурсе в данной работе включает метод лингвистического моделирования, поскольку он «предоставляет широкий спектр научных данных, полученных посредством применения разнообразного исследовательского инструментария, как относящегося исключительно к области когнитивной лингвистики, так и функционирующего на стыке лингвокогнитивистики, лингвокультурологии, психолингвистики, социолингвистики и других смежных дисциплин» [Огнева, 2016, с. 49].

Представим модель публицистического дискурса, состоящую из трёх уровней следующим образом.

Рисунок 1 – Модель публицистического дискурса

Представленную на рисунке 1 модель публицистического дискурса можно интерпретировать через модель его дискурсивного информативного кода, под которым понимается «совокупная проекция различных социокультурных трансформаций представляет собой единство лексико-грамматических и синтаксических конструкций, отражающих объекты, субъекты и процессы реального мира» [Огнева, 2023, с. 297].

Дискурсивный информативный код состоит из двух сегментов: (1) гендерная составляющая публицистического дискурса и (2) лингвокультурная составляющая публицистического дискурса. Гендерная составляющая в качестве второго уровня рассматриваемой модели представляет собой единство разнотематических информативных авторских журналистских моделей, под которыми понимаются исследовательские конструкты, представляющие собой совокупность различных типов маркеров невербального кода и эмотивов, формирующими третий уровень модели публицистического дискурса.

В работе детально рассматриваются маркеры невербального кода, к которым относятся проксемы, хронемы, сенсемы, кинемы, такемы.

Следовательно, изучение модели публицистического дискурса, а именно гендерной составляющей в диссертационном исследовании сопровождалось выявлением типов и частотности маркеров невербального кода [Глава 2].

1.3. Маркеры невербального кода коммуникации в модели публицистического дискурса

1.3.1. Маркеры публицистического дискурса

В современной лингвистике наблюдается постоянное расширение сведений о дефиниции, видах и специфике публицистического дискурса. По

мнению Н.Ф. Алефиренко, дискурс – это «речемыслительное образование событийного характера» [Алефиренко, 2019, с. 31]. Известный лингвист пишет о том, что публицистический дискурс отличается комбинацией социокультурного, психологического, прагматического, паралингвистического и др. параметров. Следовательно, в публицистическом дискурсе накапливаются сведения, которые получены в результате невербальной коммуникации, то есть благодаря тому, что существует «знаковая природа невербальной коммуникации» [Седых, 2018, с. 162]. При непосредственном рассмотрении невербальной коммуникации важно указать на то, что, в отличие от вербальной, она не требует знания иностранных языков для достижения понимания выражаемых эмоций или желаний [Молчанова, 2014].

Примечательно, что проблема дефиниции термина «публицистический дискурс» распространяется и на дефиницию актуального для изучения явления невербальной коммуникации [Кудинова, 2020]. Сущность невербальной коммуникации возможно определить при сопоставлении с вербальной коммуникацией. Так, в случае с вербальной речью, предполагается наличие интеракции собеседников, использующих ту или иную знаковую систему, в первую очередь, языковую. В свою очередь, существует различие между внутренней и внешней речью, главным отличительным признаком которых считается направленность. Так, внешняя речь основывается на внутренней и ориентирована на реципиента, в то время как «внутренняя речь адресуется самому автору» для размышления над своим поведением и контролем действий [Ретюнских, 2016, с. 199].

Невербальная коммуникация преимущественно обусловлена социально-культурным контекстом протекания, поскольку это позволяет определить степень адекватности применяемых средств в той или иной коммуникативной ситуации.

Причиной появления невербальной коммуникации стала потребность в налаживании контактов между людьми. С течением времени невербальная система знаков стала усложняться и в итоге возникла необходимость

установления связи посредством вербальной коммуникации, способствующей комфортному взаимодействию. Несмотря на эволюцию знаковых систем вследствие преобразований культурных представлений, «невербальная коммуникация на данный момент считается перспективным объектом исследования» [Берестенников, 2020, с. 76].

Маркер невербальной коммуникации репрезентирует движение тела в пространстве, его декорацию, мимические выражения, жесты и т.д., которые служат средствами создания, передачи и восприятия множества смыслов. Стоит добавить, что для невербальной коммуникации может быть характерна как намеренность, так и непренадмеренность, определяемые ожиданиями и поведением собеседников в процессе коммуникации [Harrison, 1989]. Невербальная коммуникация позволяет номинировать не только специфику поведенческих реакций, эмоциональной гибкости, но и особенности протекания интеллектуальной деятельности говорящего [Burgoon, 2016].

Невербальная коммуникация занимает значимое место в современном обществе по нескольким причинам. Во-первых, как указывают Т.В. Коробкина и В.В. Гусаченко, вербальные сигналы передаются в пять раз слабее и медленнее, нежели невербальные. Во-вторых, невербальная коммуникация является более сложным механизмом, который может «достигать такого уровня понимания, который недоступен для вербальной коммуникации» [Коробкина, 2017, с. 69]. Соответственно невербальное общение способствует более быстрой передаче необходимой информации за короткий промежуток времени. Однако следует иметь в виду, что данный тип общения характеризуется структурной сложностью, что дает возможность «достичь более глубокого уровня понимания» представленных данных [там же]. Это существенная черта для разных типов дискурса, особенно для публицистического дискурса. Невербальная коммуникация отличается большей эффективностью, нежели вербальная [Knapp, 2013].

Знаменитый психолог А. Мехрабиан одним из первых обратил внимание на средства невербальной коммуникации. Он пришел к выводу, что лишь 7%

информации воспринимается собеседником в случае анализа исключительно вербального аспекта коммуникации. Обращая внимание на невербальную коммуникацию, собеседник способен усвоить «55% передаваемого сообщения» [Tiechuan, 2016, p. 1].

Значимым является замечание О.В. Кобзевой и А.В. Вандышевой о наличии в некоторых ситуациях противоречивости передаваемой информации средствами вербальной и невербальной коммуникации. Проблема определения истинности сообщаемых данных решается опорой преимущественно на невербальную коммуникацию, так как она имеет бессознательный характер. Следовательно, собеседник «не способен скрыть определенные детали» в процессе коммуникации [Кобзева, 2015, с. 200-201].

Анализ невербальной коммуникации с точки зрения ее преднамеренности или непреднамеренности сопровождается определением главного отличия между ними, а именно возможности или невозможности управлять передаваемыми сообщениями. К примеру, преднамеренный характер невербальной коммуникации предполагает способность коммуниканта контролировать передачу данных и акцентировать внимание собеседника на наиболее значимых, по мнению говорящего, фактах объективной реальности. Существенным недостатком преднамеренной невербальной коммуникации считается искажение или ложное представление реальности. В то же время, говорящий способен «выбирать наиболее эффективные средства для достижения определенной цели в процессе коммуникации» [Ezaka, 2018, p. 11]. Следовательно, исследование невербальных средств приводит к тому, что процесс коммуникации постигается «более глубоко» [Даниленко, 2016а, с. 327].

С точки зрения функционального предназначения невербальных средств коммуникации, они способны выполнять несколько функций. Среди них – «контактоустанавливающая, эмотивная, аппелятивная, дейктическая, изобразительная и риторическая функции» [Ильина, 2015, с. 220].

Полифункциональность и гетерогенность средств невербальной коммуникации приводит к трудностям однозначного объяснения мимики,

жестов, перемещения тела, интонации голоса, выбора прически и декорации лица косметическими средствами, украшения тела определенными предметами гардероба и аксессуарами, задействованием пространственно-временных обстоятельств со смыслообразовательной целью [Украинский, 2019]. Тем не менее, с этим связана значимость анализируемого вида коммуникации – возможность проследить изменения в поведенческих реакциях или коммуникации собеседника, что способствует объективности познания явлений в определенной культурной среде [Берестенников, 2020].

Говоря о типологии невербальных знаков, остановимся на одной из популярных, которую предложил Р. Харрисон:

- «перформативные коды (performative codes);
- артефактуальные коды (artifactual codes)» [Harrison, 1972, p. 254].

Первый тип знаков включает совокупность действий, которые выполняются посредством тела человека. Второй тип предполагает наличие объектов, которые являются украшением человека. Таким образом, перформативными кодами считаются мимика, движения тела, жесты, позы, улыбка, смех, характеристики голоса, движения глаз. Артефактуальные коды включают в себя макияж, причёску и элементы одежды.

По мнению Е.Т. Кененбаева, идентификация и раскрытие сущности средств невербального поведения мотивируют к обеспечению «наивысшей степени взаимопонимания» [Кененбаев, 2019, с. 61]. Важно, что лингвист опубликовал результаты типологии средств невербальной коммуникации, включающие:

- 1) знаки, детерминирующие поведение, т.е. реакции организма (побледнение, тремор и т.д.);
- 2) знаки, передаваемые ненамеренным образом – привычки человека (опускание головы, покачивание ног и т.д.);
- 3) собственно коммуникативные знаки – это те знаки, которые способны передавать определённую часть данных относительно фактов окружающей среды.

И.Е. Ильиной представлена объемная классификация направлений изучения средств невербальной коммуникации, которые включают:

- гаптику, объектом исследования которой является тактильный контакт;
- паралингвистику, объектом исследования которой являются дополнительные параметры звукового оформления голоса в процессе коммуникации (тембр, интонация и т.д.);
- экстралингвистику, объектом исследования которой является внеязыковой компонент коммуникации;
- ольфакцию, объектом исследования которой является запах;
- окулесику, объектом исследования которой является зрительный контакт;
- аскультацию, объектом исследования которой является восприятие звуков органами слуха;
- гастику, объектом исследования которой является пища и напитки;
- силенциальный и акциональный компоненты – молчание и сопровождающие речевую деятельность действия;
- проксемику;
- хронемнику;
- кинемнику [Ильина, 2015].

В свете сказанного публицистический дискурс необходимо изучать с учетом роли маркеров вербальной и невербальной коммуникации [Abisheva, 2018, p. 19].

Е.В. Журавлевой развиты идеи Т. ван Дейка и добавлена мысль о том, что «новостные медиа решают, кого, когда и каким образом нужно представить [Журавлева, 2019, с. 51]. С этой целью в публицистическом дискурсе используется особым образом оформленная комбинация средств вербальной коммуникации и маркеров невербальной коммуникации.

Под маркерами невербальной коммуникации понимается текстовая номинация компонента невербального кода коммуникации. При этом важно пояснить, что под номинацией подразумевается «образование языковых

единиц, характеризующихся номинативной функцией, т. е. служащих для названия и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений» [ЛЭС, 1990, с. 336].

В соответствии с результатами исследования, публицистический дискурс содержит пласт знаний, который репрезентирован «номинантами-маркерами невербального кода» [Огнева, 2017, с. 137].

Е.Г. Задворная и А. Хонарджу полагают, что невербальная коммуникация выполняет «семантическую, эмоционально-оценочную, регулятивную, дейктическую, выделительную, статусно-ролевую и фатическую (в состав которой также входит метакоммуникативная) функции» [Задворная, 2019, с. 47].

Функциональное многообразие невербальной коммуникации наблюдается на материале публицистического дискурса, часто связываемого с манипулятивным воздействием. К примеру, по мнению В.А. Болдыревой, публицистический политический дискурс сравнивается с манипулятивной прогностикой по ряду критериев, включающих:

- схожесть цели и мотивов – создание и расширение власти;
- схожесть основных черт – использование общеразговорной лексики, эмоционально-экспрессивных средств передачи информации и т.д.;
- «схожесть иллокутивной цели», предполагающей использование разнообразных языковых средств с целью перлокуции [Болдырева, 2019, с. 23].

Следовательно, функционирование маркеров невербального кода коммуникации в модели публицистического дискурса воздействует на восприятие описываемых фактов респондентом, который узнает о них посредством ознакомления с определенным источником СМИ и соотносит свою точку зрения с мнением автора публикации. Принимая во внимание выделяемые А.П. Садохиним виды невербальной коммуникации [Садохин, 2004], в данной работе будут освещены проксемы, хронемы, сенсемы, кинемы и такемы как маркеры невербального кода, входящие в дискурсивный

информативный код, представляющий собой единство лексико-грамматических и синтаксических конструкций, отражающих объекты, субъекты и процессы реального мира.

1.3.2. Проксемные маркеры невербального кода коммуникации

В проводимом исследовании проксемные маркеры невербального кода коммуникации раскрываются после рассмотрения эволюции восприятия категории «пространство».

Исследование пространственных отношений наблюдается в творчестве Демокрита, основоположника атомизма, который описывал атом как идеальный принцип, геометрическую фигуру, размещенную в пространстве. Атом наделяется такими пространственными параметрами, как «верх-низ», «лево-право» тела [Коршунов, 2014, с. 71].

Аристотель, в свою очередь, также изучал проблему пространства как категории посредством характеристики понятия «место», которое существует неразрывно от тел. Однако предметы способны покидать место. Следовательно, пространство воспринималось в связи «с активностью тела, которое оставляет или занимает определенное «место»» [Аристотель, 1981, с. 129].

Во времена Средневековья пространство рассматривается в вертикальной плоскости, которая символизирует путь к Богу. Помимо этого, пространство трактуют в связи с эмоциональными переживаниями.

Эпоха Возрождения отличается накоплением знаний о пространстве в системе точных наук. Рене Декарт абсолютизирует пространство, перенося его границы на всю объективную среду [Декарт, 1989]. Соответственно, каждый объект окружающей среды описывается в пространственном измерении.

Исаак Ньютон представил следующую типологию пространства:

- 1) «абсолютное» – неподвижное и неизменное пространство;

2) «относительное» – субъективное, характеристика пространства зависит от восприятия [Ньютон, 1989, с. 31].

Г. Лейбниц не поддерживал данную позицию, потому как считал неправильным отождествлять время, пространство и материю. По его мнению, пространство – это не объективная реальность, а «результат или свойство бытия вечного тела» [Лейбниц, 1982, с. 446]. Согласно А. Эйнштейну, «только событие, а не пространство или время обладает физической реальностью» [Эйнштейн, 1966, с. 25].

В.И. Вернадский предложил расширить интерпретацию пространства как физико-математической плоскости посредством определения роли субъекта. Во второй половине XX в. О.Н. Селивёрстова предложила принимать во внимание разноаспектность характеристик пространства, в зависимости от определенной сферы употребления. Пространство в понимании исследователя представляет собой «одно-, двух- или многомерную структуру» [Селивёрстова, 1990, с. 7].

В свою очередь, термин «проксемика» в научный оборот ввел Эдвард Твитчелл Холл. Американский исследователь межкультурной коммуникации стал одним из корифеев, занимающихся анализом пространственных параметров человеческого взаимодействия. Э. Холл представил дефиницию проксемики как науки, в область исследования которой включены особенности личностных пространственных отношений людей. Антрополог считал, что, полагаясь на определенные нормы пространственного расположения, человек «регулирует дистанцию» между объектами и другими людьми относительно своего тела. Из этого следует, что выстраивание дистанции является одним из значимых аспектов социально-культурной сферы [Безенкова, 2011, с. 105].

Согласно Э.Д. Чагдуровой, «огромное множество смыслов, изучаемых семиотикой, зашифрованы в нашей повседневности, в обыденной жизненной практике...» [Чагдурова, 2015, с. 109]. Применительно к проксемике, главным индикатором нормы является ощущение комфорта при установлении дистанции во взаимодействии [там же, с. 108-109]. Быстрая реакция на внешние

угрозы считается основной причиной важности учета потребности человека в дистанцировании. Это позволяет подсознательно чувствовать безопасность. Также, персональное пространство человека способно проецироваться на «определенную территорию», что лежит в основе «персонализации» реального участка местности [Котова, 2016, с. 141-142].

С.В. Иванова отмечает, что пространство «позволяет говорящему адекватно позиционировать себя в процессе коммуникации, поскольку он отражает социальные отношения, духовные ценности, стереотипы лингвокультурного сообщества» [Иванова, 2009, с. 271]. Постоянство воспроизведения в определенной культурной среде пространственных параметров, приемлемых для взаимоотношений между представителями конкретного народа, приводит к формированию «пространственных стереотипов» в лингвокультурной среде [Каримова, 2012, с. 237]. Важно отметить, что территория с точки зрения человеческого взаимодействия может классифицироваться на первичную, вторичную и социальную. Первичная по близости территория включает жилье человека, двор, комнату и т.п. Вторичная по близости территория находится вне непосредственного контроля человека, однако связана с ним. К примеру, рабочее место студента в университете, которое он занимает в течение курса обучения. «Социальная территория» может использоваться определенными людьми в течение более ограниченного времени. К примеру, человек может зарезервировать стол в ресторане на выбранную дату и временной период [Anjali, 2015, p. 50].

Общепринятые нормы наряду с нормами определенных этносов являются основой правил пространственной организации между коммуникантами. Так, общепринятыми нормами организации пространственных отношений считают следующие:

– «семиотизацию и окультурование пространства», что подразумевает маркировку территории как благоприятной или, наоборот, запретной или несущей опасность для размещения определенных людей или различных групп людей;

– право индивида на отстаивание границ личного пространства, проявляемого вербальным и невербальным образом. Вербальный способ организации расположения заключается в проговаривании человеком своих требований к пространственной организации по отношению к себе. Невербальный способ организации расположения отражается в изменении местоположения определенных предметов [Кушнерук, 2019, с. 58].

Нормы определенного культурного сообщества выдвигают требования к регулированию дистанции при учете «местоположения, времени, гендерного фактора, возрастного параметра, статуса в обществе, степени близости, цели общения и т.д.» [там же]. Так, А.Р. Валиева и Ю.В. Михайлова указывают на то, что в пространственных отношениях между мужчинами и женщинами прослеживается следующая особенность – при нарушении мужской интимной зоны женщиной это «вызывает больше агрессии», нежели наоборот [Валиева, 2021, с. 106].

Г.Е. Крейндлин подчеркнул значимость т.н. «психологической дистанции» [Крейдлин, 2002, с. 470]. Как пишет Г.Г. Молчанова, психологическая дистанция может быть рассмотрена на примере, когда объятия с физической точки зрения затрагивают интимную зону, а с психологической – личную [Молчанова, 2013].

Регулирование дистанции во взаимодействии, в свою очередь, также напрямую зависит «от характера установившихся отношений людей с учетом их индивидуальных черт». Так, при общении с близкими людьми дистанция при общении сокращается, однако интроверты даже с близкими людьми предпочитают держаться несколько отстраненно [Безенкова, 2011, с. 3].

Подобным образом, пространственные параметры взаимодействия определяют специфику отношений коммуникантов. Так, динамика отношений зависит от дистанции. В свою очередь, А.В. Кучерявых вводит понятие «проксеMATичный код культуры». Данный термин используется для обозначения пространственной характеристики организации коммуникации

определенным культурным сообществом. Дистанция также является индикатором динамики протекания отношений между коммуникантами.

М.М. Бахтин при рассмотрении взаимосвязи категорий пространства и времени в литературоведении ввел термин «хронотоп». Хронотоп характерен для «литературных образов, стиля описания, автора и читателя» [Бахтин, 2000, с. 16].

В соответствии с теорией Ю.М. Лотмана, «пространство в литературе представляет собой континуум», в рамках которого персонажи находят свое место и осуществляют деятельность [Лотман, 2002, с. 418].

Пространство описывается такими маркерами невербального кода как проксемы, под которыми понимаются «языковые структуры, репрезентирующие пространственные параметры, пространственные представления этноса, зафиксированные в языке [Кузьминых, 2013, с. 283]. Проксемы являются одним из типов информантов дискурсивного информативного кода

В настоящее время существует следующая типология проксем:

- «персонифицированные проксемы», представляющие пространственное измерение художественного произведения и локацию героев;
- «неперсонифицированные проксемы», представляющие пространственное измерение художественного произведения и локацию неодушевленных предметов [Огнева, 2021, с. 62].

В зависимости от местоположения персонажей и предметов в художественном произведении проксемы подразделяются на динамичные и статичные. Исследование архитектоники публицистического дискурса выявляет наличие в нём таких же типов проксем, как и в художественном пространстве.

Соответственно, в публицистическом дискурсе функционируют персонифицированные и неперсонифицированные проксемы, которые, в свою очередь, в дальнейшем дифференцируются на динамичные и статичные проксемы.

Наряду с перечисленными типами проксемных маркеров невербального кода А.С. Казмагамбетова разработала следующую классификацию проксем:

- 1) по характеру воздействия на субъекта: визуальные, визуально-акустические, визуально-тактические проксеми;
- 2) по характеру действия частей тела: соматические;
- 3) по содержательному наполнению: описательные и экспрессивные;
- 4) по морфологическому признаку: глагольные, наречные, проксеми-предлоги;
- 5) по характеру участия говорящего и слушающего: индивидуальные, взаимные, групповые и индивидуально-взаимные [Казмагамбетова, 2014].

Проецирование данной классификации проксем на модель публицистического дискурса показывает наличие перечисленных А.С. Казмагамбетовой проксем и в модели публицистического дискурса.

Исследование пространственных параметров коммуникации и проксем в качестве маркеров невербальной коммуникации при анализе публицистического дискурса выявляет их тесное взаимодействие со спецификой данных, поступающих от органов чувств человека, которые составляют информативность сенсем.

1.3.3. Темпоральные маркеры невербального кода коммуникации

Рассмотрение темпоральных маркеров невербального кода коммуникации целесообразно осуществлять после рассмотрения понятия «времени», являющегося одной из наиболее важных категорий осмысления мироустройства. Интерпретация указанной категории в разные времена отличалась. Прежде всего, обратимся к представлениям древних людей о времени.

Для наименования ряда феноменов, не поддающихся сложному анализу, в древние времена прослеживалась ориентация на физические действия. Это обусловлено тем, что абстрактное мышление древних людей не было достаточно развитым для дифференциации явления времени и физической активности в их пространственном представлении [Пиксендеева, 2020].

Мифологическая трактовка устройства мира характеризуется отсутствием определения временных ограничений. Первобытные люди могли осознавать необходимость удовлетворения своих примитивных потребностей и временной период, который был рассчитан на их действия по решению поставленных задач, воспринимался как непродолжительный. Древние люди воспринимали время как то, что происходит сейчас, на данный момент. При этом они членили категорию времени на ближайшее прошлое и будущее.

Согласно выводам знаменитого французского антрополога и философа, основателя теории «дологического мышления» Люсьена Леви-Брюля, практически каждый существовавший в древности язык был лишен широкого инструментария репрезентации временных отношений. В противовес этому, в языках того времени зафиксировано «большое количество средств выражения пространственного измерения» [Леви-Брюль, 1935, с. 300].

Соответственно, первобытный человек не воспринимал категорию времени «отдельно от собственной деятельности и пространственных отношений», что в дальнейшем побудило к развитию представлений о рассматриваемой категории [Сапожникова, 2016, с. 17].

В античные времена время как категория было описано детально. Среди древнегреческих философов, которые внесли вклад в развитие представлений о времени выделяются Зенон из Элеи (ок. 490 - 430 гг. до н. э.) и Аристотеля, который представил его знаменитые апории, включающие «Ахиллес», «Стадий», «Дихотомия» и «Стрела». Содержательный аспект апорий обусловлен целью построения эффективной аргументации иллюзии движения, которое также распространялось и на категорию времени. Так, апория «Стрела» посвящена описанию временного континуума, который представляет сумму

отдельных временных периодов, лежащих в основе «теперь». В труде Аристотеля данный процесс описан следующим образом: «Если всякое [тело] ... покоится там, где оно движется, всякий раз, когда занимает равное [себе пространство], а движущееся [тело] всегда [занимает равное себе пространство] в [каждое] «теперь», то летящая стрела неподвижна» [Шалак, 2009, с. 26]. Исходя из положений апории, летящая стрела неподвижна. Противоречивость такого утверждения породила многочисленные дискуссии.

Немаловажным является труд Аристотеля «Физика». В соответствии с представлениями философа, временной континуум разделяется на следующие отрезки:

- 1) то, что уже свершилось и не наблюдается;
- 2) то, что будет и не наблюдается [Егизарян, 2018; Пиксендеева, 2020].

Учитывая вышеизложенное описание временных отрезков, Аристотель разграничивал прошедшее и будущее время. При этом философ не выделял понятие «настоящее время», поскольку оно не подлежало разделению как целого на части. Рассмотрение настоящего времени с данной позиции содействовало установлению его в качестве основы для дифференциации прошедшего и будущего времени.

Периоду Средневековья свойственно осмысление времени исключительно при соотнесении с другими явлениями – состоянием, измерением, характеристикой или сопоставлением различных категорий. В соответствии с Аврелием Августином Блаженным, одним из Отцов христианской церкви, прошлое – это то, чего нет, будущее пока не наступило, а «настоящее не наделено протяженностью» [Августин, 1991, с. 292-297]. Если в античности категория времени ассоциировалось с вечностью, то в Средневековье – с трудноуловимым феноменом, для познания которого необходима опора на другие параметры.

При сопоставлении культурологических характеристик восприятия времени как категории в период Античности и Средневековья, следует выделить их отличительные черты. Античной философии была свойственна

«идея круга» – цикличности событий и временного континуума. Такое восприятие накладывалось и на интерпретацию мирового порядка, и на роль человека в нем. Желание приблизиться в своем бытии к богам содействовало трактовке времени как постоянства повторяемых событий, вечности, происходящей в данный момент. Философы Средневековья полагались на «идею стрелы», отличающуюся рассмотрением линейности времени, ограниченности временного периода. Средневековая культурная традиция ориентировалась на описание конечности человеческой жизни и, в связи с этим, потребность дать в жертву свое настоящее ради светлого будущего после физической смерти [Сапожникова, 2016].

Эпоха Возрождения знаменательна многочисленными научными достижениями, в том числе и работами Исаака Ньютона, выдающегося английского физика и математика. В работе «Математические начала натуральной философии» (1687 г.) он представил следующую типологию времени:

- 1) «математическое время», которое протекает равномерно и непосредственно;
- 2) «относительное время», познаваемое конкретно-чувственным опытом при обращении к тому или иному телу [Khamenei, 2007, p. 130].

Мартин Хайдеггер, известный философ XX в. поддержал идеи Исаака Ньютона. Он писал о «человекомерности» времени. Время, согласно философу, конечно и является одной из наиболее значимых характеристик при оценке смысла жизни человека. Типология категории времени М. Хайдеггера включает следующие его типы:

1. «Первоначальное», которое непосредственно связано с человеком.
2. «Производное», которое связано с человеком опосредованно [Гриценко, 2017, с. 78].

Из этого следует, что производное время – физическое, объективное и не поддается чувственной фиксации. Данный тип времени не опознается ощущением. При сопоставлении производного времени с первоначальным,

последнее обладает конечностью для человека, что приводит к проблеме анализа смысла человеческого существования.

Следовательно, в прошлом веке значимостью характеризовалось субъективное восприятие времени. Согласно Альберту Эйнштейну, ритм протекания любого процесса обусловлен массой, скоростью движения и плотностью гравитационного поля. Скорость интеллектуальных процессов зависит от ритма всех процессов в мире. Однако стабильность ритма вызывает споры, так как принимается во внимание «роль субъекта» [Пилипенко, 2015, с. 212].

Вышеупомянутый тезис подтверждается разнонаправленностью восприятия быстротечности времени в случае опоздания или неспешности течения времени при ожидании наступления определенного события. Следовательно, опаздывающий человек воспринимает время по-другому, чем ожидающий. Кроме того, один и тот же человек способен ощущать протекание событий в разной временной проекции, что обусловлено субъективной оценкой данного временного периода.

Таким образом, восприятие времени в разные исторические периоды существенно отличалось. Первобытные люди не разграничивали категорию времени от категории пространства, ориентируясь на свои физические действия. В античное время философы большей мерой обращали внимание на настоящее, а в Средние Века – на будущее. Эпоха Возрождения характеризуется дифференциацией математического и относительного времени, что прослеживается и в восприятии категории «время» в XX веке.

Поскольку на современном этапе в науке о языке прослеживается повышенный интерес к языковой личности, феномен категории времени как один из наиболее фундаментальных в процессе обработки информации является актуальным объектом исследования. Это побуждает к постоянному пополнению сведений о категории времени / категории темпоральности в определенном контексте. Категория темпоральности отражает формальные и

смысловые особенности отражения временных параметров языковыми средствами.

Как отмечает А.В. Бондарко, «темпоральность – это функционально-семантическая категория, выражающая сущность физического и философского аспектов времени...» [Бондарко, 1990, с. 43]. Термин «темпоральность» используется как в гуманитарных, так и естественнонаучных дисциплинах. Данная категория имеет тесные связи с объективным временем, которое трактуется следующим образом:

– с точки зрения философии – это «онтологическая категория», которая вместе с пространством и движением образует триаду форм существования материи;

– это «научная категория», имеющая внутреннюю дифференциацию на биологическое, психологическое, физическое, космическое и культурное время [Синкевич, 2010, с. 148].

Темпоральность может быть репрезентирована с помощью различных средств на уровне лексики или грамматики, а также посредством комбинированных средств, если ядром темпоральности избрана категория грамматического времени [Бондарко, 1990].

Помимо этого, значимость исследования категории темпоральности раскрывается в следующих факторах:

1) роль категории темпоральности как формата знаний, который интерпретируется как формальное отражение «знания на мыслительном (концептуальном) или языковом уровнях» [Болдырев, 2009, с. 26];

2) возможность категории темпоральности получать, сохранять и распространять сведения о мире с учетом культурного, национального и субъективного аспектов, поэтому в современном языкознании уже имеются сведения о наивной концептуализации мира с опорой на содержательные особенности категории темпоральности и хронотопа на материале английского и русского языков, что позволяет выявить закономерности проявления «принципа антропоморфизма в сознании языковой личности» [Рябова, 2014];

3) универсальный характер категории темпоральности, которая вместе с категорией пространства, считается наиболее фундаментальными представлениями общества об устройстве окружающей среды [Комарова, 2019].

В.В. Востоков полагает, что категория темпоральности нуждается в разграничении на следующие типы:

- коммуникативное время – это отношение адресанта к данным, сообщаемым в определенный момент времени;
- когнитивное время – это извлекаемый из памяти временной период;
- эмотивное время – это эмоциональная окраска реакции адресанта на сообщение, передаваемое в конкретный временной промежуток [Востоков, 2006, [http](#)].

В настоящее время в лингвистической науке не существует единого мнения относительно структурной организации категории темпоральности по ряду причин.

В первую очередь, момент речи может осуществляться разнонаправленно, отталкиваясь от точки отсчета. Во-вторых, важным фактором выступает субъект, вступающий во временные отношения. Другими словами, в рамках дискурса субъективно время воспринимается более замедленно или ощущаться как мгновенно протекающий процесс, способный условно фиксироваться на определенном моменте, ориентироваться на события будущего или прошлого, предопределяясь желаемым результатом собеседников. В конечном итоге, исследование текста как результата дискурса происходит путем «анализа различных структур» [Усенко, 2019, с. 222].

М.А. Кронгауз говорит о том, что семантическая связь грамматических глагольных и неграмматических показателей времени имеет много общих черт. Хотя в современной науке признается неоднозначность интерпретации структуры категории темпоральности, отечественный языковед полагает, что протекание событий, выполнение действий или приобретение тех или иных свойств во временном континууме относительно точки его отсчета выполняется

посредством упомянутых показателей времени в одинаковой мере [Кронгауз, 1989].

Стоит указать на наличие исследований относительно разницы восприятия временных периодов представителями разных гендеров. К примеру, представители мужского пола недооценивают длительность временного периода. Напротив, представительницы женского пола переоценивают данный временной интервал. Более того, часто женщины могут «переоценить продолжительность временного периода почти на 10%», в сравнении с объективным временем. У мужчин подобной переоценки не зафиксировано [Ходанович, 2014, с. 214]. «Внутренние» часы также варьируются в зависимости от гендерной принадлежности. Мужчина чаще ориентирован на «построение прогнозов в будущем времени», полагаясь на цели и потребности, тогда как женщина с заметной частотой вспоминает пережитые события [Зозуля, 2012, с. 100].

Стоит добавить, что в публицистическом дискурсе временные и пространственные отношения динамичны, что приводит к созданию уникальной социокультурной реальности, предполагающей обеспечения одновременности, понимаемой как «восприятие бытия во времени как события» [Мансурова, 2003, с. 9]. Соответственно, на данный момент актуальной задачей является исследование темпоральных маркеров в публицистическом дискурсе с фокусированием внимания на личности журналиста как продуцента публицистического дискурса. В частности, интересующей и важнейшей характеристикой языковой личности выступает ее гендерная принадлежность.

По мнению Ю.В. Павловой, «в публицистическом дискурсе номинации невербального речевого поведения используются в первую очередь для прагматически релевантного отражения коммуникативной деятельности человека и для реализации того или иного коммуникативно-интенционального содержания фрагмента дискурса, обладающего рядом национально-специфических характеристик» [Павлова, 2015, с. 68-69]. Так как реципиенты,

узнающие информацию из источников СМИ, проживают далеко за пределами освещаемых стран, они не могут владеть объективными сведениями о том или ином событии и поэтому доверительно относиться к публикуемым данным. В итоге, в определенном источнике СМИ возможно «распространение строго определенного мнения, игнорирование или сокрытие определенных подробностей» [Gaines, 2006, p. 177].

Значимость рассматриваемой проблемы определяется и тем, что потенциал эффективности маркеров невербальной коммуникации распространяется на сознательную и бессознательную передачу информационных данных, контроль взаимодействия и поведения других людей, а также подтверждение истинности или ложности данных. При этом сознательное невербальное взаимодействие способно создать необходимый образ [Сиражудинова, 2019]. Однако «социокультурный фон, представления народов и требования к оформлению текста» определенным образом также влияют на отображение мировых событий [Сескутова, 2014, с. 137]. Употребление маркеров невербального кода находится «в непосредственной связи с контекстом» [Богоявленская, 2018, с. 328]. Эта закономерность обусловлена тем, что в «публицистическом дискурсе в фокус внимания чаще попадают элементы, представляющие собой объекты сарказма, критики, возмущения, дискредитации» [там же, с. 34].

Категория времени в дискурсе обеспечивается при помощи таких средств, как: «1) формы глагола и грамматические конструкции; 2) хронемы; 3) лексический таймеры» [Бузина, 2019, с. 175].

Термин «хронема» понимается как «языковая единица, вербализующая темпоральный маркер в повествовательном контуре текста, репрезентирующий время как компонент невербального кода коммуникации» [Огнева, 2013, с. 141].

Соответственно, хронемы – это слова и словосочетания, которые репрезентируют категорию темпоральности и являются одним из типов информантов дискурсивного информативного кода.

Существует классификация хронем по количественному и качественному составу. С точки зрения количественного состава различают:

– «однойдерные хронемы» (хронемы соотносящиеся с одним словом или словосочетанием, в структуру которого входит темпоральная лексема и атрибутивы);

– «многоядерные хронемы» (хронемы соотносящиеся с несколькими словами или словосочетанием, в структуру которого входит несколько темпоральных лексем) [Огнева, 2013, с. 141].

Качественно выделяется три типа хронем: линейная, циклическая и линейная хронема.

Линейные хронемы передают информацию о постепенной и необратимой длительности определенного события. Линейная хронема обозначает последовательный переход от события в прошлом к событию в настоящем и, только после этого, – к событию в будущем.

Направленность на события в будущем времени не характерна для циклического времени. Следовательно, циклическая хронема обозначает движение времени к определенному моменту, который является маркером возврата в начало, в прошлое. К примеру, циклическая хронема “month” описывает течение дней к моменту достижения месячного цикла, после которого фиксируется повтор того же цикла.

Линейное время – это индивидуальное время описываемых в публицистическом дискурсе действующих лиц.

В настоящее время имеется ряд работ по изучению хронем как маркеров невербального кода коммуникации по большей части на материале художественных произведений. Существующие работы позволили выделить следующие характерные черты употребления хронем:

1) «высокая частотность употребления хронем придаёт динамизм и трагизм описываемым событиям» [Огнева, 2016, с. 15];

2) «...хронемы превалируют в номинативных полях информационного и фонового терминалов когнитивной сцены, что предопределяет степень

интенсивности динамики этих терминалов текстовой когнитивной сцены» [Кузьминых, 2013, с. 7];

3) для выявления особенностей хронем значим «когнитивно-герменевтический анализ концептосферы» [Гужва, 2015, с. 166];

4) «обобщающие хронемы являются базовой основой для многих произведений» [Бузина, 2017, с. 14];

5) «общая динамика хронем в самом контуре художественного текста имеет несущественное отклонение от среднего значения» [Бузина, 2019, с. 60];

6) «динамика темпоральной архитектоники художественного текста в большей степени связана с различными объемами временных этапов, нежели с использованием самих хронем» [Огнева, 2019, с. 278];

7) «...многоядерные хронемы в модели номинативного поля в большей степени, чем одноядерные отражают культурологический аспект концепта ВРЕМЯ» [Копцева, 2018, с. 63];

8) «во всех частях повествования преобладают циклические хронемы» [Даниленко, 2019, с. 21] и др.

Следовательно, при исследовании концептуализации фактора времени в языковых единицах необходимо использовать языковые темпоральные структуры как объект изучения механизмов получения знания, восприятия и кодирования знаний о временных отношениях языковыми средствами [Синкевич, 2010], поэтому физическое или реальное время, относящееся к объективной реальности, а также хронологическое время, относящееся к определенному событию и к созданию модели реального времени, описываются с использованием определенной знаковой системы и формальных языковых средств описания [там же].

Д. Лихачев полагает, что искусство слова ограничено временными рамками. Другими словами, процессы создания и восприятия текста происходят в определенный временной промежуток. Данный факт принимается во внимание автором текста при описании событий, которые могут не соотноситься с физическим временем. Отталкиваясь от цели, которую следует

достичь автором, категория времени в тексте может быть представлена в виде «непродолжительного или наоборот, продленного, временного периода». В тексте определенный временной период описывается как прерываемый или непрерывный, события описываются последовательно или же лишены данной характеристики [Лихачев, 1979, с. 211].

При этом, «осевой» формой времени, передаваемой глаголами, является настоящее. Настоящее определяется моментом речи. Э. Бенвенист в речевом акте видел первопричину возникновения темпоральности, что обусловлено его процессуальностью и инструментальностью относительно анализируемой категории. Момент речи является маркером настоящего и этот механизм основан на базе «внутренней референции на то, что вот-вот станет настоящим, и то, что только перестало им быть» [Бенвенист, 1974, с. 315].

Е.И. Бузина считает, описание времени посредством грамматико-временных форм и грамматических конструкций представляют собой «связь темпоральных предикатов отглагольных форм» [Бузина, 2019, с. 176]. Кроме того, исследователь ввела в науку понятие «лексический таймер» как маркер невербального кода. При сопоставлении лексических таймеров с хронемами, разницей является способ репрезентации категории темпоральности. Лексические таймеры передают знания о временных параметрах косвенным образом. Существует типология данных средств. К первому типу лексических таймеров принадлежат слова и словосочетания, косвенно репрезентирующие категорию темпоральности. Ко второму типу лексических таймеров принадлежат «фразеологические единицы, которые непрямым способом описывают категорию темпоральности» [Бузина, 2019, с. 149]. Лексические таймеры детально в диссертации не рассматриваются.

Хронемы как один из типов информантов дискурсивного информативного кода способствуют временной локализации функционирования публицистического дискурса на темпоральной оси. Хронемы как маркеры невербального кода коммуникации тесно связаны с проксемными маркерами, номинирующими пространственные параметры коммуникации.

1.3.4. Сенсемные маркеры невербального кода коммуникации

Сенсорика – это вид невербальной коммуникации, который основывается на чувственном восприятии окружающей действительности. Сенсорика указывает на то, какие ощущения органов чувств появляются при взаимодействии с определёнными объектами или людьми [Садохин, 2004]. Так, в процессе коммуникации обращается внимание на визуальное оформление образа с помощью «элементов одежды или аксессуаров» [Todorović, 2014, p. 322]. Учёт данной информации позволяет определить статус, профессиональную занятость, особое событие в жизни и т.п.

Акцентируется внимание и на цвете, а также сочетании цветов, которые оцениваются с точки зрения их гармоничности. Помимо этого, визуально выявляются характеристики предметов окружающей среды.

Слуховое восприятие позволяет оценить степень комфорта прослушивания голоса или определённых звуков. Данная оценка связана с такими параметрами звучания голоса, как скорость, тембр, высота, тональность, ударения, громкость и чёткость произношения.

Обоняние служит инструментом восприятия и дальнейшей оценки различных запахов. Коммуниканты могут обращать внимание на качество и интенсивность запаха, а также возникающие в процессе этого приятные или неприятные ощущения как сигналы необходимости регуляции общения.

Вкусовые рецепторы служат инструментом передачи сладкого, солёного, кислого или солёного вкуса.

Осязание характеризуется передачей информации от такого органа человеческого организма, как кожа. Взаимодействие с другими людьми и окружающей средой, с точки зрения функционирования органа осязания, позволяет определить характеристики боли, прикосновения, тепла и холода.

Сенсеммы как маркеры невербальной коммуникации репрезентируют ощущения, получаемые коммуникантом вследствие работы органов зрения,

слуха, нюха, вкуса и осязания. Сенсемы являются одним из типов информантов дискурсивного информативного кода.

Опираясь на семантический аспект сенсем как маркеров невербального кода коммуникации, выделяются следующие типы сенсем:

1) зрительные сенсемы – сенсемы, которые описывают информацию от органов зрения (глаза);

2) слуховые сенсемы – сенсемы, которые номинируют информацию от органов слуха (уши);

3) вкусовые сенсемы – сенсемы, которые номинируют информацию от органа вкуса (язык);

4) обонятельные сенсемы – сенсемы, которые описывают информацию от органа нюха (нос);

5) осязательные сенсемы – сенсемы, которые описывают информацию от органа осязания (кожа) [Огнева, 2021].

В архитектонике публицистического дискурса сенсемы детально прежде не рассматривались.

Специфика функционирования сенсем в публицистическом дискурсе прослеживается в настоящее время только в нескольких лингвистических работах [Трофимова, 2020, 2022а, 2022б].

Выявлено, что сенсемы в модели гендерной составляющей публицистического дискурса употребимы для уточнения отношения описываемых в дискурсе действующих лиц к описываемым происходящим событиям, в которых участвуют эти действующие лица.

1.3.5. Кинемные и такемные маркеры невербального кода коммуникации

В невербальной коммуникации внимание сфокусировано на каждом элементе взаимодействия, так как определенное выражение лица, перемещение

тела или жест накладывают дополнительные оттенки смысла на вербальную составляющую. Если не принимать во внимание важность невербальной коммуникации, собеседники будут неспособны передавать данные с той содержательной полнотой, которая наблюдается при анализе видового сочетания коммуникации [Кнарр, 2013].

Жесты являются древнейшим способом информирования о значимых событиях. Например, жесты позволяют осуществлять ежедневные ритуалы приветствия или прощания.

Мимика, представляя собой движение лицевых мышц, позволяет определить эмоциональное состояние продуцента.

Наблюдение за мимическими выражениями и телодвижениями коммуниканта впоследствии позволяет определить его позицию относительно различных фактов окружающей среды. Кроме того, значимость данного наблюдения заключается в возможности предопределить его поведенческие реакции в будущем [Родионова, 2019].

Однако стоит указать на то, что представители одной лингвокультуры в процессе коммуникации не всегда искренни и могут задействовать определённые мимические выражения и жесты для «имитации определенного эмоционального состояния» [Хлыстова, 2008, с. 258].

К примеру, наличие симпатии между коммуникантами часто распознаётся по их улыбке в процессе коммуникации. Если коммуникант недоволен, он обычно хмурит брови, сжимает губы и т.п.

Для того, чтобы сообщить о своём восхищении, коммуникант может захлопать в ладоши, а чтобы выразить скуку – подпирать лицо руками и т.д.

Знание типичных выражений мимики, жестов и телодвижений позволяет коммуникатам воспроизводить их при переживании различных эмоций как средство их выражения.

Информация кинесики выражается в кинемах. Впервые этот термин в языкознании был введен И.А. Бодуэном де Куртенэ от греч. *kinema*, что означает движение. Американский антрополог Р. Бирдвистел определял

кинемы как комплексы кино – «мельчайших, далее неделимых, наименее заметных движений» [Birdwistell, 1970, p. 25].

В дальнейших работах кинема интерпретируется как языковая единица, поскольку, по мнению В.П. Тимофеева, под кинемой следует понимать «артикул как единичное действие одного органа речи» [Тимофеев, 1996, с. 144]. Позже под термином «кинемы» было предложено понимать «маркеры невербального кода, репрезентирующие жесты и телодвижения» [Огнева, 2021, с. 62].

В данной работе, вслед за В.П. Тимофеевым и Е.А. Огневой «кинема» рассматривается в качестве языковой единицы.

Кинемы являются одним из типов информантов дискурсивного информативного кода, в архитектонике которого они взаимосвязаны, прежде всего, с сенсемами. Кинемы осуществляются в коммуникативном пространстве, поэтому они могут быть сопряжены с проксемами.

Результаты исследования кинем в архитектонике публицистического дискурса отражены только в нескольких работах [Трофимова, 2020, 2022].

Исследование роли и условий функционирования кинем в публицистическом дискурсе показало тот факт, что кинемы как маркеры невербального кода сопровождают ту часть дискурсивной информации, которая недостаточно убедительна для читателей без описания жестов тех, о ком говорится в информативной части публицистической модели дискурса.

Часть кинем приобретают дополнительные семантические свойства и функционируют в качестве таковых. Такемы как маркеры невербальной коммуникации репрезентируют «тактильное взаимодействие» с телом коммуниканта [Огнева, 2010, с. 117].

Такемы репрезентируют в тексте тактильные жесты, то есть прикосновения, выражающие разные чувства; они служат ориентиром в пространстве для человека относительно других предметов и людей. Стоит отметить, что за прикосновениями закрепляется разная оценка, в зависимости от приемлемости и приятности ощущений. Так, объятия могут обозначать

выражение радости при встрече и являться положительно окрашенными, тогда как удар кулаком свидетельствовать о неконтролируемой эмоции гнева, которая проявляется в нанесении физического ущерба или провоцирует возникновение боли в теле другого человека.

Тактильные жесты рассматриваются в такой части языкознания как такесика, которая представляет собой вид невербальной коммуникации, передающий информацию на основе тактильных ощущений коммуникантов [Садохин, 2004]. Среди прикосновений, которые выделяются в современной науке различают следующие: похлопывания, удар, поглаживания, поцелуи, объятия, пинки, щекотка, удержание и др. [Садохин, 2004].

Такемы представляют собой один из типов информантов дискурсивного информативного кода. Кроме того, такемы детализируют степень близости, статус отношений, возрастные или гендерные особенности участников коммуникации. В публицистическом дискурсе такемы передают дополнительную информацию о характере описываемых взаимоотношений между коммуникантами.

Так, при описании в публицистическом дискурсе жеста рукопожатия, при котором рука одного из коммуникантов расположена сверху руки другого коммуниканта, продуцент этого информативного компонента дискурсивной модели указывает на доминирование одного из описываемых участников коммуникации

Результаты исследования такем в архитектонике публицистического дискурса отражены в нескольких работах [Трофимова, 2020, 2022].

Рассмотрение специфики функционирования такем в архитектонике публицистического дискурса показало тот факт, что такемы применимы преимущественно при характеристике дружеских или деловых отношений коммуникантов, о которых идет речь в публицистическом дискурсе.

Было выявлено, что такемы являются дополнительным информативным фактом о статусе коммуникантов, описываемых в публицистическом дискурсе.

Выводы по главе 1

В современной дискурсологии существуют различные подходы к определению и интерпретации публицистического дискурса.

В проводимом исследовании публицистический дискурс рассматривается как исследовательский конструкт, представляющий в широком смысле коммуникативное событие, обусловленное продуцированием разнотематической информации журналистами, а в узком смысле – это текст, сформированный в результате завершения коммуникативного действия и представленный в печатных СМИ.

Публицистический дискурс тесно связан с политическим дискурсом. Кроме того, параметры публицистического дискурса сопряжены с социодискурсом.

Публицистический дискурс представляет собой модель, в которой дискурсивный информативный код подразделяется на гендерную составляющую и лингвокультурную составляющую.

Интерпретация гендерной составляющей модели публицистического дискурса основывается на рассмотрении языковых структур, номинирующих гендерную принадлежность авторов статей.

В проводимом исследовании гендер трактуется как социокультурный феномен. Лингвистический аспект гендера заключается в гендерной интерпретации речевых единиц коммуниканта.

Авторы публицистического дискурса в процессе написания и оформления новостных материалов прогнозируют возможную реакцию читателей газеты, вследствие этого, значимые мировые события в сфере экономики, политики или культуры освещаются посредством сочетания различных речевых средств.

Журналисты-мужчины и журналисты-женщины, опираясь на знания о потенциальной реакции целевой аудитории, используют различные средства

вербальной коммуникации и маркеры невербальной коммуникации не только с целью информирования, но и с целью влияния на общественное мнение.

Согласно предложенной в работе модели публицистического дискурса гендерная составляющая в качестве второго уровня рассматриваемой модели представляет собой совокупность разнотематических информативных авторских журналистских моделей, репрезентированных маркерами невербального кода и эмоциями, формирующими третий уровень модели публицистического дискурса.

Маркеры невербального кода рассматриваются в качестве номинаций информации невербального кода коммуникации и представляют собой совокупность проксем, хронем, сенсем, кинем и такем.

Проксеммы как тип информантов дискурсивного информативного кода формируют дискурсивное пространство публицистической модели, где пересекаются сенсеммы, кинеммы и такеммы.

Хронеммы как один из типов информантов дискурсивного информативного кода репрезентируют временную специфику функционирования публицистического дискурса на темпоральной оси.

Выявлено, что сенсеммы в модели гендерной составляющей публицистического дискурса играют роль уточнения отношения действующих лиц, описываемых в модели дискурса, к представленным в дискурсе происходящим событиям.

Исследование роли кинем в модели публицистического дискурса показало, что кинеммы связаны с частью дискурсивной информации, которая недостаточно убедительна для читателей без описания жестов. Установлено, что кинеммы как один из типов информантов дискурсивного информативного кода взаимосвязаны в дискурсивном публицистическом пространстве, прежде всего, с сенсеммами.

Обосновано, что часть кинем приобретают дополнительные семантические свойства и функционируют в качестве такем, которые в модели

публицистического дискурса применимы для характеристики дружеских или деловых отношений коммуникантов.

Было выявлено, что такемы представляют собой дополнительный информативный факт о статусе коммуникантов, описываемых в публицистическом дискурсе.

ГЛАВА 2. ГЕНДЕРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ МАРКЕРОВ НЕВЕРБАЛЬНОГО КОДА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ГАЗЕТЫ «THE NEW YORK TIMES»

2.1. Специфика исследования гендерной составляющей в газете «The New York Times»

2.1.1. Алгоритм интерпретации гендерной обусловленности функционирования маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе

Исследование тенденций употребления маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе с учетом гендерного фактора, нацеленное на выявление их типов и установление частотности, осуществлялось последовательно, в соответствии с алгоритмом интерпретации гендерной обусловленности функционирования маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе, состоящем из семи этапов.

Первый этап. Выбор СМИ для исследования. На данном этапе выбирается журнал или газета, в которых планируется выявление тенденций формирования сравнительно-сопоставительной интерпретативной модели гендерной обусловленности функционирования маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе.

Второй этап. Выбор тематического раздела журнала/газеты. На данном этапе определяется спектр тематики журнала или газеты за n-промежуток времени и выбирается одна из тем для более детального исследования гендерной обусловленности функционирования маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе, например: “World”, “Art”, “Sport” и т.д.

Третий этап. Определение публикационной активности журналистов-мужчин и журналистов-женщин в выбранной тематике в анализируемых журнале/газете. На этапе проводится мониторинг количества статей, опубликованных журналистами обоих полов по выбранной для исследования тематике за n-промежуток времени.

Четвёртый этап. Отбор двух и более журналистов-мужчин и журналистов-женщин для детального анализа их публицистических дискурсов. Этот этап нацелен на определение из перечня, полученного в п.3, n-количества журналистов-мужчин/журналистов-женщин, у которых выявлен высокий уровень публикационной активности по выбранной для исследования тематике за n-промежуток времени.

Пятый этап. Отбор равного количества статей у каждого из журналистов-мужчин/журналистов-женщин из перечня в п.4. для детального исследования одного из типов номинантов их структуры. На этапе проводится выбор типа номинантов и осуществляется отбор статей, в составе которых выявлен рассматриваемый тип номинантов.

Шестой этап. Определение частотности номинантов исследуемого типа в рассматриваемых статьях. В проводимом исследовании таким типом номинантов являются маркеры невербального кода коммуникации, количество которых определяется в каждой из отобранных статей выбранных журналистов-мужчин и журналистов-женщин. Данный этап предполагает последовательное выявление различных номинантов и фиксацию их количественных показателей в каждой из статей с их дальнейшим суммированием и выявлением частотности.

Расчет процентного отношения номинантов осуществляется в соответствии с формулой:

$$\omega_w = n_w/N \times 100\%$$

где n_w – размер части, а N – размер целого.

Седьмой этап. Определение корреляции частотности маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе

журнала/газеты и гендерности авторов статей. На этом этапе выявляется частотность маркеров невербального кода в публицистическом дискурсе двух журналистов-мужчин и журналистов-женщин. Делается вывод о степени взаимосвязи типов маркеров невербального кода с гендером авторов проанализированных статей.

Достижение поставленной цели в рамках данной работы обусловлено последовательным выполнением каждого из этапов.

2.1.2. Проекция алгоритма интерпретации гендерной обусловленности маркеров невербального кода коммуникации на публицистический дискурс газеты «The New York Times»

Исследование дискурсивного информативного кода публицистического дискурса газеты «The New York Times» с целью создания сравнительно-сопоставительной модели как совокупности гендерно обусловленных маркеров невербального кода, осуществленное с применением авторского алгоритма интерпретации гендерной обусловленности функционирования маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе, показало следующие результаты.

Первый этап. Выбор СМИ для исследования.

Прежде, чем перейти к непосредственному анализу маркеров невербального кода журналистов-мужчин и журналистов-женщин, необходимо указать на причину избрания в качестве материала исследования популярной американской газеты «The New York Times».

Вышеупомянутая ежедневная газета занимает третье место по тиражу в Америке. «The New York Times» – это одна из наиболее влиятельных СМИ в стране [Новгородова, 2020, с. 102]. Стоит отметить, что «The New York Times» является примером элитарной журналистики. Такой вывод был сформулирован

после тщательного обзора статей журналистов, которые в большинстве случаев писали о местных политических и общественных деятелях.

Популярная газета критикуется и за освещение определенных политических деятелей. Так, как указывают исследователи, если журналисты “New York Post” описывали Дональда Трампа как будущего президента в целом положительно, то журналисты «The New York Times» при его описании использовали лексику, обозначающую агрессивное поведение: “pushes, offers himself, bizarre speech, insulting etc.” [Trajkova, 2019, p. 33]. Это связано с тем, что редакция газеты «The New York Times» поддерживает сторонников либерального политического подхода.

Ввиду известности и популярности данной газеты, выявление гендерных особенностей отражения различных мировых событий является актуальной задачей в современной науке.

Второй этап. Выбор тематического раздела журнала/газеты.

В проводимом исследовании был избран раздел “World”, который включает публикации журналистов-мужчин и журналистов-женщин, освещающих значимые события для всего мира.

Третий этап. Определение публикационной активности журналистов-мужчин и журналистов-женщин в выбранной тематике в анализируемых журнале/газете. Дальнейшая процедура исследования позволила отобрать журналистов-мужчин и журналистов-женщин, которые освещают в своих статьях события со всего мира. Был проведен количественный анализ публикаций журналистов-мужчин и журналистов-женщин в разделе “World” с целью определения частотности публикации ими материалов.

Выявление публикационной активности происходило путём случайной выборки статей с фиксацией имён и фамилий журналистов-мужчин и журналистов-женщин, которые опубликовали свои статьи за данный период в разделе “World”. В строке поиска электронной версии газеты вводились имена и фамилии выбранных журналистов-мужчин и журналистов-женщин,

выбиралась секция “World” (section), устанавливался временной диапазон поиска – с 01.01.2005 г. по 31.12.2018 г. (specific dates) указывался тип представляемого материала – статьи (articles). В результате этого, были получены данные о количестве статей каждого и каждой из искомым журналистов-мужчин и журналистов-женщин автоматически.

Четвертый этап. Отбор двух и более журналистов-мужчин и журналистов-женщин для детального анализа их публицистических дискурсов.

Было определено, что высокая публикационная активность наблюдалась у Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл. Гендер данных журналистов-мужчин и журналистов-женщин был установлен при рассмотрении биографических данных, изложенных на сайте газеты, на основе морфологических признаков обозначения категории рода.

Количество их статей за выбранный в п.3 период является следующим:

- Марк Лэндлер (1730 статей);
- Дэн Билефски (1554 статьи);
- Эллен Барри (1474 статьи);
- Сара Лайл (987 статей).

Важно обратить внимание на характеристику представленных журналистов-мужчин и журналистов-женщин в соответствии с данными, выявленными на сайте исследуемой газеты.

Марк Лэндлер – американский журналист-мужчина, который возглавляет бюро «The New York Times» в Лондоне. Ранее он работал в “The Times”, являлся корреспондентом Белого дома [Landler, <http>]. Его статьи преимущественно были посвящены вопросам экономики.

Марк Лэндлер знаменит написанием книги “Alter Egos” (Random House), которая отображает особенности внешнеполитической повестки Б. Обамы и Х. Клинтон. Журналист является представителем Совета по международным отношениям. В электронном формате газеты содержится достаточно обширная информация не только о Марке Лэндлере, но и о следующем популярном

журналисте-мужчине – Дэне Билефски. Он родом из Канады, однако, является международным корреспондентом. Журналист обучался в Оксфордском университете и получил степень магистра европейской политики. Предыдущие места работы были связаны с издательствами “The Financial Times”, “The Wall Street Journal” и “The International Herald Tribune”.

Следовательно, тематика статей журналиста-мужчины связана не только с его родной страной, но и с Францией, США, Турцией, Великобританией и Чехией [Bilefsky, [http](#)]. Такой обширный географический фактор повлиял на содержательную часть публикаций журналиста мужского пола. Так, в Праге Дэн Билефски публиковал материалы о восточно- и центрально-европейских странах.

Он также обращал внимание на ситуацию на Балканах и странах Балтии. Кроме того, он прослеживал реакцию населения на отделение Косово, российско-грузинскую войну 2008 г., события в Албании и т.д. Работа в Париже характеризуется описанием политических фактов, а также изучением проблемы терроризма.

Пребывая в Лондоне, журналист мужского пола стал известен освещением проблем терроризма, позиции крайних правых политических сил. Именно в этот период его карьеры он издал книгу “The Last Job: The “Bad Grandpas” and the Hatton Garden Heist” по мотивам серии вскрытия сейфа и кражи 60-70-летними мужчинами драгоценностей и валюты в алмазном районе столицы. Журналистская деятельность г-на Билефски в Стамбуле отличается пристальным вниманием к соблюдению прав человека.

При описании профессиональной деятельности журналистов-женщин, Эллен Барри и Сары Лайл следует обратить внимание на следующие аспекты. Эллен Барри является руководителем бюро газеты в Новой Англии. Ее карьера также посвящена освещению международных событий и их влияние на происходящее в Великобритании [Barry, [http](#)]. Журналист-женщина возглавляла бюро в Индии и России. В 2011 г. она получила Пулитцеровскую

премию за публикацию материалов относительно неслаженной работы правоохранительных органов в России.

Освещение событий в Нью-Дели привело к написанию ею художественного произведения “The Jungle Prince of Delhi”, благодаря которому в 2020 г. она стала финалисткой Пулитцеровской премии.

В свою очередь, Сара Лайл родом из Нью-Йорка [Lyll, http]. Еще во время обучения в Йельском университете для получения степени бакалавра истории журналист-женщина занималась редактированием статей в “Yale Daily News”.

Однако в дальнейшем ее деятельность расширилась до создания публикаций в таких журналах, как “Vogue” и “Vanity Fair”. Сара Лайл за время своей работы посвящала статьи вопросам книгоиздания, работы метро и полиции в США.

В 1987 г. она стала клерком в бюро “The Times” Вашингтона. Далее, журналист женского пола работала корреспондентом бюро «The New York Times» в Лондоне. Сейчас Сара Лайл работает в бюро, расположенном в Америке.

Пятый этап. Отбор равного количества статей у каждого из журналистов-мужчин/журналистов-женщин из перечня в п.4. для детального исследования одного из типов номинантов их структуры.

Поскольку количество публикаций журналистов-мужчин и журналистов-женщин было определено за первые два десятилетия XXI века, но при этом наблюдалась неравномерность их публикационной активности в разные годы, было принято решение выбрать временной период, когда большинство анализируемых журналистов-мужчин и журналистов-женщин размещали свои публикации – это период с 2005 по 2018 год.

На данном этапе исследования произведена простая случайная выборка 14 статей каждого из журналистов обоих полов в разделе “World” за временной период с 2005 по 2018 год. Простая случайная выборка применительно к публикациям характеризуется равными шансами быть отобранными для

исследования, что позволяет сосредоточить внимание именно на гендерных тенденциях употребления маркеров невербальной коммуникации.

Так как в газете «The New York Times» в секции “World” отсутствуют публикации Эллен Барри за 2005-2006 годы, были проанализировано по две публикации журналиста-женщины за 2015-2016 годы.

Шестой этап. Определение частотности номинантов исследуемого типа в рассматриваемых статьях. В проводимом исследовании таким типом номинантов являются маркеры невербального кода коммуникации, частотность которых определяется в каждой из отобранных статей. Данный этап предполагает последовательное выявление анализируемых номинантов и фиксацию их количественных показателей в каждой из статей с дальнейшим суммированием их количества и сопоставлением.

Расчет процентного соотношения маркеров невербального кода коммуникации во всех статьях выбранных журналистов-мужчин и журналистов-женщин осуществляется в соответствии с формулой:

$$\omega_w = n_w/N \times 100\%$$

где n_w – размер части – количество определённого маркера невербального кода коммуникации во всех статьях выбранного журналиста-мужчины или журналиста-женщины, а N – размер целого – количество всех маркеров во всех выбранных статьях всех журналистов-мужчин или журналистов-женщин.

В свою очередь, расчет процентного соотношения определённого маркера невербального кода коммуникации в статьях выбранных журналистов-мужчин и журналистов-женщин осуществляется в соответствии с вышеуказанной формулой, где n_w – размер части – количество определённого маркера невербального кода коммуникации в одной из статей определённого журналиста-мужчины или журналиста-женщины, а N – размер целого – количество определённого маркера во всех выбранных статьях анализируемого журналиста-мужчины или журналиста-женщины.

Аналогичным образом осуществляется определение процентного соотношения анализируемого маркера во всех выбранных статьях

журналистов-мужчин и журналистов-женщин, где n_w – размер части – количество определённого маркера невербального кода коммуникации во всех выбранных статьях определённого журналиста-мужчины или журналиста-женщины, а N – размер целого – количество определённого маркера во всех статьях всех анализируемых журналистов-мужчин и журналистов-женщин.

Дополнительно, с целью определения соотношения количества выбранного маркера невербального кода коммуникации с количеством слов в статьях, возможно суммирование и сопоставление их количественных показателей. Пользуясь вышеуказанной формулой, определяется частотность, как маркеров невербального кода коммуникации, так и слов, употреблённых в статьях.

Процентное соотношение слов в каждой из выбранных статей журналиста-мужчины или журналиста-женщины определяется по ранее приведенной формуле, где n_w – размер части – количество слов в одной из статей определённого журналиста-мужчины или журналиста-женщины, а N – размер целого – количество слов во всех выбранных статьях анализируемого журналиста обоих полов.

В результате проведенного исследования определили количество и частотность употребления различных маркеров невербального кода Марком Лэндлером, Дэном Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл, что отражено в таблице 1 и рисунке 2.

Таблица 1 – Количественные показатели маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл

Типы и количество маркеров	Марк Лэндлер	Дэн Билефски	Эллен Барри	Сара Лайл
Проксемы (2379)	690	672	570	447
Хронемы (1307)	303	306	314	384
Сенсемы (388)	76	62	150	100

Продолжение таблицы 1

Типы и количество маркеров	Марк Лэндлер	Дэн Билефски	Эллен Барри	Сара Лайл
Кинемы (182)	20	28	82	52
Такемы (7)	3	1	2	1

Количественные показатели, изложенные в таблице, отражены на следующем графике.

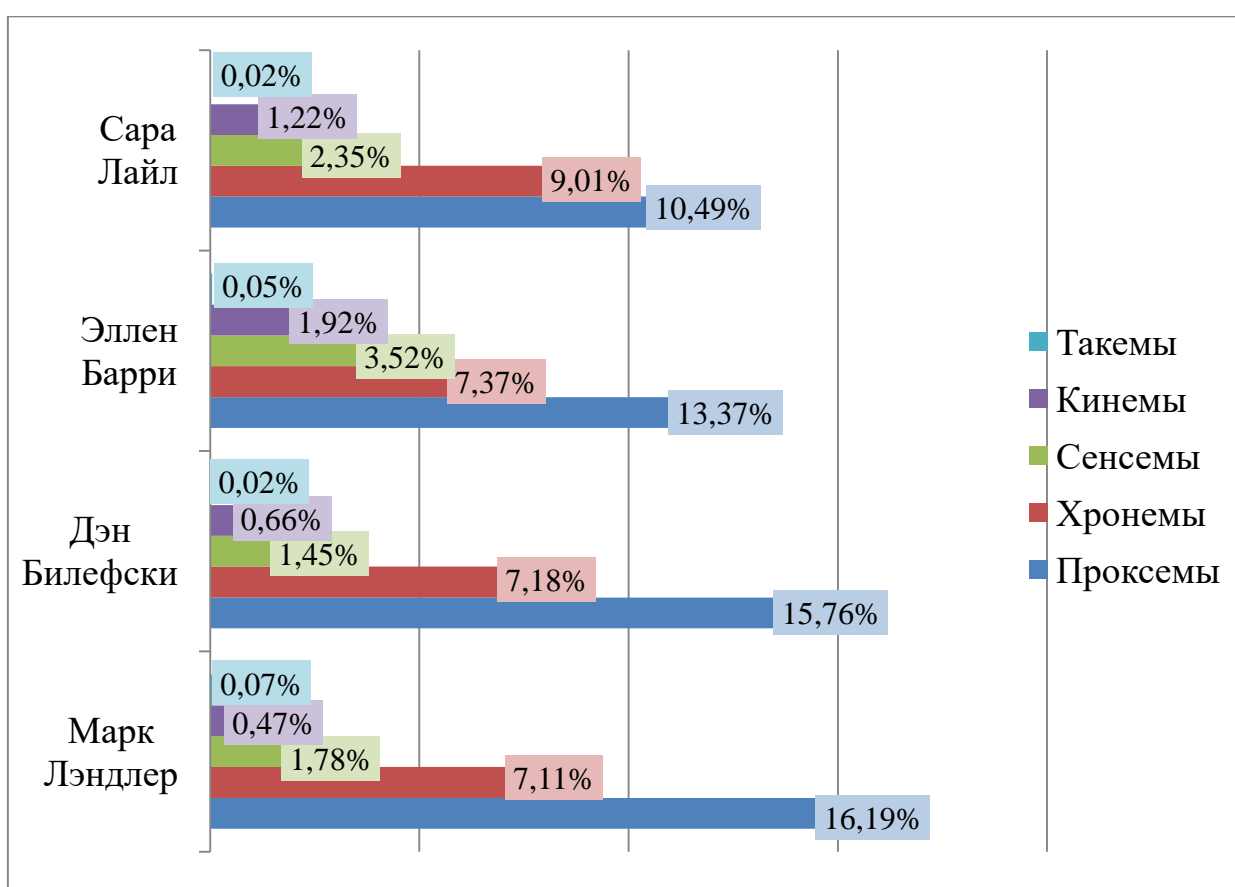

Рисунок 2 – Частотность маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл

На графике прослеживается превалирование проксем в проанализированных статьях двух журналистов-мужчин и двух журналистов-женщин, в то время как низкочастотными предстают такемы.

Выявленная частотность пяти маркеров невербального кода в статьях двух журналистов-мужчин и двух журналистов-женщин позволяет более детально рассмотреть специфику употребления и тенденции частотности маркеров невербального кода в публицистическом дискурсе газеты «The New York Times» в разделе “World”.

2.2. Высокочастотные маркеры невербального кода в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл

2.2.1. Проксемия в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл

Проксемика в широком значении представляет собой науку о пространственных параметрах взаимодействия людей [Watson, 2019].

Проксемия – это «языковые структуры, репрезентирующие пространственные параметры, пространственные представления этноса, зафиксированные в языке и являющиеся когнитивными текстовыми скрепами» [Кузьминых, 2013, с. 283].

Исходя из того, что функция проксемии обусловлена их семантикой, то есть проксемия обозначают то место, где происходят описываемые события, в данном исследовании выявлена репрезентация пространственной организации публицистического дискурса посредством количественного анализа проксемии как маркеров невербального кода коммуникации в каждой из 14 статей Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл, опубликованных в газете «The New York Times».

Полученные данные отражены в таблице 2.

Таблица 2 – Количественные показатели проксем в статьях Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл

Тип маркеров	Марк Лэндлер	Дэн Билефски	Эллен Барри	Сара Лайл
Проксемы	690	672	570	447

На рисунке 3 продемонстрированы данные частотности проксем в публицистическом дискурсе журналистов-мужчин и журналистов-женщин.

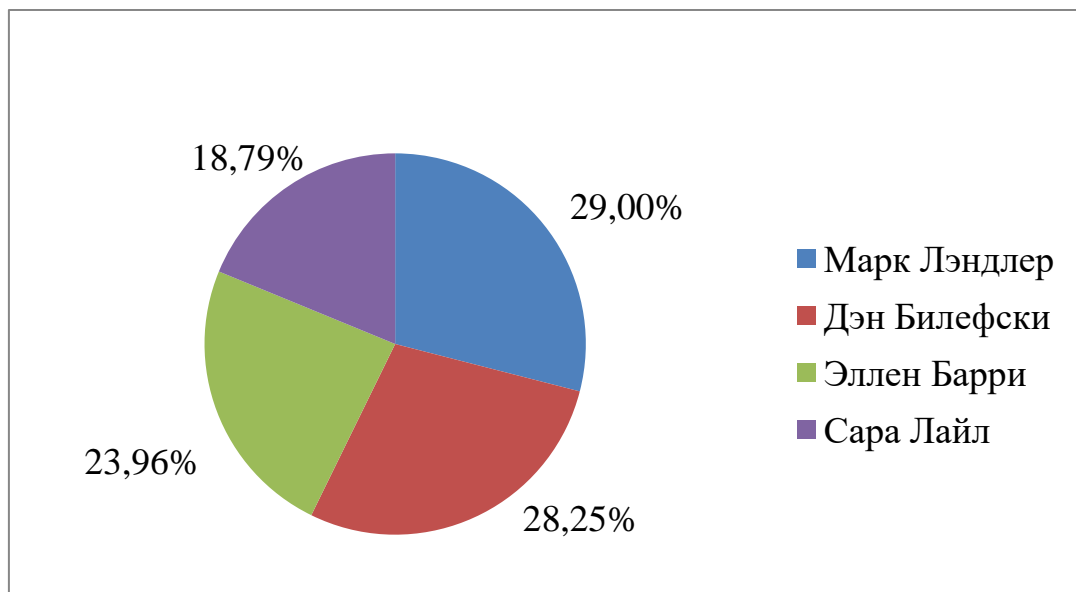

Рисунок 3 – Частотность проксем в статьях Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл

Для наглядности выявленных проксем проиллюстрируем их использование в статьях Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сарры Лайл.

Пример 1. “But if Mr. Obama sought *to distance the United States from China*, he delivered only a gentle admonition to the leaders about the need to curb corruption and install cleaner governments” [Landler, 2007, http] / Но если г-н Обама стремился *установить дистанцию между Соединенными Штатами*

и Китаем, он лишь деликатно предупредил руководство о необходимости бороться с коррупцией и обеспечить большую открытость в правительствах.

В приведенном примере проксеммы дают знания о том, какие политико-экономические отношения сложились у двух стран.

Употребление данных маркеров невербального кода коммуникации определяется необходимостью указать на территориальный аспект и динамику взаимодействия государств. Данные проксеммы обозначают расстояние между двумя точками в пространственной организации.

Пример 2. “*German and Polish* soccer fans brawled in a forest *near Berlin* last autumn” [Landler, 2006, http] / *Немецкие* и *польские* футбольные болельщики подрались прошлой осенью в лесу *под Берлином*.

Представленное предложение характеризуется использованием проксеммы на обозначение происхождения футбольных болельщиков.

Пример 3. “Several officials played down the prospect of a major breakthrough from the meeting on Wednesday, which will include *Britain, France, Germany, Russia* and *China*, in addition to *the United States*” [Landler, 2012, http] / В среду некоторые из официальных лиц выражают сомнение в вероятности крупного прорыва на встрече, в которой помимо *США* примут участие *Великобритания, Франция, Германия, Россия* и *Китай*.

В примере имеется несколько проксеммы, репрезентирующих страны, принимающие участие в обсуждении политических проблем.

Стоит обратить внимание на проксеммы в статьях Дэна Билефски.

Пример 1. “The Independent is not the only newspaper struggling *in Britain*” [Bilefsky, 2016, http] / “The Independent” не является единственной газетой *Британии*, которая борется с трудностями.

Вышеприведенный пример проксеммы отражает точку в пространстве, определенную территориальную единицу, Великобританию. Поскольку тематически статья посвящена проблемам печатных изданий газет и постепенному их переходу в электронную версию именно в анализируемой стране, используется соответствующая единица.

Пример 2. “Yordanka Fandakova, the first woman to be mayor of *Sofia*, a mother, grandmother and former headmistress, said she had faced discrimination during the mayoral campaign when opponents taunted her for being a lackey of Mr. Borisov” [Bilefsky, 2010, [http](#)] / Йорданка Фандыкова, ставшая первой женщиной-мэром *Софии*, мать, бабушка и бывший директор школы, заявила, что во время предвыборной кампании она столкнулась с дискриминацией, когда оппоненты насмехались над ней за то, что для г-на Борисова она исполняла роль лакея.

Употребленная проксема-топоним “Sofia” репрезентирует местность, которая знаменательна получением должности мэра представительницей женского пола, Йорданкой Фандыковой. Как известно, София – это столица Болгарии, а использование данной проксема обусловлено подчеркиванием пространственных параметров локации, в которой произошло изменение социального положения женщины в политической сфере.

Перейдем к рассмотрению примеров проксем в статьях журналистов-женщин. В первую очередь, представлены примеры проксем из публицистического дискурса Эллен Барри.

Рассмотрим еще один пример употребления проксема в статье “‘Small Bottle’ of Novichok Found by Police in U.K. Victim’s Home”:

Пример 1. “The bottle was found in the home of Charlie Rowley, 45, in *Amesbury, England*” [Barry, 2016, [http](#)] / Бутылка была обнаружена в доме 45-летнего Чарли Роули, жителя *Эймсбери, Великобритания*.

Вышеприведенный пример включает две проксема, отражающие территориальные параметры события – обнаружения бутылки с «Новичком», нервно-паралитическим веществом, в доме потерпевшего, Чарли Роули.

Пример 2. “Phone contact, they told her, was safer because it presupposed *physical distance*” [Barry, 2017, [http](#)] / Общение по телефону, по их словам, безопаснее, потому что предполагает наличие *физического расстояния*.

Эллен Барри употребляет проксема для описания пространства, которое предполагает физическую невозможность тесно взаимодействовать.

Следовательно, общение по телефону имплицитно маркирует состояние внутренних субъектов ситуации. Физическое расстояние представлено для них как защитный барьер, оберегающий от потенциальной опасности.

Пример 1. “The story of the young girl who becomes a princess and finds that *behind palace walls* her life is deeply unhappy...” [Lyall, 2007, http] / Это история молодой девушки, которая становится принцессой и понимает, что *за стенами дворца* ее жизнь глубоко несчастна...»

Вышеприведенный пример в статье Сары Лайл содержит проксема, которая описывает пространство дворца, ставшего местом проживания принцессы Дианы. В данном случае проксема носит метафорический характер, поскольку за пределами дворца жизнь принцессы описывается глубоко несчастной. Соответственно, жизнь во дворце для принцессы могла быть счастливой.

Далее раскрываются тенденции употребления хронем как маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе газеты «The New York Times».

2.2.2. Хронемы в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл

Одной из задач исследования в данной работе стало выявление и характеристика хронем как маркеров невербального кода коммуникации, описывающих временные рамки происходящих событий, описываемых в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл.

Исходя из семантики хронем, их функция заключается в текстовой номинации временных параметров представленных журналистами-мужчинами и журналистами-женщинами событий в модели публицистического дискурса.

Прежде всего, рассмотрена специфика использования хронем Марком Лэндлером в статьях популярнейшей американской газеты «The New York Times».

В настоящее время существует классификация компонентов темпоральности, разработанная Е.А. Огневой и дополненная Е.И. Бузиной, которые выделяют:

«1) словосочетания, семантика которых репрезентирует художественное время;

2) глаголы, темпоральный аспект которых репрезентируется в категориях времени и вида;

3) хронемы» [Огнева, 2013, [http](http://)];

4) «лексические таймеры» [Бузина, 2019, с. 176].

В данной работе изучены только хронемы, что обусловлено их высокой частотностью по сравнению с другими компонентами темпоральности в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл.

Далее рассмотрены количественные и частотные показатели хронем в дискурсе Марка Лэндлера на материале статей журналиста в «The New York Times», что отражено в таблице 3.

Таблица 3 – Частотность хронем в статьях Марка Лэндлера

Наименование и год публикации статьи	Количество хронем	% соотношение
1. “Joblessness casts a cloud on politics of Europe” (2005)	35	11,55%
2. “At World Cup, little left to chance” (2006)	27	8,91%
3. “Nobel laureates feel vindicated as climate change moves to fore” (2007)	26	8,58%
4. “Assisted suicide of healthy 79-year-old renews German debate on right to die” (2008)	29	9,57%

Продолжение таблицы 3

Наименование и год публикации статьи	Количество хронем	% соотношение
5. “Jewish Groups Say Obama’s Pick for Medal Has Anti-Israel Bias” (2009)	6	1,98%
6. “Barbados: Clinton Pledges Aid” (2010)	1	0,33%
7. “Obama Arrives in Ireland for Six-Day Trip to Europe” (2011)	27	8,91%
8. “Heading into Talks with Iran, U.S. Sees Hopeful Signs” (2012)	35	11,55%
9. “No Easy Answers on Syria, Obama Says” (2013)	9	2,97%
10. “African Leaders Sit down with American Investors” (2014)	18	5,94%
11. “Disclosures of Battle Plan by Pentagon Startle Many” (2015)	15	4,95%
12. “‘Brexit’ and Russia Loom Over Obama’s Final NATO Summit Meeting” (2016)	27	8,91%
13. “President Trump Inside and Outside the Lines at the U.N.” (2017)	30	9,9%
14. “For Trump, Power and Values Matter Less Than Dollars and Cents” (2018)	18	5,94%
Итого	303	100%

Рисунок 4 демонстрирует процентное соотношение хронем в каждой статье. Порядковый номер обозначает номер статьи, представленный в таблице 3. В свою очередь, проценты указывают на частотность хронем в каждой из статей Марка Лэндлера.

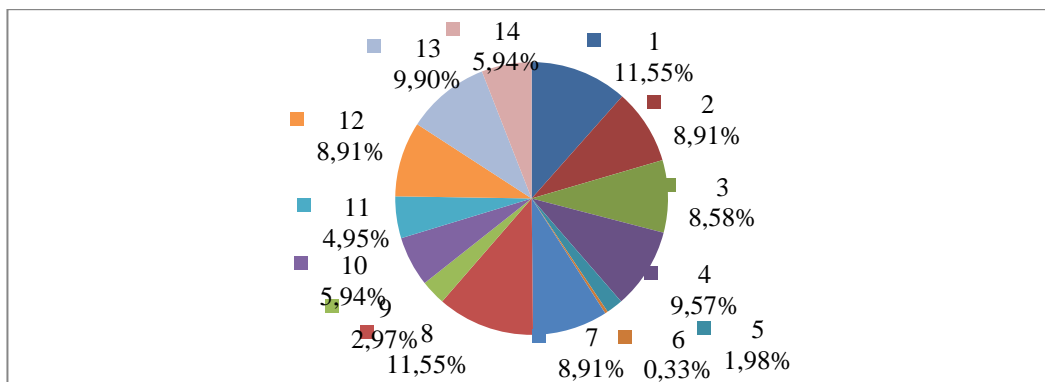

Рисунок 4 – Частотность хронем в статьях Марка Лэндлера

В дискурсе Марка Лэндлера наиболее частотными являются одноядерные хронемы, что продемонстрировано в таблице 4.

Таблица 4 – Количественные показатели одноядерных и многоядерных хронем в статьях Марка Лэндлера

Типы хронем	Марк Лэндлер
1-ядерные хронемы	249
2-ядерные хронемы	45
3-х ядерные хронемы	8
4-х ядерные хронемы	1
Общее количество хронем	303

На рисунке 5 отображена частотность одноядерных и многоядерных хронем в статьях журналиста-мужчины.

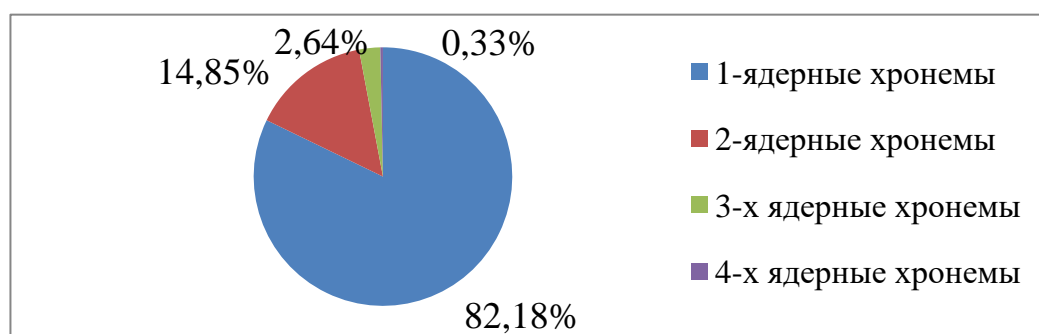

Рисунок 5 – Частотность одноядерных и многоядерных хронем в статьях Марка Лэндлера

Далее представлены примеры данных номинантов.

1. Одноядерные хронемы.

Пример 1. “President Obama *on Tuesday* defended his cautious response to evidence that the Syrian government had used chemical weapons on its citizens, saying that he could not make high-stakes decisions based on a “perceived” use of those weapons” [Landler, 2013, [http](#)] / Президент США, Б. Обама *во вторник* объяснял свою сдержанную реакцию на доказательства того, что сирийское правительство применило химическое оружие против своих граждан, заявив, что он не может принимать важные решения, основанные на «предполагаемом» применении этого оружия.

Одноядерная хронема “on Tuesday” указывает на временные рамки выступления бывшего президента США. Это способствует установлению связей с более ранними действиями, а именно выражением «сдержанной реакции».

Пример 2. “*On Monday*, American health officials met quietly at the State Department and with from the affected countries to discuss their responses to the virus” [Landler, 2014, [http](#)] / *В понедельник* американские специалисты в области здравоохранения тайно встретились в Государственном департаменте вместе с африканскими официальными лицами из пострадавших стран, чтобы обсудить их реакцию на вирус.

Подобным образом используется одноядерная хронема “on Monday”, обозначающая линейность протекания событий. День недели становится одним из компонентов содержательно насыщенного сообщения о проблеме вируса.

Пример 3. “Behind closed doors, administration officials insisted, Iran was *still* the primary subject of conversation” [Landler, 2017, [http](#)] / Представители администрации настаивали, что за закрытыми дверями Иран *по-прежнему* остается главной темой разговоров.

Хронема “still” дает знания о неизменности положения проблемы политики Ирана в обсуждении политиков. Данный номинант невербального кода коммуникации подчеркивает отсутствие решения проблемы.

2. Многоядерные хронемы.

Менее часто в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера используются многоядерные хронемы. Среди выявленных примеров предложений с многоядерными хронемами представлены следующие:

Пример 1. “Nambia’s health care system is increasingly self-sufficient,” Mr. Trump observed at *a lunch on Wednesday* for African leaders, kicking up a storm of derisory speculation on Twitter about whether he was conflating Namibia and Zambia or Gambia” [Landler, 2017, http] / «Система здравоохранения Намбии становится все более самодостаточной», – заметил г-н Трамп *на обеде в среду* в обращении к африканским лидерам, вызвав бурю ироничных суждений в Твиттере о том, отличает ли он Намибию от Замбии или Гамбии.

Многоядерная хронема “a lunch on Wednesday” состоит из 2-х ядер – “lunch” и “Wednesday. Использование многоядерной хронемы предоставляет более обширные данные об условиях и времени встречи бывшего президента США, Д. Трампа с африканскими политиками.

Пример 2. “He can always hope for another flood,” said Hübner, referring to the ruinous floods *in the summer of 2002* that turned around Schröder's fortunes in his last battle for re-election” [Landler, 2005, http] / Он всегда может надеяться на новое наводнение», – заявил Хюфнер, имея в виду разрушительные наводнения *летом 2002 года*, которые изменили судьбу Шрёдера в его последней битве за переизбрание.

Хронема “in the summer of 2002” имеет два ядра, которые конкретизируют сезон и год фиксации наводнений. Уточнение времени наблюдения за указанным природным явлением обусловлено совпадением данного периода с переизбранием описываемого внутреннего субъекта ситуации, Г. Шрёдера.

В статьях журналиста-мужчины Марка Лэндлера выявлены количественные показатели линейных, линейных и циклических хронем. Наибольшее количество в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера представляют линейные хронемы. Полученные данные отражены в таблице 5.

Таблица 5 – Количественные показатели линейных, линейных и циклических хронем в статьях Марка Лэндлера

Типы хронем	Марк Лэндлер
Линейные хронемы	203
Линейные хронемы	79
Циклические хронемы	21
Общее количество хронем	303

На рисунке 6 представлена частотность линейных, линейных и циклических хронем в статьях журналиста-мужчины.

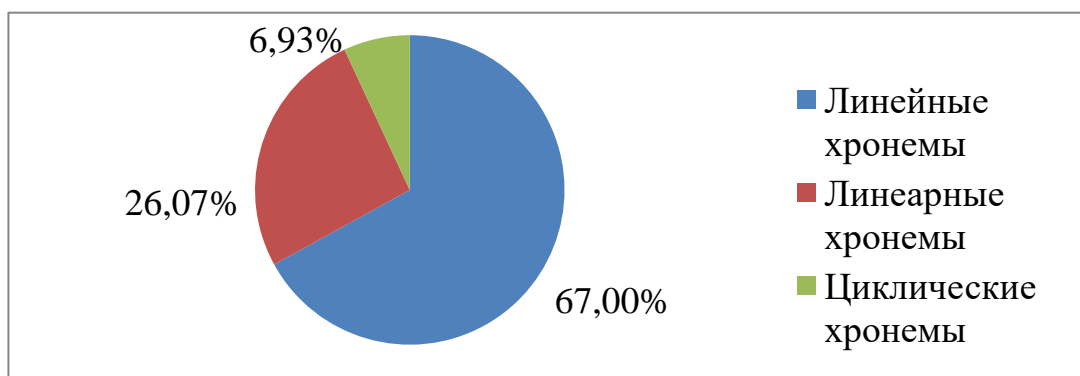

Рисунок 6 – Частотность употребления линейных, линейных и циклических хронем в статьях Марка Лэндлера

Рассмотрение примеров линейных, циклических и линейных хронем в статьях Марка Лэндлера выявляет следующие особенности.

1. Линейные хронемы.

Пример 1. “*After* an initial meeting in Istanbul *last month* that served mainly to test if Iran was willing to talk seriously about its nuclear program, the United States and its partners must *now* get into the kinds of nitty-gritty issues that torpedoed *previous negotiations* with Iran” [Landler, 2012, http] / *После* проведения первой встречи в Стамбуле *в прошлом месяце*, которая в основном служила для проверки того, готов ли Иран серьезно заявить о своей ядерной программе,

Соединенные Штаты и их партнеры *теперь* должны заняться решением тех незначительных вопросов, которые срывали *предыдущие переговоры* с Ираном.

В указанном выше примере используется несколько линейных хронем, а именно: “after”, “last month”, “now”, “previous negotiations”. Данные маркеры указывают на линейность и взаимообусловленность протекания событий.

Пример 2. “*The next day*, in Madrid, he will have lunch with King Felipe VI and meet with Spain’s caretaker prime minister, Mariano Rajoy” [Landler, 2016, http] / *На следующий день* в Мадриде он пообедает с королем Фелипе VI и встретится с исполняющим обязанности премьер-министра Испании Мариано Рахоем.

Линейные хронемы в анализируемом примере указывают на устремление временного потока в будущее. Освещены планы внутреннего субъекта, которые должны произойти на следующий день от момента их раскрытия.

Пример 3. “Merkel turned up here to give a speech and lingered *afterward* to listen to Stern and Wangari Maathai, the Kenyan environmental activist who won the Peace Prize in 2004” [Landler, 2007, http] / Меркель приехала сюда, чтобы произнести речь, а *потом* задержалась послушать Стерна и Вангари Маатаи, кенийскую активистку-эколога, получившую премию мира в 2004 году.

Хронема “afterward” даёт знания об очередности и необратимости событий. Исходя из содержания примера, г-жа А. Меркель сначала нанесла визит, а далее отражено новое событие в прошлом, а именно ее прослушивание речи призёра премии мира.

2. Линейные хронемы.

Рассмотрим примеры линейных хронем в статьях Марка Лэндлера.

Пример 1. “A former senior government official from Hamburg, Kusch, 53, said he would help other people like her who decide of their own free will to commit suicide” [Landler, 2008, http] / Бывший высокопоставленный правительственный чиновник из Гамбурга, *53-летняя* г-жа Куш, сообщила, что будет оказывать помощь людям, подобным ей, которые по собственной воле решили покончить жизнь самоубийством.

Возраст внутреннего субъекта ситуации является уникальным, неповторимым для него временным отрезком. Соответственно, в данном случае используется линейная хронема.

Пример 2. “But he learned of his Irish connection *only in 2007, when* a curious churchman looked up his mother’s family records” [Landler, 2011, http] / Но о своих ирландских корнях он узнал *только в 2007 году, когда* любопытный церковник просмотрел семейные записи своей матери.

Хронема, обозначающая год, является линейной ввиду взаимосвязи представленного периода времени с жизнью внутреннего субъекта. В данном случае, 2007 год наделяется значимостью получения сведений о наличии ирландских корней у описываемого участника коммуникативного события.

Пример 3. “Even on *his first day*, the president showed a disinclination to stick to his talking points” [Landler, 2007, http] / Даже в *свой первый день* правления президент продемонстрировал нежелание придерживаться своих тезисов.

Указанный пример также отображает функционирование линейной хронемы. Вышеприведённый маркер невербального кода коммуникации находится в тесной связи с первым днем на посту президента. Подчёркивается уникальность события для внутреннего субъекта коммуникации.

3. Циклические хронемы.

Среди зафиксированных примеров с циклическими хронемами в статьях Марка Лэндлера продемонстрированы следующие:

Пример 1. “Piper expects to handle 1,000 pieces of information *a day*” [Landler, 2006, http] / Пайпер рассчитывает обрабатывать 1000 единиц информации *в день*.

Циклическая хронема “a day” даёт знания о временной точке отсчета при анализе обработанных данных. Из этого следует, что ежедневно ожидается обработка одинакового количества информации.

Пример 2. “Gore was not here, but his name came up *frequently*” [Landler, 2007, http] / Гора здесь не было, но его имя *часто* вспоминалось.

Хронема “frequently” указывает на многократное упоминание имени. При этом пример не характеризуется уникальностью для субъекта коммуникации.

Пример 3. “The jobless rate rose slightly because of adjustments for *seasonal variations* in employment” [Landler, 2005, http] / Уровень безработицы немного вырос из-за поправок на *сезонные колебания* в занятости.

Циклическая хронема даёт знания о колебаниях – уровень безработицы постоянно и неизменно возрастает в определенные периоды времени.

Квантитативный анализ статей Дэна Билефски позволил установить количественное и процентное соотношение хронем. Полученные результаты обобщены и представлены в таблице 6.

Таблица 6 – Частотность хронем в статьях Дэна Билефски, журналиста-мужчины газеты «The New York Times»

Наименование и год публикации статьи	Количество хронем	% соотношение
1. “Migration's Flip Side: One Big Empty Nest” (2005)	27	8,82%
2. “Polygamy Fosters Culture Clashes (and Regrets) in Turkey” (2006)	28	9,15%
3. “Talks on Kosovo Hit a Dead End, Rice Says” (2007)	19	6,21%
4. “Serbia Formally Proposes Ethnic Partition of Kosovo” (2008)	10	3,27%
5. “Czech Parliament Vote Clouds U.S. Antimissile Plan” (2009)	28	9,15%
6. “Women’s Influence Grows in Bulgarian Public Life” (2010)	34	11,11%
7. “New Move to Condemn Syria in U.N. ” (2011)	8	2,61%

Продолжение таблицы 6

Наименование и год публикации статьи	Количество хронем	% соотношение
8. “Black Market for Body Parts Spreads Among the Poor in” (2012)	20	6,54%
9. “Former Premier Can Be Charged, Czech Court Rules” (2013)	21	6,86%
10. “Labor Market Opens for Romanians and Bulgarians” (2014)	23	7,52%
11. “European Commission Prepares Plan to Distribute Migrants Across E.U. (2015)	13	4,25%
12. “The Independent, once a British News Power, Will End Its Print Edition” (2016)	36	11,76%
13. “Gender War, Aisle 3: Unisex Kids’ Clothes Stir British Backlash” (2017)	19	6,21%
14. “Canadians Greet Bombardier Decision with Pride and a Little Snark” (2018)	20	6,54%
Итого	306	100%

Рисунок 7 демонстрирует процентное соотношение хронем в публицистическом дискурсе Дэна Билефски.

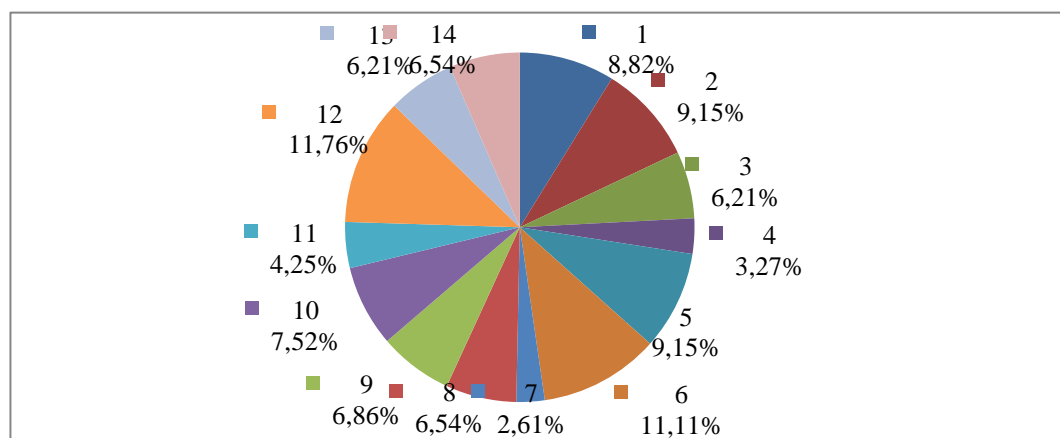

Рисунок 7 – Частотность хронем в статьях Дэна Билефски

Очевидно, что наибольшая концентрация хронем наблюдается в статье “The Independent, Once a British News Power, Will End Its Print Edition” [Bilefsky 2016, <http>] – 36 номинантов.

Дополнительно, было обращено внимание на соотношение количества слов и хронем в статьях журналиста-мужчины.

Так, объем статей с наибольшей частотностью хронем содержит 814 слова, тогда как с наименьшей частотностью хронем – 432 слова.

Следовательно, частотность хронем гипотетически коррелирует с количеством слов.

С целью определения данной закономерности необходимым является сопоставительный анализ количественных значений слов и хронем в каждой из статей журналиста-мужчины.

Соответствующие результаты продемонстрированы в таблице 7. Частотность слов и хронем в публицистическом дискурсе Дэна Билефски отражены на рисунке 8.

Таблица 7 – Количественное и процентное соотношение слов и хронем в статьях Дэна Билефски

Наименование и год публикации статьи	Количество слов в статье	Количество хронем	% соотношение слов	% соотношение хронем
1. “Migration's Flip Side: One Big Empty Nest” (2005)	975	27	8,94%	8,82%
2. “Polygamy Fosters Culture Clashes (and Regrets) in Turkey” (2006)	1099	28	10,06%	9,15%
3. “Talks on Kosovo Hit a Dead End, Rice Says” (2007)	453	19	4,15%	6,21%

Продолжение таблицы 7

Наименование и год публикации статьи	Количество слов в статье	Количество хронем	% соотношение слов	% соотношение хронем
4. "Serbia Formally Proposes Ethnic Partition of Kosovo" (2008)	476	10	4,36%	3,27%
5. "Czech Parliament Vote Clouds U.S. Antimissile Plan" (2009)	802	28	7,34%	9,15%
6. "Women's Influence Grows in Bulgarian Public Life" (2010)	1387	34	12,7%	11,11%
7. "New Move to Condemn Syria in U.N." (2011)	432	8	3,96%	2,61%
8. "Black Market for Body Parts Spreads Among the Poor in" (2012)	1036	20	9,49%	6,54%
9. "Former Premier Can Be Charged, Czech Court Rules" (2013)	516	21	4,72%	6,86%
10. "Labor Market Opens for Romanians and Bulgarians" (2014)	636	23	5,82%	7,52%
11. "European Commission Prepares Plan to Distribute Migrants Across E.U." (2015)	516	13	4,72%	4,25%
12. "The Independent, once a British News Power, Will End Its Print Edition" (2016)	814	36	7,45%	11,76%

Продолжение таблицы 7

Наименование и год публикации статьи	Количество слов в статье	Количество хронем	% соотношение слов	% соотношение хронем
13. "Gender War, Aisle 3: Unisex Kids' Clothes Stir British Backlash (2017)	875	19	8,01%	6,21%
14. "Canadians Greet Bombardier Decision with Pride and a Little Snark (2018)	903	20	8,27%	6,54%
Итого	10920	306	100%	100%

На рисунке 8 порядковый номер обозначает номер статьи в таблице, а проценты – частотность слов и хронем в каждой из статей журналиста-мужчины.

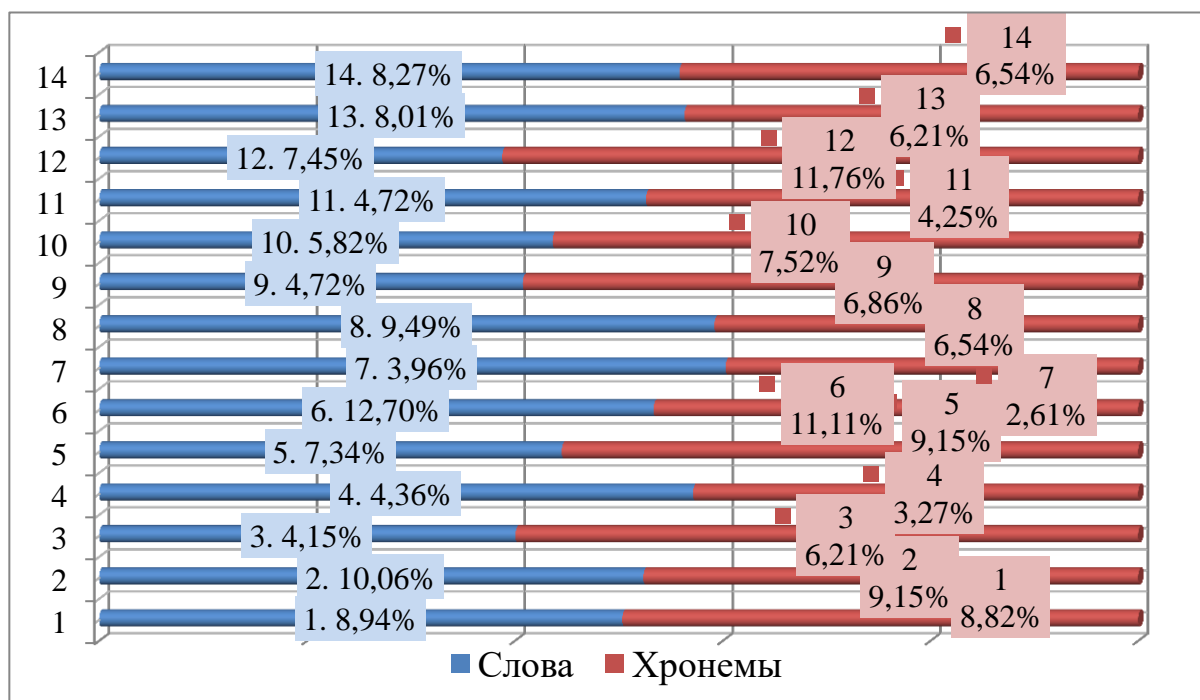

Рисунок 8 – Соотношение частотности употребления слов и хронем в статьях Дэна Билефски

Полученные данные показывают, что частотность хронем не в обязательном порядке коррелирует с объемом статьи. Так, в третьей по частотности статье журналиста-мужчины, “Czech Parliament Vote Clouds U.S. Antimissile Plan”, выявлено 802 слова и 28 маркеров невербального кода коммуникации, в то время, как в другой статье, “Gender War, Aisle 3: Unisex Kids’ Clothes Stir British Backlash”, зафиксирован больший на незначительное количество единиц объем слов (875 единиц) с употреблением всего 19 хронем. Аналогичное количество хронем использовалось Дэном Билефски в статье “Talks on Kosovo Hit a Dead End, Rice Says”, объем которой составляет только 453 слова.

Следовательно, частотность хронем может поддаваться влиянию других факторов. В частности, тематике освещаемых событий.

Исследование публицистического дискурса Дэна Билефски позволило зафиксировать различные хронемы – как одноядерные, так и многоядерные.

Количественные данные одноядерных и многоядерных хронем в статьях журналиста-мужчины отражены в таблице 8.

Определено, что в публицистическом дискурсе Дэна Билефски доминируют одноядерные хронемы. Многоядерные хронемы встречаются более редко.

Таблица 8 – Количественные показатели одноядерных и многоядерных хронем в статьях Дэна Билефски

Типы хронем	Дэн Билефски
1-ядерные хронемы	240
2-ядерные хронемы	59
3-х ядерные хронемы	7
Общее количество хронем	306

На рисунке 9 отображена частотность одноядерных и многоядерных хронем в статьях журналиста-мужчины.

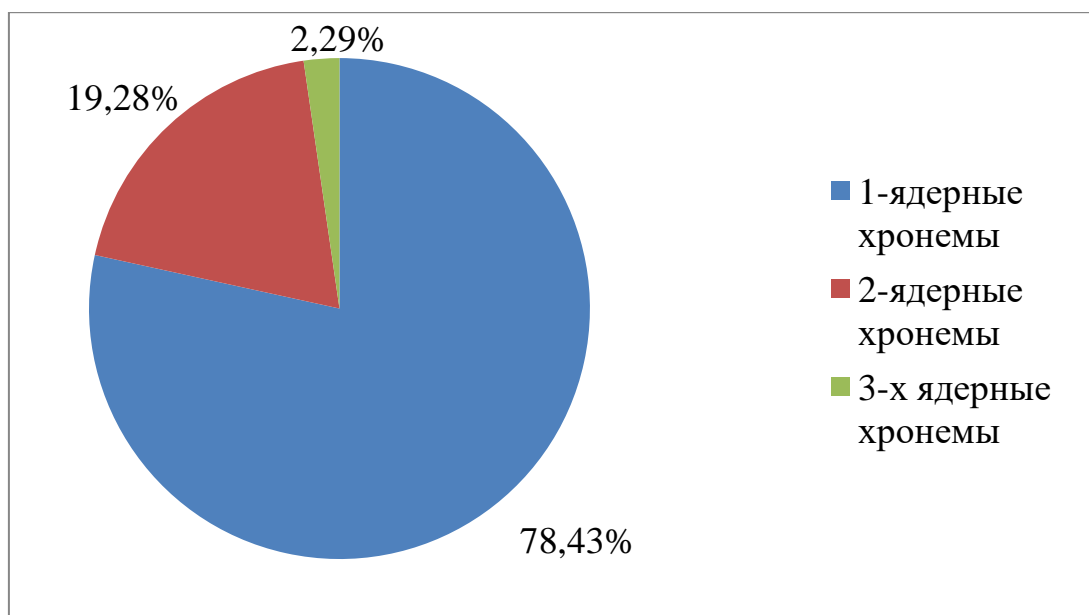

Рисунок 9 – Частотность употребления одноядерных и многоядерных хронем в статьях Дэна Билефски

Далее представлены примеры данных номинантов.

1. Одноядерные хронемы.

Примерами употребления одноядерной хронемы являются следующие предложения:

Пример 1. “Boeing, he (Kevin Carmichael – прим. автора) pointedly noted, earned revenue of about \$95 billion *in 2016* compared with Bombardier’s \$16 billion” [Bilefsky, 2005, http] / «Boeing, – многозначительно отметил он (Кевин Кармайкл – прим. автора), – получил *в 2016 году* выручку около 95 миллиардов долларов по сравнению с 16 миллиардами долларов у Bombardier».

Тематически статья связана с тем, что Министерство промышленности и торговли США приняло решение увеличить размер государственной пошлины на импорт авиалайнеров Bombardier, производимых в Канаде.

В вышеприведенном примере одноядерная линейная хронема, отмечающая конкретный год, а именно 2016 год, маркирует временные параметры сопоставления размера выручки американской компании Boeing с канадской.

Пример 2. “The proposal, which United Nations officials said they were reviewing, was submitted to coincide with *the ninth anniversary* of the NATO bombing of Serbia” [Bilefsky, 2008, http] / Предложение, которое, по словам официальных лиц ООН, стало объектом рассмотрения, было представлено к *девятой годовщине* бомбардировок Сербии НАТО.

В статье рассматривается предложение признания юрисдикции ООН над территорией Косово.

Хронема “the ninth anniversary” является одноядерной цикличной единицей невербального кода коммуникации. Она подчеркивает повторяемость описываемых действий со стороны НАТО в отношении Сербии.

Пример 3. “*Then* came Bombardier, among the first Quebecois companies to become a national champion, and one that grew into a global symbol of Canadian engineering prowess” [Bilefsky, 2018, http] / *Затем* появилась компания Bombardier, одна из первых компаний Квебека, ставшая национальным лидером и превратившаяся в международный символ инженерного мастерства Канады.

Одноядерная линейная хронема “then” направлена на передачу информации о возникновении и развитии канадской машиностроительной компании Bombardier.

Вышеупомянутая единица подчеркивает временную связь с ранее представленными в статье данными.

Многоядерные номинанты, выявленные в статьях Дэна Билефски, включают 2 и 3 ядра. Рассмотрим соответствующие примеры.

2. Многоядерные хронемы.

Следующий пример является иллюстрацией предложения журналиста-мужчины с употреблением 2-ядерной хронемы:

Пример 1. “Ms. Muktupavela...visited Turki, a small village in Latgale, where residents said they were counting *the days until* the village disappeared from the map” [Bilefsky, 2005, http] / Г-н Муктупавела... посетил Турки, маленькую деревню в Латгалии, жители которой сообщили, что считают *дни, пока* деревня не исчезнет с карты.

В вышеприведенном примере 2-ядерная хронема “the days until” используется с целью отразить внутреннее негодование мигрантов путем выражения предельности нежелательного события – исчезновения поселка.

Выбранное предложение из статьи “Czech Parliament Vote Clouds U.S. Antimissile Plan” содержит 3-ядерную хронему:

Пример 2. “He (Jiri Paroubek – прим. автора) said a government of nonpartisan experts could then take *over until* early elections *in the fall or next spring*” [Bilefsky, 2009, http] / Он (Иржи Пароубек — прим. автора) заявил, что правительство беспартийных экспертов может взять на себя управление государством *до* запланированных досрочных выборов, *осенью или следующей весной*.

Ядрами хронемы выступают слова “until”, “fall” и “spring”. Данная хронема отражает темпоральность события, а именно его конкретные сроки, уточняемые посредством использования нескольких ядер в структуре многоядерной единицы.

В статьях журналиста-мужчины, Дэна Билефски, выявлены количественные показатели линейных, линейных и циклических хронем, отраженные в таблице 9.

Таблица 9 – Количественные показатели линейных, линейных и циклических хронем в статьях Дэна Билефски

Типы хронем	Дэн Билефски
Линейные хронемы	216
Линейные хронемы	75
Циклические хронемы	15
Общее количество хронем	306

На рисунке 10 представлена частотность линейных, линейных и циклических хронем в статьях журналиста-мужчины, Дэна Билефски, в газете «The New York Times».

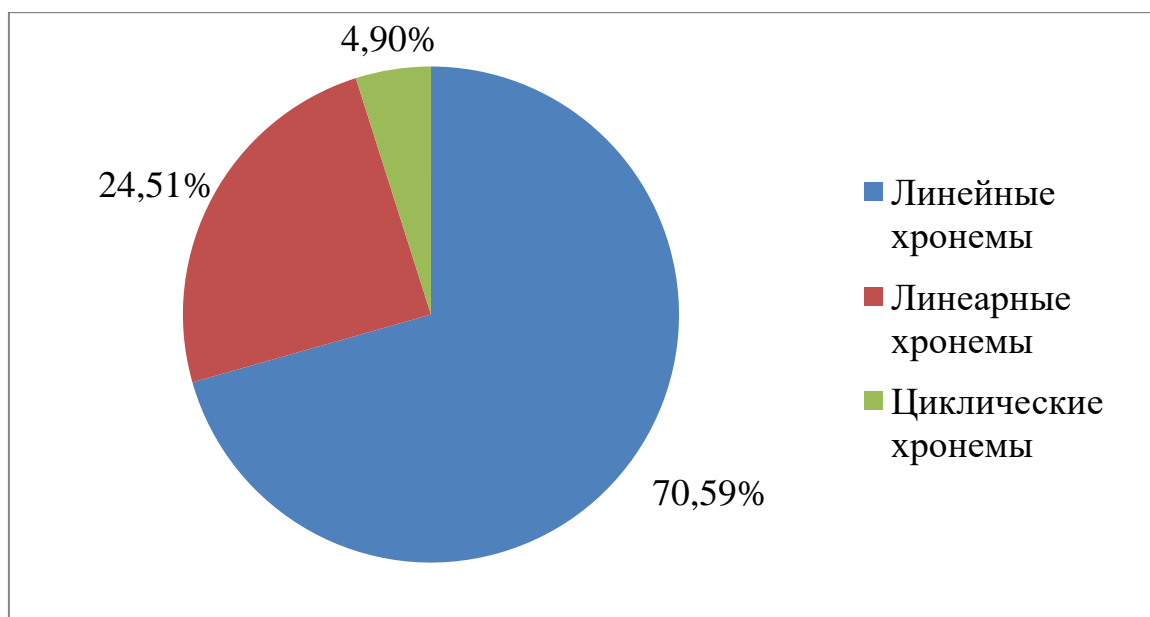

Рисунок 10 – Частотность употребления линейных, линейных и циклических хронем в статьях Дэна Билефски

Проиллюстрированы примеры употребления линейных, линейных и циклических хронем.

В первую очередь, приведены примеры линейных хронем, которые являются многочисленными в дискурсе Дэна Билефски.

1. Линейные хронемы.

Пример 1. “*While* some critics view Mr. Borisov’s elevation of women as little more than a cynical ploy aimed at giving this poor, notoriously corrupt country an image makeover, few dispute that the empowerment of women in Bulgarian public life is reaching new heights, even as men *still* dominate politics” [Bilefsky, 2010, http] / ***В то время как*** некоторые критики политики г-на Борисова считают повышение статуса женщин обычной циничной уловкой, направленной на то, чтобы улучшить имидж бедной и коррумпированной страны, только единицы спорят о том, что расширение прав и возможностей женщин в общественной жизни болгар достигает новых высот, несмотря на то, что в политике доминирующее положение все еще занимают мужчины.

В вышеприведенном примере линейные хронемы “while” и “still” отражают постепенное и неповторяемое развитие события. Представленный

пример тематически связан с тем, что эксперты не поддерживали взгляды на политику президента Болгарии, не принимая во внимание преобладание представителей мужского пола в данной сфере. Тем не менее, в будущем возможно преобразование политического курса руководства Болгарии. Кроме того, Дэн Билефски описывает расширение прав и возможностей женщин, соответственно, в прошлом представительницы женского пола не обладали таким статусом. Исходя из этого, использованные линейные хронемы передают событие с учетом диапазона от более низкого до более высокого статуса женщин на момент публикации статьи.

Пример 2. “The process is at an end, that is very clear,” she said, referring to the deadline of *Monday, when* mediators from the European Union, Russia and the United States are expected to report to the United Nations that efforts to reach a compromise between Kosovo, which is a province of Serbia, and Serbia have failed” [Bilefsky, 2007, http] / «Процесс подходит к концу, это совершенно очевидно», – заявила она, имея в виду крайний срок – *понедельник*, – *когда* ожидается, что медиаторы от Европейского союза, России и США отчитаются перед ООН о том, что усилия по достижению компромисса между Косово, являющегося провинцией Сербии, и собственно Сербией, потерпели неудачу.

Линейная 2-ядерная хронема “Monday, when” указывает на поэтапность отражаемой ситуации и ее предельность, выражаемая в определенном результате. Другими словами, понедельник в данном контексте выступает как крайний срок предоставления результатов совместной работы представителей ЕС, РФ и США над оформлением отчета для ООН относительно проблемы независимости Косово.

Пример 3. “Serbia’s effort to assert control over northern Kosovo has contributed to violent confrontations *in recent weeks*, including a clash *on March 17* in which peacekeepers seized a courthouse in the northern city of Mitrovica that was being occupied by Serbian protesters” [Bilefsky, 2018, http] / Попытки Сербии установить контроль над северным Косово привели к ожесточенным конфликтам *в последние недели*, включая конфликт *17 марта*, в ходе которого

миротворцы захватили здание суда в городе Митровица на севере, оккупированный сербскими протестующими.

В вышеприведенном примере используется две линейные хронемы, а именно “in recent weeks” и “on March 17”. Линейность данных хронем проявляется в постепенности раскрываемой ситуации и неповторимости. В статье принимаются во внимание последние несколько недель, а также конфликт, который имел место в прошлом.

2. Линейные хронемы.

В качестве иллюстративного материала линейных хронем могут служить следующие примеры:

Пример 1. “But Milovan, **52**, a former factory worker from a rural village in southern Serbia, said he “gave” his kidney to a wealthy local politician who, in return, put him on his company payroll and offered to buy him medication” [Bilefsky, 2012, [http](#)] / Но Милован, **52-летний** бывший рабочий на фабрике родом из деревни на юге Сербии, заявил, что «отдал» свою почку местному богатому политику, который взамен выписал ему расчетный лист за счет своей компании и предложил приобрести необходимые лекарства.

Линейный тип хронем предполагает наличие уникальности описываемой ситуации в тесной связи с опытом субъекта. Линейная хронема характеризуется неповторимостью переживаний и состояний субъекта в определенных обстоятельствах.

Вышеприведенный пример содержит линейную хронему “52”, которая описывает возрастные особенности респондента, Милована, ранее работавшего на фабрике. Безотносительно к описываемому внутреннему субъекту, 52 года как возрастная характеристика может использоваться для множества людей. Однако в статье Дэна Билефски линейность хронемы определяется тем, что сербскому респонденту на момент сбора информации исполнилось 52 года.

Пример 2. “Founded by three journalists *in 1986*, The Independent became a home for talents like Robert Fisk, a *longtime* Middle East correspondent, and Andrew Marr, a well-known broadcaster and historian” [Bilefsky, 2016, [http](#)] /

Основанная тремя журналистами в *1986 году*, “The Independent” стала местом зарождения таких талантов, как Роберт Фиск, *давний* корреспондент на Ближнем Востоке, и Эндрю Марр, известный историк и телеведущий.

Данный пример характеризуется наличием хронем “in 1986” и “longtime”.

Поскольку год создания газеты “The Independent” является важным событием для развития карьеры Роберта Фиска и Эндрю Марра, это указывает на ее линейность. Эта единица отражает уникальность субъективного опыта работы в данном издательстве упомянутых медийных лиц. Помимо этого, линейная хронема “longtime” характеризует стаж работы ранее упомянутого Роберта Фиска.

Пример 3. “Her partner, who is *now* her husband, met someone else” [Bilefsky, 2005, http] / Ее партнер, который *теперь* является ее мужем, встречался с кем-то еще.

В указанном примере упоминается статус близкого респонденту человека на момент предоставления данных. Поскольку семейный статус характеризуется уникальностью для каждого человека, в данном случае использована линейная хронема.

1. Циклические хронемы.

Следующие примеры содержат циклические хронемы.

Пример 1. “Intense squabbling in the days *since* the election indicates that the country is likely to face *weeks* of protracted negotiations and political instability” [Bilefsky, 2013, http] / Оживленные споры, длящиеся несколько дней *после* выборов, указывают на то, что стране, по всей вероятности, предстоят *недели* продолжительных переговоров и политической нестабильности.

Ранее упомянутый пример содержит циклическую хронему “weeks”. Данный маркер невербального кода коммуникации отражает возможность повторения, элиминацию оригинальности и постепенности раскрытия ситуации. Следует добавить, что представленный пример содержит линейную хронему “since”, которая, в комплексе с рассматриваемой циклической, отражает динамику политических трансформаций по итогам выборов.

Пример 2. “Mr. Lebedev and his father, Alexander, also own The Evening Standard, a *weekday* tabloid in the London area that is distributed free of charge, which they acquired in 2009, a year before purchasing The Independent” [Bilefsky, 2016, http] / Г-н Лебедев и его отец Александр также являются владельцами “The Evening Standard”, *ежедневно* рассылаемым таблоидом на бесплатной основе, который они приобрели в 2009 году, за год до приобретения The Independent.

Вышеприведенный пример хронемы “weekday” дает знания о частоте тиража Британской газеты “The Evening Standard”. Поскольку таблоид издается каждый день, то предполагается поддержка цикличности данного события.

Пример 3. “The main supply countries have *traditionally* been China, India, Brazil and the Philippines” [Bilefsky, 2012, http] / Основными странами-поставщиками *традиционно* были Китай, Индия, Бразилия и Филиппины.

Вышеупомянутый пример содержит хронему, указывающую на постоянство поставок продукции определенными странами.

В качестве объекта анализа также выбраны статьи Эллен Барри, одной из самых популярных журналистов-женщин, информирующих о мировых событиях.

Полученные результаты отображены в таблице 10.

Таблица 10 – Частотность хронем в статьях Эллен Барри

Наименование и год публикации статьи	Количество хронем	% соотношение
1. “U.S. trying to take monkey off the menu” (2007)	21	6,7%
2. “Duma clears way for longer terms in Russia” (2008)	33	10,5%
3. “Thousands Join Anti-Government Rally in Ukraine” (2009)	19	6,1%
4. “A Writer Invites Russia to Engage Its Painful Past” (2010)	27	8,6%

Продолжение таблицы 10

Наименование и год публикации статьи	Количество хронем	Процентное соотношение хронем
5. “A Dress Code for Russians? Priest Chides Skimpiness” (2011)	14	4,5%
6. “Russia Seems to Soften Its Support For Syria” (2012)	11	3,5%
7. “Bangladesh Orders Death for Islamist in Killings” (2013)	12	3,8%
8. “Matriarchs’ Duel for Power Threatens to Tilt Bangladesh off Balance” (2014)	37	11,7%
9. “India Retracts Proposal on Encryption for Social Media Data after Outcry” (2015)	11	3,5%
10. “Nepal’s Young Men, Lost to Migration, Then a Quake” (2015)	32	10,2%
11. “Small Bottle’ of Novichok Found by Police in U.K. Victim’s Home” (2016)	10	3,2%
12. “To U.S. in ’70s, a Dissenting Diplomat. To Bangladesh, ‘a True Friend” (2016)	32	10,2%
13. “India’s ‘Phone Romeos’ Look for Ms. Right via Wrong Numbers” (2017)	35	11,1%
14. “In Sweden’s Preschools, Boys Learn to Dance and Girls Learn to Yell (2018)	20	6,4%
Итого	314	100%

Нижеприведенный рисунок 11 демонстрирует процентное соотношение хронем в каждой статье, где порядковый номер обозначает номер статьи в таблице, а проценты – частотность хронем в каждой из статей относительно общего количества хронем в публицистическом дискурсе Элен Барри.

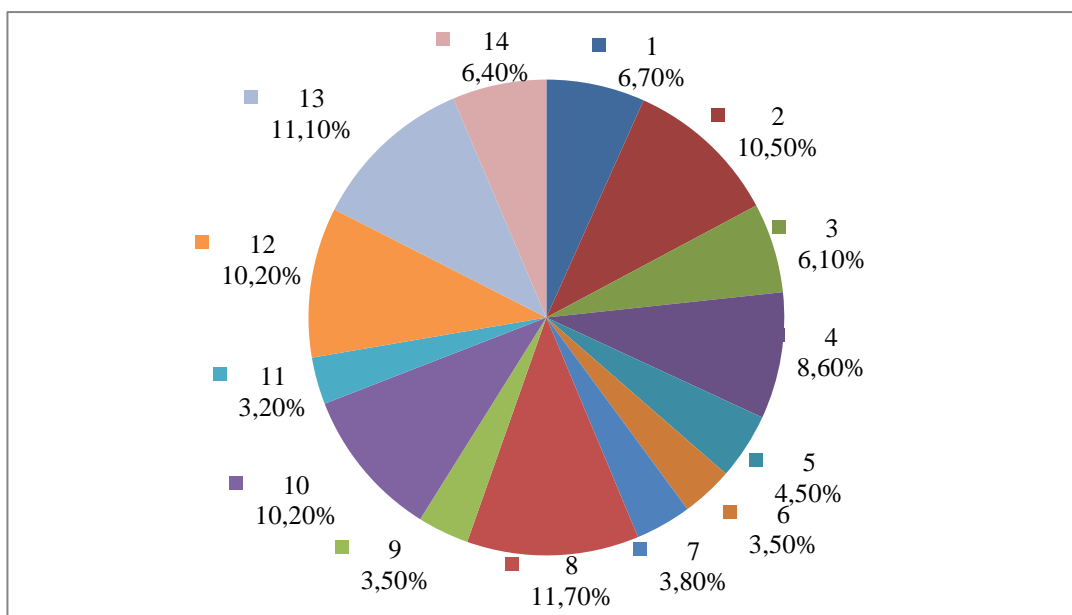

Рисунок 11 – Частотность хронем в статьях Эллен Барри

В результате проведения структурного анализа хронем, стало очевидным, что доминирующим типом среди хронем в статьях журналиста-женщины значатся одноядерные хронемы.

Количественные данные одноядерных и многоядерных хронем в статьях журналиста отражены в таблице 11.

Таблица 11 – Количественные показатели одноядерных и многоядерных хронем в статьях Эллен Барри

Типы хронем	Эллен Барри
1-ядерные хронемы	242
2-ядерные хронемы	63
3-х ядерные хронемы	8
4-х ядерные хронемы	1
Общее количество хронем	314

На рисунке 12 отображены данные частотности, как одноядерных, так и многоядерных хронем в статьях журналиста-женщины Эллен Барри в газете «The New York Times».

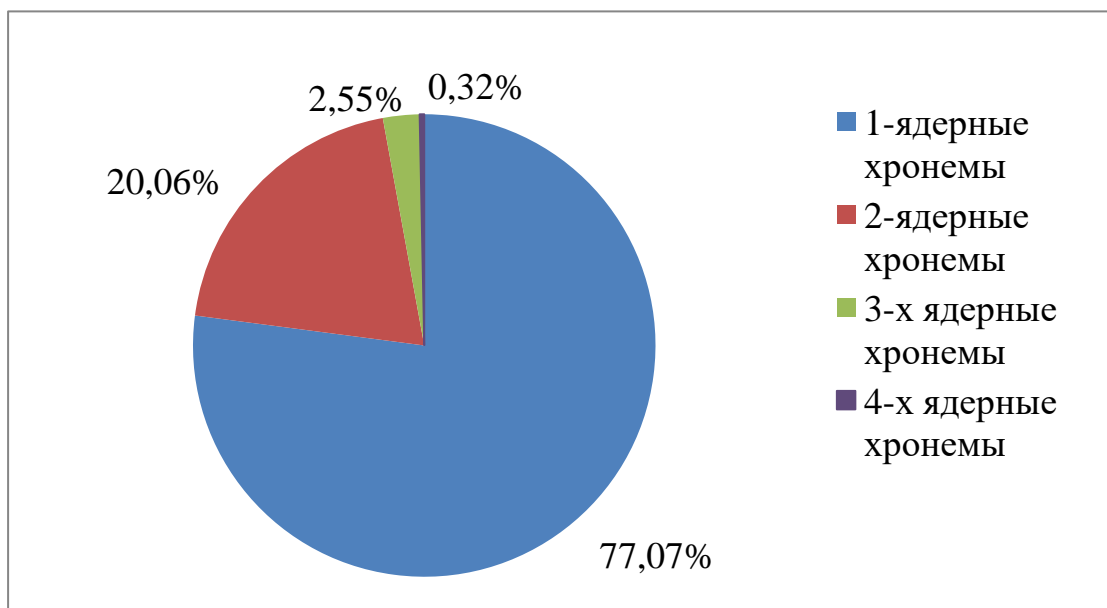

Рисунок 12 – Частотность одноядерных и многоядерных хронем в статьях Эллен Барри

Далее представлены примеры одноядерных и многоядерных хронем в публицистическом дискурсе Эллен Барри.

1. Одноядерные хронемы.

Пример 1. “Some political analysts said the Russians *still* had little incentive to turn against Mr. Assad” [Barry, 2012, http] / Некоторые политологи заявляют, что у русских *по-прежнему* недостаточно оснований выступить против Асада.

В представленном примере используется одноядерная линейная хронема “still”. Данный номинант невербального кода коммуникации дает знание об отсутствии изменений в представленной ситуации и о сохранении прежнего положения дел.

Хронема отражает тесную связь настоящего с прошлым, когда ранее не было оснований для критики политики Асада и это актуально и на момент публикации статьи.

Пример 2. “*At a December* round table on interethnic relations, he said a woman wearing a miniskirt “can provoke not only a man from the Caucasus,” the predominately Muslim region on Russia’s southern border, “but a Russian man as well.” [Barry, 2011, http] / *На декабрьском* круглом столе по межэтническим отношениям он заявил, что женщина в мини-юбке «может спровоцировать не

только мужчину с Кавказа», то есть жителя преимущественно мусульманского региона на южной границе России, «но и русского мужчину».

Одноядерная линейная хронема “at a December” предоставляет сведения о поре года, соотносящуюся с особенностями описываемой ситуации – проведение круглого стола по вопросу гендерного поведения. Данная хронема направлена на ориентирование во времени для прослеживания хронологии.

Пример 3. “Mr. Mollah’s defense lawyer, Abdur Razzaq, *on Tuesday* denounced the decision to increase the sentence to death as unjust and wrong.” [Barry, 2013, http] / **Во вторник** адвокат г-на Моллы Абдур Раззак осудил решение об ужесточении приговора к смертной казни, назвав его несправедливым.

Использованная хронема “on Tuesday” указывает на временные параметры события, в котором принимает участие внутренний субъект коммуникации.

2. Многоядерные хронемы.

В публицистическом дискурсе Эллен Барри многоядерные хронемы употребляются реже. Далее рассмотрены некоторые примеры из статей журналиста-женщины.

Пример 1. “Russians were taken by surprise *last week when* their new president, Dmitri Medvedev proposed the term extension, the first substantial amendment to Russia's Constitution *since it was written in 1993*” [Barry, 2008, http] / Россияне были застигнуты врасплох **на прошлой неделе, когда** их новоизбранный президент, Дмитрий Медведев, предложил продлить срок полномочий, что стало первой существенной поправкой к Конституции России **с момента ее принятия в 1993 году**.

Вышеприведенный пример важен для рассмотрения ввиду сочетания в одном предложении двух многоядерных хронем, а именно следующих номинантов:

- “last week when”, ядрами которой являются “week” и “when”;
- “since it was written in 1993”, ядрами которой являются “since” и “1993”.

В первой многоядерной хронеме отражается временная связь с прошлым, когда внутренние субъекты ситуации переживали сильные эмоции при получении сведений о предложении продлить срок президентства путем внесения поправок в Конституцию.

Во второй многоядерной хронеме содержатся компоненты знания о более раннем периоде, в сравнении с описываемой реакцией россиян, а именно времени принятия Конституции. Сопряжение данных номинантов невербального кода коммуникации способствует более глубокому пониманию эмоциональной реакции ввиду серьезного временного промежутка, характеризующегося отсутствием внесенных поправок в Конституцию РФ.

Пример 2. “In fact, *during the 40-year history* of the dissent channel, the cables have had little or no direct impact on policy, say researchers who have reviewed them” [Barry, 2016, [http](#)] / Как отметили исследователи, на самом деле, *за 40-летнюю историю* существования диссидентского канала телеграммы практически не оказали прямого влияния на политику.

Указанный пример содержит 2-х ядерную хронему “during the 40-year history”. Она дает знания о продолжительности существования канала, распространяющего информацию об альтернативном взгляде на положение дел.

Пример 3. “My father was one of a wave of young men who joined the Foreign Service in the 1960s, under the influence of John F. Kennedy, and he served *until his retirement, more than 30 years*” [Barry, 2016, [http](#)] / Мой отец был одним из молодых людей, поступивших на дипломатическую службу в 1960-х годах, находясь под влиянием Джона Ф. Кеннеди, и он служил вплоть *до выхода на пенсию, более 30 лет*.

В предложении используется 2-х ядерная хронема “until his retirement, more than 30 years”. Указанный номинант невербального кода коммуникации подчеркивает, насколько долго отец внутреннего субъекта оставался на службе.

Определено, что линейные хронемы в статьях Эллен Барри преобладают над линейными хронемами. Соответствующие данные представлены в таблице 12.

Таблица 12 – Количественные показатели линейных, линейных и циклических хронем в статьях Эллен Барри

Типы хронем	Эллен Барри
Линейные хронемы	116
Линейные хронемы	185
Циклические хронемы	13
Общее количество хронем	314

На рисунке 13 представлена частотность линейных, линейных и циклических хронем в статьях журналиста-женщины в газете «The New York Times».

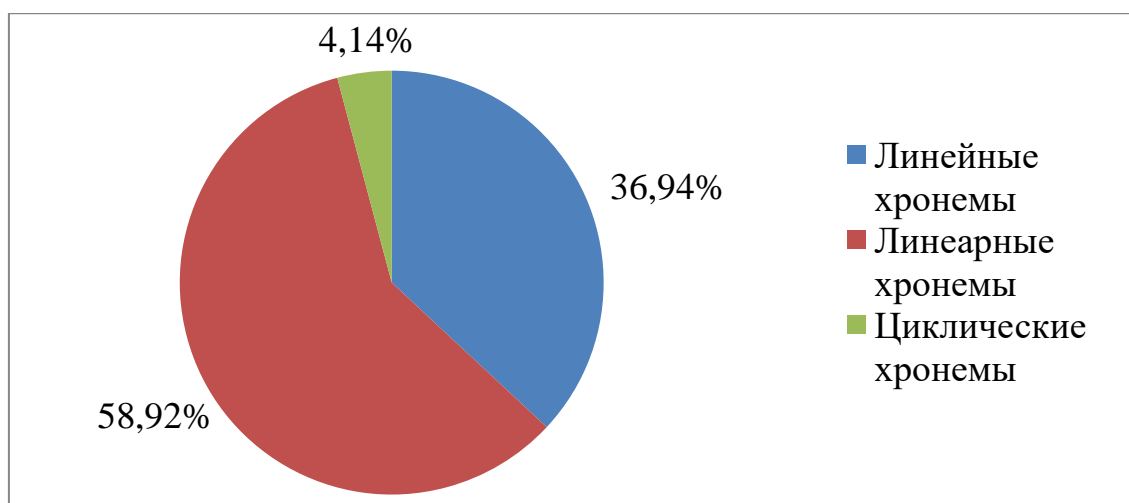

Рисунок 13 – Частотность употребления линейных, линейных и циклических хронем в статьях Эллен Барри

Далее представлены линейной, циклической и линейной хронем в статьях Эллен Барри, журналиста-женщины «The New York Times».

1. Линейные хронемы.

Линейные хронемы употребляются реже, чем линейные, но чаще, чем циклические.

Пример 1. “On a *recent* visit to Bangladesh, around the anniversary of its hard-fought war of independence from Pakistan, I conducted an experiment” [Barry,

2016, [http](#)] / Во время *недавнего* визита в Бангладеш, почти в годовщину упорной войны за независимость от Пакистана, я провела эксперимент.

Вышеприведенный пример содержит линейную хронему, которая освещает временной фактор визита в Бангладеш. Так как данное событие произошло «недавно», то журналист женского пола сообщает о событии недавнего прошлого, постепенно перетекающего в настоящее.

Пример 2. “The demonstrations came *at the end of a tumultuous week*” [Barry, 2009, [http](#)] / Демонстрации пришлось *на конец тяжелой недели*.

Указанный пример представляет линейную хронему, которая подразумевает окончание недели.

Пример 3. “The Maoist insurgency that racked the country *for 10 years ended in 2006*, but the economy *never* recovered *afterward*” [Barry, 2015, [http](#)]” / Маоистский мятеж, сотрясавший страну *в течение 10 лет, закончился в 2006 г.*, но после этого экономика так и не *восстановилась*.

Представленный фрагмент текста статьи повествует о событиях прошлого, которые развивались линейно и находились в причинно-следственных отношениях.

2. Линейные хронемы.

Пример 1. “Recently, a complaint came from Geetika Chakravarty, *24*, a makeup artist who grew up traveling the world with her father, a diplomat” [Barry, 2017, [http](#)] / Недавно поступила жалоба от Гитики Чакраварти, *24-х летней* визажистки, которая выросла в путешествиях по миру со своим отцом-дипломатом.

В данном примере числовое значение “24” подразумевает возраст внутреннего субъекта ситуации. Поскольку он характеризуется уникальностью, это свидетельствует об употреблении линейной хронемы.

Пример 2. “And *when* we were saved, I decided to throw it all away and sit and write” [Barry, 2010, [http](#)] / И *когда* нас спасли, я решила все бросить и сесть за написание книги.

Представленный пример содержит сведения о личном опыте переживания катастрофы, из которой удалось выбраться. Поскольку респондент и несколько других людей были в определенный момент своей жизни спасены от опасности, это подчеркивает неповторимость переживаемого ими события.

Пример 3. “Both women are *in their late 60s* and hoping to ensure succession, probably to their sons” [Barry, 2014, [http](#)] / Обеим женщинам *уже далеко за 60*, и они возлагают надежды на своих сыновей как потенциальных наследников престола.

Линейная хронема “in their late 60s” является возрастной характеристикой внутренних субъектов ситуации. Возраст женщин у власти упомянут при определении будущих наследников престола.

3. Циклические хронемы.

Пример 1. “It seems to me that in today's Russia, *five, six or seven years* would be acceptable,” he said in an interview last June” [Barry, 2008, [http](#)] / Мне кажется, что в сегодняшней России находиться на посту *пять, шесть или семь лет* будет приемлемо», – заявил он в интервью в июне прошлого года.

В указанном примере циклические хронемы отражают характеристику правления президента каждые несколько лет, повторяющихся циклическим образом.

Пример 2. “It is impossible to predict this situation, absolutely impossible,” he said. “It changes *every day*” [Barry, 2009, [http](#)] / «Невозможно предсказать эту ситуацию, абсолютно невозможно», – сказал он. «Она меняется *ежедневно*».

Вышеприведенный пример содержит циклическую хронему “every day”. Она демонстрирует изменение ситуации при неизменности каждодневного цикла.

Пример 3. “Reliable statistics are hard to come by, but Heather Eves, director of the Bushmeat Crisis Task Force, a nonprofit organization based in Washington, estimated that more than 15,000 pounds, or more than 7,400 kilograms, of bushmeat come to market in the United States *every month*, of which only a tiny fraction is

intercepted” [Barry, 2007, http] / Достаточно сложно получить точные данные, но Хизером Ивс, директором некоммерческой организации Bushmeat Crisis Task Force, базирующейся в Вашингтоне, подсчитано, что более 15 000 фунтов или более 7 400 кг мяса диких животных поступает *ежемесячно* на рынок в Соединенных Штатах, и лишь часть из него конфискуется.

В вышеприведенном примере употреблена циклическая хронема “every month”, которая подчеркивает цикличность продажи мяса диких животных. Таким образом подчеркивается актуальность проблемы.

Обратим внимание на показатели количества и частотности хронем в публицистическом дискурсе Сары Лайл, что отражено в таблице 13.

Таблица 13 – Количественные показатели хронем в статьях Сары Лайл

Наименование и год публикации статьи	Количество хронем	% соотношение
1. “Labour's latest slogan isn't Queen's English” (2005)	17	4,43%
2. “Note to English soccer fans: The war's over - Europe - International Herald Tribune” (2006)	31	8,07%
3. “For Princess Diana, a legacy that lives ever after” (2007)	54	14,06%
4. “Tv broadcast of an assisted suicide intensifies a contentious debate in Britain” (2008)	42	10,04%
5. “British High Court Says Jewish School’sK Ethnic-Based Admissions Policy Is Illegal” (2009)	14	3,65%
6. “Ex-Official Says Afghan and Iraq Wars Increased Threats to Britain” (2010)	18	4,69%
7. “Britain: A Royal Visit to Ireland” (2011)	7	1,82%
8. “E-Mail on ‘Rife’ Hacking Deleted from James Murdoch Computer, Lawyers Say” (2012)	23	5,99%

Продолжение таблицы 13

Наименование и год публикации статьи	Количество хронем	% соотношение
9. "Libel Cases Now Harder to Bring in England" (2013)	12	3,13%
10. "Prosecution Rests Case in Pistorius Murder Trial" (2014)	27	7,03%
11. "Magna Carta, Still Posing a Challenge at 800" (2015)	52	13,54%
12. "British Politics Gives a Sense of Government by Old School Chums" (2016)	33	8,59%
13. "Prince Harry Casts Aside Ghosts of Royal Marriages Past" (2017)	36	9,38%
14. "Meghan Markle Introduces the British Monarchy to the African-American Experience" (2018)	18	4,69%
Итого	384	100%

На рисунке 14 продемонстрирована частотность хронем в статьях Сары Лайл.

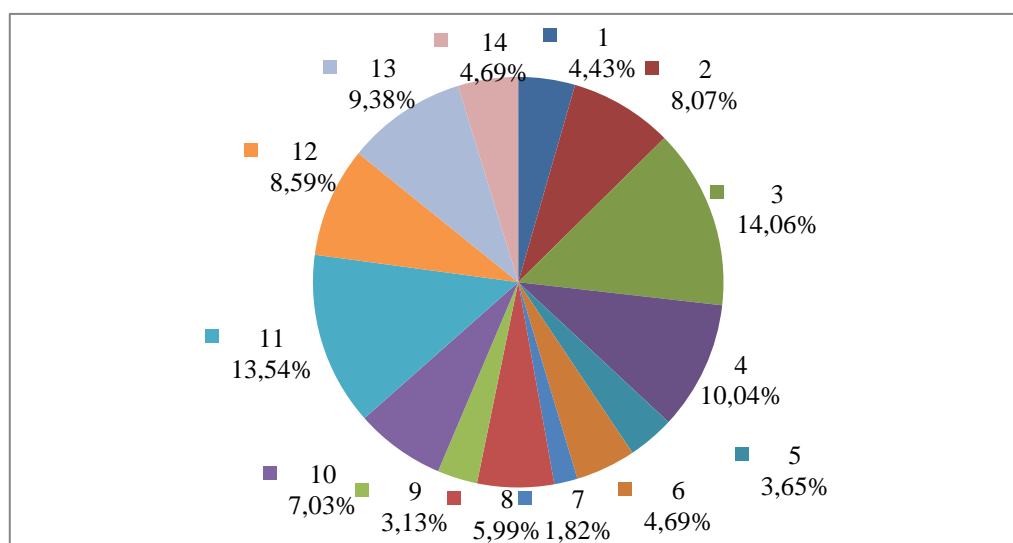

Рисунок 14 – Частотность хронем в статьях Сары Лайл

В статьях Сары Лайл, в сравнении с Марком Лэндлером, Дэном Билефски, и Эллен Барри, также доминирующим типом хронем являются одноядерные, что отражено в таблице 14.

Таблица 14 – Количественные показатели одноядерных и многоядерных хронем в статьях Сары Лайл

Типы хронем	Сара Лайл
1-ядерные хронемы	317
2-ядерные хронемы	58
3-х ядерные хронемы	9
Общее количество хронем	384

На рисунке 15 отображена частотность одноядерных и многоядерных хронем в статьях журналиста-женщины.

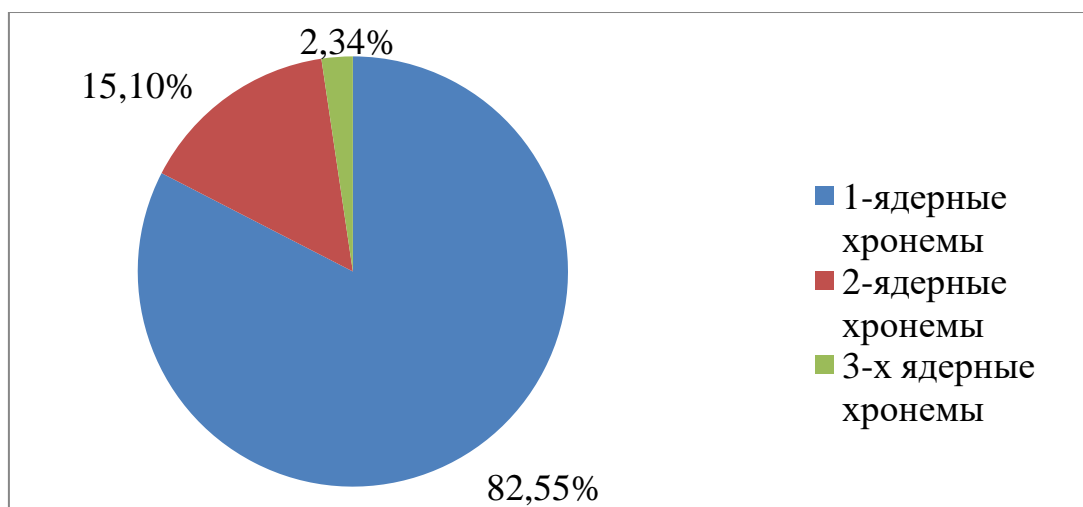

Рисунок 15 – Частотность употребления одноядерных и многоядерных хронем в статьях Сары Лайл

Далее проанализированы соответствующие маркеры.

1. Одноядерные хронемы.

Пример 1. “A News International spokeswoman said the company had no comment and would not discuss what other e-mails might have been deleted at the

same *time*” [Lyll, 2012, http] / Представитель News International заявила, что у компании нет комментариев и она не готова обсуждать, какие еще электронные письма могли быть удалены *в один момент*.

В указанном предложении используется одноядерная хронема “time”. Она отражает обстоятельства исчезновения нескольких электронных писем.

Пример 2. “They live in the same area of West London, they all socialize together, they were at one another’s *weddings*, and they are godparents to one another’s children” [Lyll, 2016, http] / Они живут в одном районе Западного Лондона, они все вместе проводят время, они были на *свадьбах* друг друга, и они являются крестными детей друг у друга.

Хронема “weddings” является одноядерной. Данный номинант упоминается для имплицитного сообщения о наличии крепких связей между внутренними субъектами ситуации, поскольку на свадьбу приглашают близких людей.

Пример 3. “People in Britain do not *usually* speak of love in the way he did in church” [Lyll, 2018, http] / Британцам *обычно* не свойственно выражаться о любви в церкви в такой манере, как это делал он.

В вышеприведенном предложении употреблена одноядерная хронема “usually”.

Упомянутая хронема подчеркивает привычность, шаблонность, соблюдение неизменных правил выполнения определенных действий. В соответствии с содержанием примера, хронема употреблена с целью создания эффекта контраста действий внутреннего субъекта ситуации.

Несмотря на то, что многоядерные хронемы в публицистическом дискурсе Сары Лайл используются реже, они представляют собой теоретическую и практическую значимость для дальнейшего описания.

1. Многоядерные хронемы.

Пример 1. “The couple had been dating *for only a few months when* Mr. Pistorius shot Ms. Steenkamp through the locked bathroom door of his house in a luxury gated development” [Lyll, 2014, http] / Пара встречалась *в течении всего*

несколько месяцев, после чего г-н Писториус застрелил г-жу Стенкамп через запертую дверь ванной комнаты своего дома в роскошном закрытом комплексе.

Многоядерна хронема “a few months when” содержит 2 ядра, сочетание которых дает знания о кратком, непродолжительном периоде отношений внутренних субъектов перед совершением преступления.

Пример 2.”The event will feature, among other things, a group of 500 American lawyers traveling with the American Bar Association, a host of England’s foremost jurists and scholars and — as a sign of how far monarchs have come *since medieval times* – Queen Elizabeth II, attending not on sufferance, but of her own free will” [Lyll, 2015, http] / В мероприятии, среди прочего, примет участие группа 500 американских юристов, путешествующих вместе с Американской ассоциацией юристов, множество ведущих юристов и ученых Англии и – в знак того, как далеко продвинулись монархи *со времен средневековья* – королева Елизавета II, участвующая не по принуждению, а по собственной воле.

Маркер темпоральности “since medieval times” включает в себя три ядра. Хронема “since” подразумевает выбранный промежуток времени для отсчета, хронема “medieval” называет конкретную эпоху, а хронема “times” характеризуется уточнением выбранного критерия (время) изучения динамики развития монархической системы управления в Великобритании.

В статьях журналиста-женщины выявлены количественные показатели линейных, линейных и циклических хронем, отраженные в таблице 15.

Таблица 15 – Количественные показатели линейных, линейных и циклических хронем в статьях Сары Лайл

Типы хронем	Сара Лайл
Линейные хронемы	169
Линейные хронемы	181
Циклические хронемы	34
Общее количество хронем	384

На рисунке 16 представлена частотность линейных, линейных и циклических хронем в статьях журналиста-женщины.

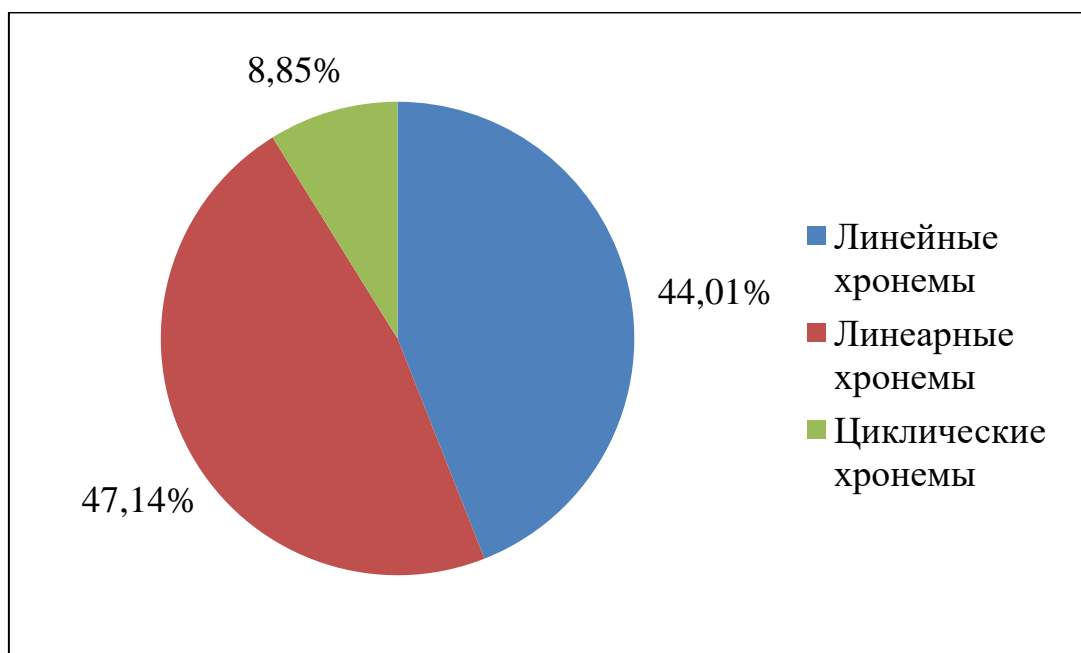

Рисунок 16 – Частотность употребления линейных, линейных и циклических хронем в статьях Сары Лайл

Рассмотрим соответствующие примеры хронем в статьях Сары Лайл.

1. Линейные хронемы.

Пример 1. “A judge accused News International *last month* of destroying possibly relevant e-mails” [Lyall, 2012, http] / ***В прошлом месяце*** судья обвинил “News International” в уничтожении потенциально важных электронных писем.

Линейная хронема, которая освещает события прошлого месяца, отличается направленностью на настоящее время. Данный маркер невербальной коммуникации указывает на невозможность вернуть события прошлого месяца.

Пример 2. “The war ended *60 years ago*” [Lyall, 2006, http] / Война закончилась ***60 лет назад***.

Упоминание окончания войны детализируется временным периодом. Журналист-женщина с момента написания статьи опирается на события, произошедшие в прошлом и не наблюдающиеся в настоящем.

Пример 3. “The ruling was a blow to the school, which had already *hastily* altered its admissions policies because of the earlier court ruling” [Lyall, 2009, http] / Это решение стало ударом по репутации школы, которая впоследствии из-за более раннего решения суда *поспешно* изменила свои правила приема.

В примере описывается очередность предоставления решений суда, которые происходили в прошлом. Линейные хронемы позволяют отследить обусловленность действий администрации школы при ознакомлении с несколькими решениями суда.

2. Линейные хронемы.

Пример 1. “Mr. Murdoch has always maintained that they *never* told him and that he knew nothing about it *until much later*” [Lyall, 2012, http] / Г-н Мердок всегда утверждал, что они никогда не говорили ему об этом и что он ничего не знал об этом *намного позже*.

В указанном примере линейные хронемы дают знания о показаниях внутреннего субъекта на отсутствие информации в течение всего времени. Из этого следует, что он описывает свой уникальный опыт, так как другие люди обладали необходимыми данными.

Пример 2. “And there was a *19-year-old* cello soloist, Sheku Kanneh-Mason, the first black musician to win the BBC’s Young Musician Award in its 38-year history” [Lyall, 2018, http] / Здесь также присутствовал *19-летний* солист виолончели Шеку Каннех-Мейсон, первый чернокожий музыкант, получивший премию BBC Young Musician Award за всю свою 38-летнюю историю.

В указанном примере упоминается возрастная характеристика солиста. Возраст – это индивидуальная характеристика, что указывает на линейный характер хронемы.

Пример 3. “Visiting from Boston, Trevor Gailun, who is *41* and works in finance, said the emergence of a royal American in London could be only a plus” [Lyall, 2017, http] / Приехавший из Бостона *41-летний* Тревор Гайлун, который работает в сфере финансов, заявил, что появление американки в королевской семье столицы Великобритании будет только преимуществом.

В данном примере упомянуто количество лет респондента на момент публикации статьи журналистом-женщиной. Используемая линейная хронема соотносится с жизненным опытом внутреннего субъекта ситуации.

3. Циклические хронемы.

Рассмотрим циклические хронемы в публицистическом дискурсе Сары Лайл.

Пример 1. “Meanwhile, the authorities *periodically* prosecute people who have assisted in suicides in Britain” [Lyall, 2008, [http](#)] / Между тем, власти *периодически* привлекают к уголовной ответственности людей, которые содействовали самоубийствам в Британии.

Вышеприведенный пример содержит хронему, которая семантически отражает неоднократное выполнение аналогичных действий. Соответственно, уголовную ответственность несут те люди, которые содействовали самоубийству британцев.

Пример 2. “The defense has asked *for several days* to prepare itself, and will begin its own case on Friday — possibly with Mr. Pistorius taking the stand” [Lyall, 2014, [http](#)] / Защита попросила *несколько дней* на подготовку и начнет свое дело в пятницу – возможно, с участием г-на Писториуса.

В примере упомянута циклическая хронема “for several days”, которая указывает на выполнение однотипных действий в течение одного дневного цикла. Из этого следует, что каждый день защита будет подготавливать материалы для дела.

Пример 3. “You can say that *again*” [Lyall, 2016, [http](#)] / Вы можете сказать это *ещё раз*.

Внутреннему субъекту коммуникации предлагается повторить ту же фразу в её оригинальном виде снова. Пространственно-временные отношения, отраженные в структуре проксем и хронем как высокочастотных маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе газеты «The New York Times», дополняются знаниями, получаемыми вследствие функционирования сенсем и кинем как среднечастотных номинантов.

2.3. Среднечастотные маркеры невербального кода в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл

2.3.1. Сенсемы как среднечастотные маркеры в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл

Сенсемные номинанты как маркеры невербального кода «представляют собой совокупность информации нескольких органов чувств» [Даниленко, 2016б, с. 207]. Они дополняют знания о состоянии собеседника, о его реальных или скрытых мотивах, готовности к коммуникации. Исходя из семантики сенсем, их функция заключается в обозначении в модели публицистического дискурса информации, получаемой описываемыми действующими лицами новостной статьи от их пяти органов чувств.

Выявлено, что в статьях Эллен Барри и Сара Лайл используют большее количество сенсем, нежели в своих статьях Марк Лэндлер и Дэн Билефски.

Частотность использования сенсем в статьях Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл представлена в таблице 16 и на рисунке 17.

Таблица 16 – Количественные показатели сенсем в статьях Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл

Тип маркеров	Марк Лэндлер	Дэн Билефски	Эллен Барри	Сара Лайл
Сенсемы	76	62	150	100

Далее полученные результаты частотности сенсем как маркеров невербальной коммуникации в статьях выбранных журналистов-мужчин и журналистов-женщин отображаются на рисунке 17.

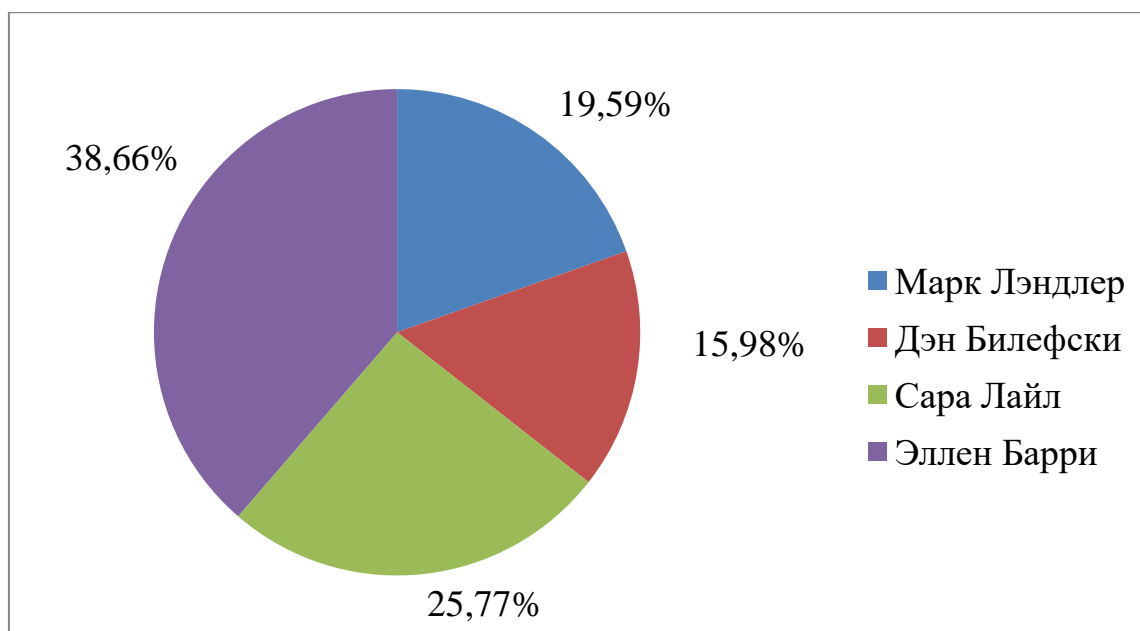

Рисунок 17 – Частотность сенсем в статьях Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл

Исходя из полученных данных, прослеживается тенденция в более частом использовании сенсем в статьях Эллен Барри и Сары Лайл. В статьях Марка Лэндлера и Дэна Билефски соответствующие единицы встречаются реже.

Далее рассмотрены примеры использования сенсем в статьях газеты «The New York Times» Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл.

Сенсема, выявленная в статье Марка Лэндлера:

Пример 1. “Schellnhuber, *a soft-spoken* scientist who advises Chancellor Angela Merkel on climate policy, said that to be fair to the White House, it had come a long way in its approach to climate change” [Landler, 2007, http] / Г-н Шеллингубер – ученый, который консультирует канцлера Ангелу Меркель по вопросам климатической политики. Своим *тихим голосом* он заявил, что Белый дом на самом деле проделал долгий путь для формирования своего подхода к изменению климата.

В данном контексте выявлена слуховая сенсема “soft-spoken”, которая передает параметры голоса ученого, который является консультантом канцлера Ангелы Меркель. Сенсема отражает параметры голоса ученого, воспринятые органом слуха.

Далее представлен пример сенсемы, выявленный в статье Дэна Билефски.

Пример 1. “He recently *saw* two boys fighting in the street and told them they would bring shame on their families. “Do you not recognize me?” one replied” [Bilefsky, 2006, [http](#)] / Недавно на улице он *заметил* двух дерущихся мальчиков и сказал им, что подобным поведением они навлекут позор на свои семьи. Один из них спросил его: «Разве ты меня не узнаешь?»

В данном контексте, зрительная сенсема «*saw*» указывает на начало развития коммуникативной ситуации между взрослым и двумя дерущимися мальчиками, один из которых, как очевидно из текста всей статьи, оказался сыном прохожего. В данном контексте также выявлена лингвокультурема «*would bring shame on their families*», которая маркирует традиции описываемого в статье социума.

Далее представлены примеры сенсем в статьях Эллен Барри.

Пример 1. “Ten minutes later, Bulu called back and told her that he liked *the sound of her voice*” [Barry, 2017, [http](#)] / Спустя десять минут Булу перезвонил ей и сказал, что ему нравится *звучание ее голоса*.

Указанный пример характеризуется наличием сенсемы слухового восприятия голоса внутреннего субъекта ситуации. Так как Булу коммуникация с девушкой доставляла удовольствие, он положительно оценил собственное восприятие её голоса. Более того, в данном контексте применена хронема “ten minutes later”, которая указывает на то, что голос был услышан десять минут спустя, то есть указывает на имплицитную слуховую сенсеми.

Пример 2. “When a classmate tried to walk off with one of her bags, the girl held out the palm of her hand and shouted “No” *at such a high volume* that Ms. Sandberg’s head swiveled around” [Barry, 2018, [http](#)] / Когда одноклассница попыталась удалиться с одной из ее сумок, девочка протянула ладонь и закричала «Нет!» *с такой оглушительной громкостью*, что г-жа Сэндберг невольно повернула голову.

В статье “In Sweden’s Preschools, Boys Learn to Dance and Girls Learn to Yell” журналист-женщина использует слуховую сенсеми “at such a high volume”

с целью передачи читателю статьи эффекта от слухового восприятия громкого голоса девочки. Громкий крик девочки, воспринимаемый г-жой Сэндберг, побудил обратить внимание, проявление этого внимания выражено посредством употребления кинемы “head swiveled around”.

Пример 3. “And 40 years later, *the insistent voices* of old women began to *declaim* in Ms. Chizhova’s head, and she sat down to write a novel” [Barry, 2010, http] / И спустя 40 лет в ушах госпожи Чижовой *зазвучали настойчиво голоса* пожилых женщин, и она села за написание романа.

Сочетание двух сенсем подчеркивает интенсивность звучания голосов, которые писательница услышала впервые сорок лет назад и вновь услышала перед работой над написанием романа. В данном контексте хронема “40 years later” также указывает на имплицитную слуховую сенсема, воспринятую за сорок лет до начала работы над романом.

Проанализируем примеры использования сенсем на материале статей Сары Лайл:

Пример 1. “It was hard to tell, *looking out* over the church crowd, what the general reaction was to Bishop Curry’s address” [Lyll, 2018, http] / *Глядя* на толпу в церкви, было сложно определить, какова была всеобщая реакция на выступление епископа Карри.

В рассматриваемом контексте сопряжены несколько типов маркеров невербального кода.

Во-первых, проксема-религионим “the church crowd” указывает на место происходящего события и на участников события.

Во-вторых, зрительная сенсема “looking out over” маркирует внешнего субъекта по отношению к описываемой ситуации, в то время как словосочетание “the general reaction” описывает состояние внутренних субъектов ситуации, внимание которых направлено на центральную фигуру коммуникативной ситуации, на епископа Карри.

В словосочетании “the general reaction” имплицитно заложена слуховая сенсема.

Пример 2. “In *his labored voice*, he says, “I love you, sweetheart, so much.” [Lyuall, 2008, http] / Своим *измученным голосом* он говорит: «Я так люблю тебя, дорогая».

В примере, упомянутом выше, употреблена сенсема “labored voice”, которая дает знания об оценке эмоционального состояния пациента при прослушивании его речи. Обработка данных посредством органов слуха позволяет определить, что внутренний субъект ситуации страдает, произнося слова о любви.

Стоит указать на то, что то, что сенсеммы могут быть:

- зрительными сенсемами;
- слуховыми сенсемами;
- вкусовыми сенсемами;
- обонятельными сенсемами;
- осязательными сенсемами [Огнева, 2021].

С опорой на представленную классификацию сенсем было проведено исследование частотности употребления данных маркеров в статьях Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл в газете «The New York Times».

Полученные данные представлены в таблице 17.

Таблица 17 – Количественные показатели зрительных, слуховых и осязательных сенсем в статьях Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл

Типы сенсем	Марк Лэндлер	Дэн Билефски	Эллен Барри	Сара Лайл
Зрительные сенсеммы	58	52	114	62
Слуховые сенсеммы	16	8	36	35
Осязательные сенсеммы	2	2	-	3
Вкусовые сенсеммы	-	-	-	-

Продолжение таблицы 17

Типы сенсем	Марк Лэндлер	Дэн Билефски	Эллен Барри	Сара Лайл
Обонятельные сенсемы	-	-	-	-
Количество сенсем	76	62	150	100

На рисунке 18 отображена частотность различных сенсем в публицистическом дискурсе журналистов-мужчин и журналистов-женщин.

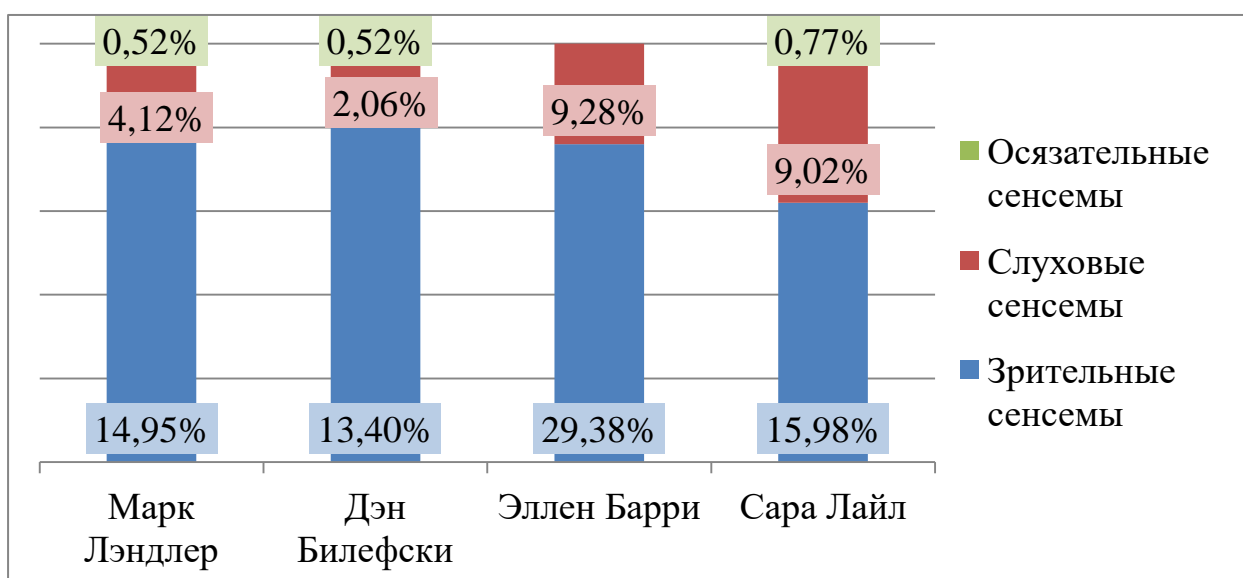

Рисунок 18 – Частотность различных типов сенсем в статьях Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл

Рассмотрение примеров использования различных видов сенсем, а именно зрительных, слуховых и осязательных в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл показало следующие закономерности.

1. Зрительные сенсемы.

Статьи Эллен Барри при сопоставлении со статьями Марка Лэндлера, Дэна Билефски и Сары Лайл, отличаются наличием наибольшего количества маркеров чувственного восприятия, что также предопределило количественные показатели зрительных сенсем – 113 номинантов.

В статьях Дэна Марка Лэндлера наиболее частыми сенсемами также являются зрительные. Проиллюстрируем соответствующие маркеры невербального кода коммуникации.

Пример 1. “*Two larger screens displayed satellite images of soccer stadiums across Germany, the Google Earth logos visible in the lower right-hand corners of the screens*” [Landler, 2006, [http](#)] / *На двух больших экранах отображались спутниковые изображения футбольных стадионов по всей Германии, в нижних правых углах экранов виднелись логотипы Google Earth.*

Представленный пример содержит зрительные сенсеммы, которые передают информацию о чувственных ощущениях журналиста-мужчины при визуальной оценке экранов. Номинанты имплицитно отражают оценку просмотра футбольного матча посредством упоминания размера экранов, источника передачи изображений и логотипов знаменитой компании.

Пример 2. “*A 10-minute video says more than if I had talked for two hours,*” he said” [Landler, 2008, [http](#)] / «*10-минутная видеозапись* содержит больше информации, чем если бы я смог передать в течение двух часов», – сказал он.

В анализируемом примере зрительная сенсема “a 10-minute video” употреблена для подчёркивания её более высокой значимости, при сопоставлении со слуховой. Темпоральные характеристики ситуации, а именно, 2-х часовой разговор и 10-минутное видео, упоминаемые внутренним субъектом, указывают на то, что визуальное предоставление информации более удобное и оперативное для восприятия аудитории.

Пример 3. “In his first address to the other leaders, on Monday, he spoke approvingly about the enduring role of the United Nations and paid it what for him is the ultimate compliment: telling the audience that he deliberately built Trump World Tower opposite *the slender green-glass and Vermont marble tower* that houses the United Nations headquarters” [Landler, 2017, [http](#)] / В своем первом обращении к лидерам других стран в понедельник он одобрительно говорил о непреходящей роли Организации Объединенных Наций и отплатил ей тем, что для него является высшим комплиментом: он поведал аудитории, что намеренно

построил Башню мира Трампа напротив *стройного здания из зеленого стекла и мраморной башни Вермонта*, в которой находится штаб-квартира Организации Объединенных Наций.

Указанная зрительная сенсема представляет собой фиксирование визуального образа башни, дополненного деталями. Так, указанный номинант даёт знания о форме, строительном материале здания башни, а также цветовом варианте стекла окон.

Наиболее частым типом сенсем в публицистическом дискурсе Дэна Билефски являются зрительные сенсемы. Ниже приведены примеры данного типа маркера чувственного восприятия.

Пример 1. “Isiklar, the remote village where Mr. Arslan Ф is the aga, or chief, can be found at the end of *a long dirt road, surrounded by sweeping verdant fields*” [Bilefsky, 2006, http] / Исиклар, отдаленная деревня, где г-н Арслан Ф. является ага, или, иначе говоря, вождем, расположилась в конце *длинной проселочной дороги, окруженной широкими зелеными полями*.

Представленные маркеры чувственного восприятия “a long dirt road” и “sweeping verdant fields” передают сведения о впечатлении внешнего субъекта ситуации по прибытии к внутреннему субъекту, г-ну Арслану Ф. В статье Дэна Билефски выделенные маркеры невербального кода коммуникации позволяют отразить характеристики протяжённости широты, вида дорожного покрытия дороги и цветовой гаммы полей, воспринимаемые посредством визуального канала. В итоге, анализируемый пример с большей детализацией передает ландшафт деревни, в которой пребывал Дэн Билефски во время проведения интервью.

Пример 2. “Faced with a new loneliness, a group of Latgalian meet regularly at Turki's public library – *a log cabin lit by candles* – to discuss how the exodus is affecting their town” [Bilefsky, 2005, http] / Столкнувшись с новым чувством одиночества, группа латгальцев регулярно проводит встречи в публичной библиотеке Турки – *бревенчатом домике, освещенном свечами*, – чтобы обсудить, как массовое переселение повлияет на их поселок.

Зрительная сенсема “a log cabin lit by candles” имплицитно указывает на обстановку места собрания иммигрантов в библиотеке. Полагаясь на содержание имплицитного маркера чувственного восприятия, становится ясно, что они проводят время при свете свечей в небольшом бревенчатом жилище. Следовательно, они не используют электричество, которое доступно широкой массе населения. Этот факт подчёркивает то, что условия их проживания являются тяжёлыми.

Пример 3. “On Friday, near *Bombardier’s sprawling factory*, which employs about 2,000 workers, local residents said that Mr. Trump’s perceived strong-arming of the company had sent shudders through the local economy...” [Bilefsky, 2018, http] / В пятницу, неподалеку от *обширной фабрики Bombardier*, на которой трудится около 2000 рабочих, по заявлению местных жителей, сильное давление г-на Трампа на компанию вызвало резкий скачок в местной экономике.

Анализируемый пример содержит зрительную сенсему, которая непрямым образом конкретизирует образ фабрики, занимающейся техническим оснащением Bombardier. Указанный маркер отражает большой размер фабрики, что в сочетании с контекстом оказания Дональдом Трампом, экс-президентом США, существенного влияния на показатели производительности Канады, содержит имплицитную оценку силы политического рычага.

Далее представлены примеры зрительных сенсем в публицистическом дискурсе журналиста-женщины.

Пример 1. “*Frail older people* have been left to manage the aftermath on their own” [Barry, 2015, http] / *Слабым пожилым людям* пришлось справляться с последствиями самостоятельно.

Имплицитная зрительная сенсема “frail older people” предоставляет информацию о возрасте, физическом и психологическом состоянии выбранной категории людей. Указанные знания получены вследствие визуальной фиксации наличия физических признаков слабости определённой группы людей – пожилых людей.

Пример 2. “The former prime minister, stern-faced and imperious as a medieval queen, received visitors *in a creamy white sitting room* as a servant brought pastries” [Barry, 2014, http] / Бывшая премьер-министр, суровая и властная, словно средневековая королева, принимала посетителей в гостиной комнате *в кремово-белых тонах*, пока слуга подавал выпечку.

Зрительная сенсема “in a creamy white sitting room” привносит дополнительные знания о дизайне гостиной комнаты внутреннего субъекта ситуации. Вследствие этого, образ действующего лица дополняется более выразительными характеристиками, указывающими на связь с эпохой Средневековья.

Пример 3. “I will keep walking as long as God gives me life. You may not *see* me, but you should remember – my granny is there.” [Barry, 2010, http] / «Я буду продолжать идти, пока Бог дает мне силы жить. Ты можешь меня не *увидеть*, но помни – твоя бабушка здесь».

Представленный пример содержит номинант чувственного восприятия “see”, выраженный эксплицитным образом. Согласно содержанию предложения, внучка в будущем не сможет увидеть бабушку при непосредственном контакте, однако она сможет её вспоминать.

В статьях Сары Лайл чаще всего употребляются зрительные сенсеммы, некоторые примеры которых представлены ниже:

Пример 1. “It is relatively unsplashy, as these things go — *not very long, not very elegantly written*, just 3,500 or so words of Medieval Latin crammed illegibly onto a single page of parchment” [Lyall, 2015, http] / Он относительно неприглядный, что характерно для таких документов – *не слишком объемный, не совсем аккуратно написанный*, всего 3500 или около того слов на средневековой латыни, неразборчиво втиснутых на одну пергаментную страницу.

Сенсема, маркирующая зрительное восприятие, содержит данные относительно впечатлений внешнего субъекта ситуации вследствие взаимодействия с объектом – документом. Так, ряд зрительных сенсем

указывает на положительную оценку почерка и сравнительно небольшой объем текста документа.

Пример 2. “But there was The Daily Mail back at it on Monday, explicitly pointing out that most of Prince Harry’s previous girlfriends had been *blonde*...” [Lyll, 2017, http] / Но в понедельник редакция “The Daily Mail” вернулась к этому, прямо указав, что большинство предыдущих девушек принца Гарри были *блондинками*...

Зрительная сенсема даёт знания о предпочтениях принца Гарри в выборе девушек с определённым цветом волос. Так как Меган Маркл – брюнетка, это указывает на неожиданность и контраст с предыдущими девушками принца, которые были блондинками.

Пример 3. “The Linklaters’ letter said the crate in which the hard copy of the e-mail was found “had a *sticker* on it which suggested the contents were originally held in Mr. Myler’s office.” [Lyll, 2012, http] / В письме Линклейтеров говорилось, что на ящике, в котором была найдена бумажная копия электронного письма, «прикреплена *наклейка*, указывающая на то, что содержимое изначально хранилось в офисе мистера Майлера».

Функциональное предназначение сенсемы в указанном примере ассоциируется с чувственным восприятием внутреннего субъекта ситуации, освещаемым Сарой Лайл. Стоит отметить, что номинант передаёт информацию имплицитно посредством упоминания объекта – наклейки.

2. Слуховые сенсемы.

Слуховые сенсемы в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера употреблены реже, при сопоставлении со зрительными. Так, в статьях журналиста-мужчины выявлено 16 слуховых сенсем, часть из которых далее представлена в примерах.

Пример 1. “It’s an unfair vision of Africa,” said President Macky Sall of Senegal, referring to Western news reports about the outbreak. “Ebola is not an African disease,” he said, *speaking in French*” [Landler, 2014, http] / «Это несправедливое восприятие Африки», – заявил президент Сенегала Маки Салл,

имея в виду сообщения западных новостей о вспышке. «Эбола – это не африканская болезнь, – *сказал он по-французски*.

В соответствии с приведённым примером, глава государства Сенегал поддерживал коммуникацию на французском языке, что указывает на способность реципиента отличать данный язык от других при прослушивании выступления. Соответственно, слуховая сенсема имплицитным образом передаёт впечатления журналиста-мужчины.

Пример 2. “This won't be *a quiet place* over the next six weeks,” Piper said, savoring *the last peaceful moments*” [Landler, 2006, http] / «В ближайшие шесть недель здесь и *места тихого* не будет», – сказала Пайпер, наслаждаясь *последними моментами спокойствия*.

Имплицитные слуховые сенсемы, выделенные в примере, дают знания о прогнозе относительно будущего слухового восприятия внутреннего субъекта ситуации. Более того, так как наступление шума предполагается в предстоящее время, журналистом-мужчиной передано слуховое восприятие тишины в ассоциации со спокойствием в настоящем как более приятное.

Зафиксированное количество слуховых сенсем в статьях Дэна Билефски, при сопоставлении с другим журналистом-мужчиной и журналистками-женщинами, указывает на то, что они употреблены гораздо реже. Проиллюстрируем некоторые из выявленных слуховых сенсем в публицистическом дискурсе Дэна Билефски.

Пример 1. “We will not do anything without the support of Washington, Brussels and NATO,” Mr. Thaci *said in by telephone* from central Kosovo” [Bilefsky, 2007, http] / Мы ничего не предпримем без поддержки Вашингтона, Брюсселя и НАТО” – сообщил г-н Тачи *в телефонном разговоре* из центра Косово.

Представленный пример характеризуется наличием слуховой сенсемы “said in by telephone”. Данная сенсема передаёт информацию о том, что решение внутреннего субъекта ситуации была отражена в устном разговоре по

телефону. Следовательно, данные были получены посредством работы слуховых анализаторов.

Пример 2. “Women are more diligent than men, and they don’t take long lunches or go to the bar,” insisted Mr. Borisov, who *has cited* his mother and Chancellor Angela Merkel of Germany as his role models” [Bilefsky, 2010, http] / Женщины более аккуратны, чем мужчины, они не тратят много времени на обед и не посещают бары» – упорно заявлял г-н Борисов, который *ссылался* на свою мать и канцлера Германии Ангелу Меркель как на образцы для подражания.

Анализируемый пример содержит слуховую сенсема “has cited”, которая указывает на то, что внутренний субъект ситуации в своей устной речи передал слова своей матери и канцлера Германии Ангелы Меркель в их оригинальной форме. Соответственно, мнение известного политического деятеля интерпретируется посредством декодирования информации, полученной вследствие слухового восприятия.

На втором месте по частотности различных типов сенсем, употреблённых в статьях Эллен Барри, являются слуховые сенсемы. В публицистическом дискурсе Эллен Барри выявлено 35 слуховых сенсем.

Далее представлены примеры данного типа маркеров чувственного восприятия в публицистическом дискурсе Эллен Барри.

Пример 1. “Stopping a group of teenage boys at a museum devoted to the 1971 war, I asked them which American leaders had played an important role in that conflict. Henry A. Kissinger? They looked at me with blank faces Edward M. Kennedy? Nothing. Richard M. Nixon? *Crickets*” [Barry, 2016, http] / Остановив группу подростков в музее, посвященном войне 1971 года, я спросил их, кто из американских лидеров сыграл важную роль в этом конфликте. Генри А. Киссинджер? Они смотрели на меня с лицами, полными непонимания. Эдвард М. Кеннеди? Никакой реакции. Ричард М. Никсон? Лишь *звук сверчков*.

Вышеприведённый пример значим с точки зрения использования слуховой сенсемы “crickets”. В соответствии с контекстом, слуховая сенсема

имплицитно передаёт информацию о слуховом восприятии информации. Это происходит посредством упоминания сверчков – насекомых, издающих звуки, которые в кинематографе часто используются для передачи тишины и спокойствия. В указанном контексте подразумевается отсутствие озвученных ответов на вопросы, которые задаёт внутренний субъект

Пример 2. “When I *hear your voice*, it feels like someone of my own,” he said” [Barry, 2017, [http](#)] / «Когда я *слышу твой голос*, я ощущаю, что он звучит как мой родной», – сказал он.

Слуховая сенсема “hear your voice” употреблена для обращения внимания на восприятие голоса внутреннего субъекта ситуации. Помимо этого, в представленном примере указанная сенсема подчеркивает ощущение близости и симпатии между собеседниками.

В публицистическом дискурсе Сары Лайл также выявлены слуховые сенсемы, которые передают параметры слухового восприятия действительности. Далее представлены примеры слуховых сенсем в статьях Сары Лайл.

Пример 1. “Witnesses for the prosecution *described in graphic detail* how Ms. Steenkamp was struck by four bullets in the bathroom, her arms crossed over her head in a futile effort to protect herself” [Lyall, 2014, [http](#)] / Свидетели обвинения *подробно описали*, как в ванной комнате г-жа Стинкамп была ранена четырьмя пулями, когда она скрестила руки над головой в тщетной попытке защитить себя.

Представленный пример характеризуется наличием слуховой сенсемы, передающей информацию имплицитно. Детальное рассмотрение события обычно характерно для прослушивания в зале суда. Следовательно, детали убийства стали известны всем присутствующим вследствие их произнесения свидетелями обвинения.

Пример 2. “The court *has heard* from a former girlfriend who said that she, too, had been a target of Mr. Pistorius’s jealous rages and that they broke up after he cheated on her with Ms. Steenkamp” [Lyall, 2014, [http](#)] / Суд *заслушал* рассказ

бывшей девушки подсудимого, которая заявила, что она также была объектом ревности и ярости г-на Писториуса и что они расстались после того, как он изменил ей с г-жой Стенкамп.

Ещё одним примером слуховой сенсемы является пример, похожий по своему содержательному аспекту с ранее упомянутым. При этом сопоставление данного примера с предыдущим показывает, что слуховая сенсема “has heard” передаёт информацию эксплицитно. Версия бывшей девушки убийцы была воспринята посредством органов слуха.

Пример 3. “Meanwhile, the conservative columnist Melanie McDonagh *groused* in The Spectator about Ms. Markle’s left-leaning political views and unsuitability, as a divorcée, to be married in the Church of England” [Lyll, 2017, http] / Тем временем, консервативный обозреватель Мелани МакДонах *жаловалась* в интервью “The Spectator” на левые политические взгляды г-жи Маркл и ее непригодность, вследствие развода, для брака в англиканской церкви.

Слуховая сенсема “groused” в указанном примере указывает на передачу данных одновременно с оценкой журналистом-женщиной интонационных параметров сообщения.

Поскольку формат интервью предполагает предоставление устных ответов на вопросы, выявленный маркер – слуховая сенсема.

3. Осязательные сенсемы.

Как в статьях Дэна Билефски, так и в статьях Марка Лэндлера, использовано всего по 2 осязательные сенсемы.

Пример 1. “While Schardt was not suffering from a life-threatening disease, or *in acute pain*, her life was hardly pleasant, Kusch said” [Landler, 2008, http] / По словам Куша, хотя Шардт не страдала опасным для жизни заболеванием и *не ощущала острой боли*, ее жизнь едва ли можно назвать приятной.

Пример, представленный выше, характеризуется наличием осязательной сенсемы. Данный маркер невербального кода коммуникации даёт знания о

состоянии организма внутреннего субъекта ситуации, а именно его чувствительности к болевым ощущениям.

Пример 1.” Its notable innovation – the conversion to *a more compact format*, in 2003 – was emulated by broadsheets across the world, including The Times of London, seeking to look more nimble and *less unwieldy*” [Bilefsky, 2016, http] / Примечательное нововведение газеты в 2003 году – переход к *более компактному формату* – было подхвачено газетами по всему миру, включая “The Times of London”, стремящимися создать впечатление более гибких и *менее громоздких изданий*.

Представленные осязательные сенсемы имплицитно передают информацию относительно впечатлений в процессе прикосновения к газете в новом формате. Газета оценивается как более удобная, поскольку является менее громоздкой и более компактной.

Рассмотрим пример использования осязательной сенсемы в дискурсе журналиста-женщины Сары Лайл.

Пример 1. “The case has wrecked the career of Mr. Pistorius, whose legs were amputated below the knee and who earned his admiring Blade Runner nickname because of the *flexible*, sickle-shaped carbon-fiber prosthetic legs on which he runs” [Lyll, 2014, http] / Это дело разрушило карьеру г-на Писториуса, ноги которого были ампутированы ниже колена, и его стали уважительно называть «бегущим по лезвию» из-за быстрого перемещения на *гибких* серповидных протезах ног из углеродного волокна.

Осязательная сенсема “flexible” имплицитно передаёт информацию относительно ощущений от рецепторов, которые расположены в мышцах. Поскольку протез способен с лёгкостью повторять движения ноги, указанная сенсема подчёркивает комфорт при использовании данного приспособления.

Таким образом, в соответствии с представленными данными, наиболее частотным типом сенсем в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл стали зрительные сенсемы, которые передают информацию вследствие восприятия действительности органами

зрения. На втором месте по частотности стали слуховые сенсемы. На третьем месте по частотности стали осязательные сенсемы, отсутствие которых зафиксировано в публицистическом дискурсе Эллен Барри. Примеры вкусового и обонятельного типов сенсем в дискурсе журналистов-мужчин и журналистов-женщин не выявлены.

Не менее значимым является рассмотрение кинем в публицистическом дискурсе «The New York Times» в тесной связи с гендерной составляющей.

2.3.2. Кинемы как среднечастотные маркеры в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл

Кинемы представляют собой «маркеры невербального кода, репрезентирующие жесты и телодвижения» [Огнева, 2010, с. 116].

Исходя из семантики кинем как маркеров невербального кода, они выполняют функцию номинации жестов и телодвижений, описываемых в дискурсивной публицистической модели действующих лиц новостной информации.

В общем количестве выявленных маркеров невербального кода в статьях Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл, опубликованных в газете «The New York Times» за анализируемый период, кинемы предстают в качестве среднечастотных маркеров, уступая по частотности проксемам и хронемам.

Кинемы среднечастотны наряду с вышерассмотренными сенсемами, однако, в работе они представлены после сенсем, поскольку сенсемы рассмотрены в рамках типологии, состоящей из пяти типов, в то время как кинемы в работе не типологизированы.

Примечательно, что в публицистическом дискурсе журналистов-женщин кинемы встречаются чаще, тогда как в мужском публицистическом дискурсе – гораздо реже.

Соответствующие результаты отражены в таблице 18.

Таблица 18 – Количественные показатели кинем в статьях журналистов-мужчин и журналистов-женщин

Тип маркеров	Марк Лэндлер	Дэн Билефски	Эллен Барри	Сара Лайл
Кинемы	20	28	82	52

Полученные результаты частотности кинем отражены на рисунке 19.

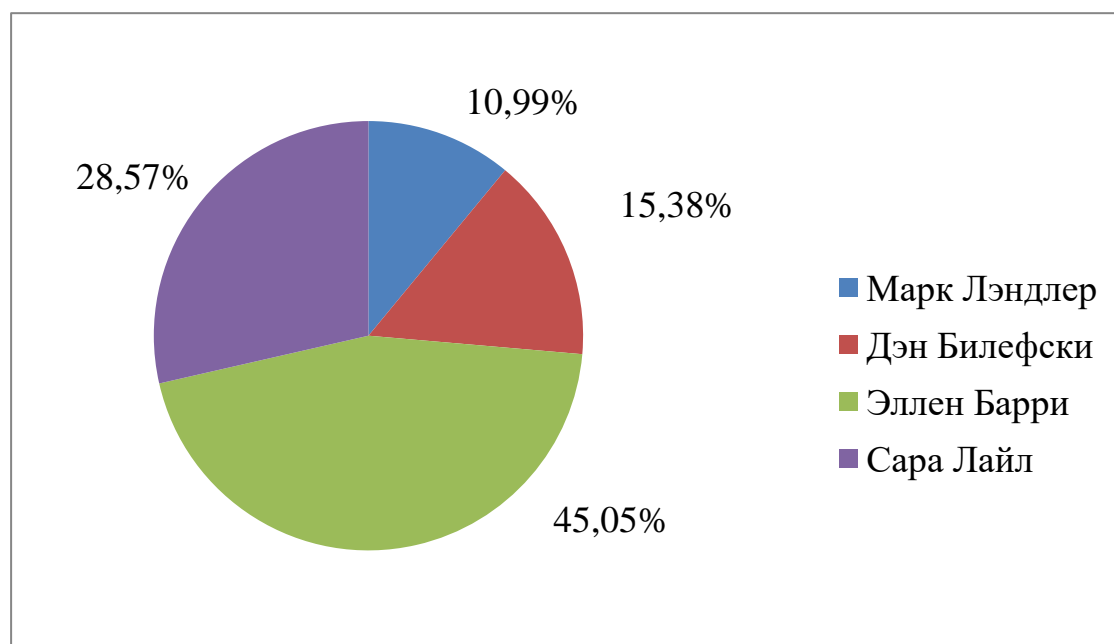

Рисунок 19 – Частотность кинем в статьях Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл

Рассмотрение использования кинем в публицистическом дискурсе журналистов-мужчин и журналистов-женщин показало следующие закономерности.

Наименьшее количество кинем выявлено в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера. Стоит обратить внимание на пример кинемы в статье журналиста-мужчины.

Пример 1. “But on Monday, Mr. Obama appeared determined to hug, kiss, shake hands or *raise a glass* with every last one of them” [Landler, 2011, http] / Однако сложилось впечатление, что в понедельник г-н Обама был готов обнять, поцеловать, обменяться рукопожатием или *поднять бокал* с каждым из них.

Такой жест, как поднятие бокала с другими людьми обозначает наличие личных отношений между ними, желание провести вместе время. Соответственно, использование данной кинемы указывает на благосклонность президента по отношению к ирландцам.

Дэн Билефски реже журналистов-женщин использует кинемы.

Пример 1. “*Hunched over* his computer – in Kovin, about 25 miles from Belgrade, Mr. Mircov showed a reporter his kidney-for-sale advertisement, which included his blood type and phone number” [Bilefsky, 2012, http] / Г-н Мирцов, *сгорбившись* над своим компьютером в Ковине, расположенного примерно в 25 милях от Белграда, показал корреспонденту свое объявление о продаже почек с указанием группы крови и номера телефона.

Дэн Билефски описывает положение тела г-на Мирцова. Его поза может передавать дополнительную информацию об усталости.

Пример 1. “When a journalist asked whether she believed the election had thrust the country deeper into political instability, the prime minister *peered at him through her spectacles*, saying: “What do you want, that I should *start crying*, ‘Oh, crisis, we have a crisis!’” [Barry, 2014] / Когда журналист спросил, считает ли она, что выборы привели страну к еще большей политической нестабильности, премьер-министр *пристально посмотрела на него сквозь очки* и сказала: «Вы хотите, чтобы я *начала вопить*: «Ах, наступил кризис, мы переживаем кризис?!»»

Эллен Барри использует несколько кинем. Обратим внимание на первую кинему в рассматриваемом фрагменте – “peered at him through her spectacles”, анализ которой целесообразно проводить с учетом употребления и второй кинемы – “start crying”. Премьер-министр мимически выражала полную сосредоточенность и готовность активно эмоционально включаться в акт коммуникации с журналистом. Впоследствии, она обратилась к нему с описанием предполагаемой ситуации, в которой ее могла охватить паника из-за ухудшения экономического состояния в стране. Это передает ее негодование относительно потенциально ожидаемой журналистами реакции в такой непростой ситуации. Между тем, отсутствие описываемого ею эмоционального негативного отклика с воплем может служить благоприятным фоном для ее имиджа как политика.

Также, выявлен отрывок статьи “Nepal’s Young Men, Lost to Migration, Then a Quake” с концентрацией нескольких кинем, позволяющих воссоздать картину погребального костра в районе Гонгабу (Непал). Ввиду серьезных экономических проблем многие мужчины покидали родную страну для работы за границей, несмотря на риск смерти. В то же время, землетрясение в Непале разрушило многие дома и оставшимся женщинам, детям и пожилым людям приходилось хоронить погибших родственников.

Рассмотрим выбранный отрывок статьи:

Пример 2. “Three men *hoisted Mr. Chapagain’s body* on a plastic sheet and *deposited it* on the pyre. One *took a handful of water* from the Ganges River and *dripped it* into the mouth, and then *drizzled his body with clarified butter* to speed the burning. Then they *stacked the body with logs* until *only one hand could be seen dangling down, its fingers curled*” [Barry, 2015, http] / Трое мужчин *уложили тело г-на Чапагейна* на полиэтиленовую пленку и *бросили* его на костер. Один из мужчин *зачерпнул ладонью горсть воды* из реки Ганг и *закапал ее в рот*, затем он *побрызгал на тело г-на Чапагейна* топленым маслом, чтобы ускорить процесс горения. Позже мужчины *уложили тело*

бровнами, пока не осталась *видна свисающая вниз рука со скрюченными пальцами*.

Исходя из данного примера, нам удалось зафиксировать преобладание кинем как маркеров невербальной коммуникации, описывающих последовательность действий в сцене сжигания тела погибшего мигранта.

Пример 3. “Last month, Ms. Chizhova was still adjusting to her victory, *raising her eyebrows* when a stranger called to invite her to join his literary circle” [Barry, 2010, http] / В прошлом месяце г-жа Чижова все еще привыкала к статусу победительницы, поэтому *её брови приподнялись*, когда раздался звонок от незнакомца, пригласившего ее присоединиться к его литературному кружку.

Кинема, отражающая мимическое выражение писательницы, является индикатором выражения ее эмоционального состояния. Приподнятые брови в обозначенном контексте указывают на переживание эмоции удивления.

Далее проанализированы примеры кинем в публицистическом дискурсе Сары Лайл.

Пример 1. “That means, basically, no getting drunk and *goose-stepping* in a would-be humorous manner” [Lyall, 2006, http] / В сущности, это означает, что нельзя злоупотреблять алкоголем и пародировать *строевой шаг*.

В представленном выше примере использованная кинема отражает особенности походки, нежелательной для пародирования.

Пример 2. “Employing *accompanying hand gestures*, they also perform a song called “Ten German Bombers,” the upshot of which is that all the airmen are shot down” [Lyall, 2006, http] / Вдобавок ко всему они *жестикулируют* и также исполняют песню под названием «Десять немецких бомбардировщиков», в конце которой поётся о том, что все летчики сбиты.

В вышеприведенном примере используется кинема “accompanying hand gestures”. Указанная единица невербального кода коммуникации описывает движения рук внутренних субъектов. Жестикуляция сопровождается пением,

что дает знание о восприятии информации путем органа слуха, соответствующему содержанию слуховой сенсемы.

Несмотря на сравнительно невысокую частотность употребления кинем, с наименьшей частотой в публицистическом дискурсе выбранных журналистов-мужчин и журналистов-женщин употребляются такемы. Такемы как маркеры невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе отражают параметры тактильного контакта между коммуникантами.

2.4. Такемы как низкочастотные маркеры невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл

Среди маркеров невербального кода наименее употребительными в рассматриваемых статьях журналистов являются такемы. Такемы передают специфику «невербального общения людей с помощью прикосновений» [Сысоева, 2018, с. 213].

Такема – это маркер невербального кода коммуникации, предполагающий описание наличия тактильного контакта в форме касания тела собеседника, поэтому такемы выполняют функцию номинации в модели публицистического дискурса информационных данных о касаниях, описываемых в дискурсе действующих лиц.

Как показывает анализ статей Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл в популярной американской газете такемы являются низкочастотными маркерами. Зафиксированы немногочисленные случаи употребления такем как маркеров невербального кода в американской газете «The New York Times» на материале публицистического дискурса выбранных журналистов-мужчин и журналистов-женщин.

Количественные данные такем в статьях журналистов представлены в таблице 19 и на рисунке 20.

Таблица 19 – Количественные показатели такем в статьях Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл

Тип маркеров	Марк Лэндлер	Дэн Билефски	Эллен Барри	Сара Лайл
Такемы	3	1	2	1

Полученные результаты отражены на следующей диаграмме.

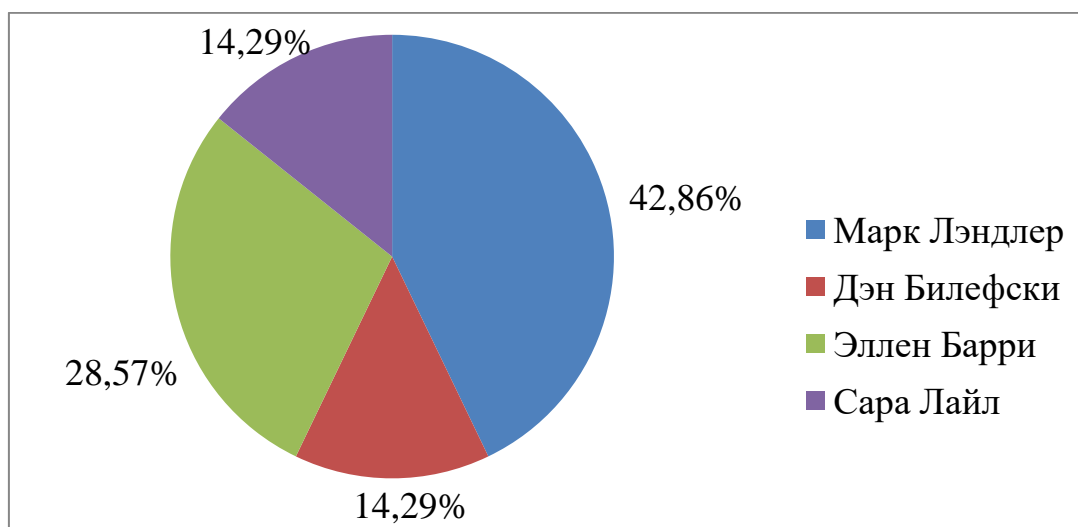

Рисунок 20 – Частотность такем в статьях Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл

Перейдем к рассмотрению примеров такем в статьях журналистов.

В публицистическом дискурсе Марка Лэндлера зафиксировано наибольшее количество такем среди анализируемых журналистов – 3 номинанта.

Рассмотрим соответствующие примеры.

Пример 1. “Normally, the leaders *exchange handshakes* and pleasantries pretend not to hear troublesome questions and dismiss the news media pack as soon

as they can without looking impolite” [Landler, 2017, http] / Обычно лидеры стран **обмениваются рукопожатиями** и любезностями, делая вид, что не слышат неприятных вопросов, и отмахиваются от журналистов, как только могут, не выглядя при этом невежливыми.

Указанный пример подразумевает наличие тактильного контакта между лидерами стран во время рукопожатия. Касания рук при рукопожатии обозначают приветствие или соглашение при заключении важной для руководства сделки.

Пример 2. “German and Polish soccer fans **brawled** in a forest near Berlin last autumn” [Landler, 2006, http] / Немецкие и польские футбольные болельщики **подрались** прошлой осенью в лесу под Берлином.

Вышеприведенный пример содержит такому “brawled”. Данный маркер невербального кода коммуникации подразумевает грубое хватание и удары, наносимые телу болельщиков разных команд.

Рассмотрим пример такемы в дискурсе Дэна Билефски.

Пример 1. “... Kevin Carmichael, a senior fellow at the Center for International Governance Innovation, called its behavior the equivalent of “the schoolyard tough **smearing a Cheez Whiz sandwich on the face** of an innocent” [Bilefsky, 2018, http] / ...Кевин Кармайкл, старший научный сотрудник Центра инноваций в области международного управления, сравнил его поведение с «хулиганом со школьного двора, **измазывающего сэндвичем Cheez Whiz** лицо своей жертвы».

Такема “smearing” предполагает контакт тел коммуникантов во время коммуникации. Так, Кевин Кармайкл метафорически описывает поведение Дональда Трампа путем привлечения образа хулигана, который грубым образом контактирует с телом жертвы, а именно измазывает лицо сэндвичем.

Статья “In Sweden’s Preschools, Boys Learn to Dance and Girls Learn to Yell” Элен Барри содержит такому, представляющую привычное поведение детей:

Пример 1. “If another child *took her toys*, she would whimper” [Barry, 2018, http] / Если бы другой ребенок *отнял ее игрушки*, она бы завизжала.

Представленный пример содержит имплицитную такую “child took her toys”, которая подразумевает касание одним ребенком, пытающимся забрать игрушку, тела другого ребенка. Так, с этой целью ребенок может толкаться, хватать за руки и т.п.

Как у Дэна Билефски, так и у Сары Лайл выявлена только одна такая. Рассмотрим пример такой в статье Сары Лайл.

Пример 1. “Mr. Pistorius apologized but added, “I was upset that you just left me after we got food to go talk to a guy and I was standing right behind you watching you *touch his arm* and ignore me.” [Lyall, 2014, http] / Г-н Писториус извинился, но добавил: «Я был расстроен, что после покупки продуктов ты просто оставила меня одного, чтобы поговорить с парнем, а я стоял прямо позади вас, наблюдая, как ты *касаешься его руки* и игнорируешь меня».

Анализируемый пример содержит такую, которая подтверждает наличие тактильного контакта. В описываемом фрагменте тактильный контакт устанавливается посредством прикосновения к руке.

Маркеры невербального кода коммуникации, включая такие, в публицистическом дискурсе «The New York Times» часто функционируют в комбинации, что актуализирует исследование данного факта.

2.5. Сопряжение различных типов маркеров невербального кода в статьях Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл

При анализе публицистического дискурса журналистов-мужчин и журналистов-женщин в газете «The New York Times» зафиксировано сопряжение различных маркеров невербального кода, проксем, хронем, сенсем, кинем и такем, в пределах одного контекста. Наиболее частотное сопряжение

маркеров выявлено в статьях журналиста-мужчины Марка Лэндлера, опубликованных в популярной газете «The New York Times».

Далее представлены примеры из статей Марка Лэндлера.

Пример 1. “*Sixty-two years after* the victorious Allied leaders convened in this stately *Prussian town* to create *the post-World War II world*, 15 Nobel Prize laureates assembled *here this week* for another momentous task: saving the world from global warming” [Landler, 2007, http] / *Шестьдесят два года спустя после* того, как победоносные лидеры союзников встретились в этом величественном *прусском городе*, чтобы создать мир после окончания *Второй мировой войны*, *на этой неделе* 15 лауреатов Нобелевской премии собрались *здесь* для выполнения еще одной важной задачи: спасения мира от глобального потепления.

В указанном примере выявлены следующие хронемы как маркеры невербального кода коммуникации:

- хронемы “Sixty-two years after”, “the post-World War II world”, “this week”, которые отражают линейность освещаемых событий;
- проксемы “Prussian town” и “here”, освещающие географические характеристики встречи союзников.

Пример 2. “Except for the red emergency light mounted *on the ceiling*, there is little here to suggest the urgent matters that the 120 people in *this national security center* may face *when the World Cup* soccer tournament kicks off *in Germany next month*” [Landler, 2006, http] / За исключением красной аварийной лампочки *на потолке*, мало что указывает на серьезные трудности, с которыми могут столкнуться 120 человек в *этом центре национальной безопасности*, когда *в следующем месяце в Германии* начнется чемпионат мира по футболу.

В примере упомянуты следующие маркеры невербального кода:

- проксемы “on the ceiling”, “this national security center”, “the World Cup”, “in Germany”, указывающие на месторасположение объекта (аварийной лампочки) на поверхности и место подготовки чемпионата мира по футболу.

– хронемы “when”, “next month”, уточняющие временные параметры проведения чемпионата.

Пример 3. “He *held my hand*, he *drew me close* and he *kissed me on the cheek*,” said an ecstatic Anne Maher, *50*, who was wearing a red cap with the words “Obama Moneygall 2011” on it» [Landler, 2011, http] / «Он *взял меня за руку, приблизил к себе и поцеловал в щеку*», – сообщила восторженная *50-летняя* Энн Махер, на которой была одета красная кепка с надписью “Obama *Moneygall 2011*”.

В данном примере имеются следующие интересующие маркеры невербального кода коммуникации:

– кинемы “held my hand” “drew me close”, “kissed me on the cheek”, которые описывают последовательность действий Б. Обамы по отношению к внутреннему субъекту описания;

– хронемы “50”, “2011”, фиксирующие возраст респондентки и год посещения 44-президента США Монигалл.

– проксема “Moneygall”, обозначающая деревню, в которой побывал экс-президент США с женой.

Далее иллюстрируется пример сопряжения маркеров невербального кода в публицистическом дискурсе Дэна Билефски:

Пример 1. “Prime Minister Boiko M. Borisov of *Bulgaria*, a *thick-necked* former karate instructor, bodyguard and onetime fireman, may *seem an unlikely feminist*” [Bilefsky, 2010, http] / Премьер-министр *Болгарии* Бойко М. Борисов, толстошей экс-инструктор по карате, телохранитель и пожарный, может показаться *маловероятным защитником прав женщин*.

В начале статьи “Women’s Influence Grows in Bulgarian Public Life” Дэн Билефски описывает внешний вид, а также различные виды деятельности внутреннего субъекта ситуации – премьер-министра Болгарии. При этом внешним субъектом, журналистом-мужчиной, выражается сомнение в соответствии его имиджа стереотипному представлению о защитнике прав

женщин. В представленном примере выявлены следующие маркеры невербального кода коммуникации:

- проксема “Bulgaria”, отражающая территориальные границы распространения власти премьер-министра;
- эксплицитная сенсема “ a thick-necked”, подчеркивающая форму тела премьер-министра и служащая указателем на относительную полноту, а также имплицитная сенсема “may seem an unlikely feminist”, маркирующая оценку впечатления внешнего субъекта при сопоставлении визуального имиджа центральной фигуры ситуации с типизированными защитниками прав женщин.

В публицистическом дискурсе Дэна Билефски некоторые предложения включают большее количество различных по своей качественной характеристике номинантов. Следующий пример является иллюстрацией указанной закономерности:

Пример 2. “*When Laima Muktupavela left more than three years ago, she moved into a dusty three-room house near Dublin with 11 other Latvians and picked mushrooms from 6 a.m. to sundown*” [Bilefsky, 2005, http] / *Когда Лайма Муктупавела переехала более трех лет назад, она поселилась в пыльном трехкомнатном доме под Дублином с еще 11 латышами и занималась сбором грибов с 6 утра до заката.*

Среды маркеров невербального кода коммуникации выявлены следующие:

- проксемы “left”, “ moved into”, “three-room house”, “near Dublin”, описывающие перемещение внутреннего субъекта ситуации и его размещение неподалеку от конкретной местности – Дублина;
- кинема “picked mushrooms”, служащая описанию последовательных действий иммигрантки;
- хронемы “when”, “three years ago” “from 6 a.m. to sundown”, маркирующие временные параметры переезда внутреннего субъекта в другую местность и график работы.
- сенсема “a dusty”, указывающая на условия проживания иммигрантки.

Между анализируемыми маркерами наблюдаются тесные смысловые связи, сопутствующие передачи оценки излагаемой информации. Так, употребление когнитивного комплекса кинемы и далее хронемы “*picked mushrooms (кинема) from 6 a.m. to sundown (хронема)*” указывает на пролонгированный характер выполнения однотипных движений во время работы и, тем самым, подчеркивает тяжелые условия труда иммигрантки из Латвии. Следовательно, при использовании кинемы без дальнейшего употребления хронемы в исследуемом фрагменте дискурса передавало бы иную информацию, лишенную большей экспрессивности, при которой журналист использует совокупность «выразительных средств, что делает текст интересным для адресата, придает сообщению эстетическую значимость» [Чудинов, 2012, с. 58].

Пример 3. “On the *wedding night*, she learned her husband was *65 years old*. “I didn't know if my husband was *young* or *old*, handsome or ugly,” she said, *shaking and wiping her eyes* with her veil” [Bilefsky, 2006, http] / В брачную ночь она узнала, что ее мужу *65 лет*. «Я не знала, *молод* ли мой супруг или *стар*, красив или уродлив», – сказала она, *вздрагивая и вытирая* глаза чадрой.

В указанном примере выявлены следующие маркеры невербальной коммуникации:

- хронемы “*wedding night*” и “*65 years old*”, отражающие время встречи внутреннего субъекта ситуации с супругом и его возраст;
- сенсема “*young or old*”, подразумевающие зрительное восприятие внешности человека;
- кинемы “*shaking*” и “*wiping her eyes*”, предоставляющие сведения об эмоциональном состоянии и действии внутреннего субъекта ситуации, а именно грусти и плаче.

Дэн Билефски в статье “Polygamy Fosters Culture Clashes (and Regrets) in Turkey” употребил двудерную кинему “*shaking and wiping*”, которая свидетельствует о переживании жертвой насилия, Сонгуль Фиктан, негативных эмоций. Она не может их сдерживать, поэтому ее тело охвачено дрожью, и она

вытирает слезы. Анализируемые кинемы таким образом отображают глубину эмоциональной реакции женщины на травмирующие события, которые происходят в условиях полигамного общества.

Далее проиллюстрированы примеры сопряжения маркеров невербальной коммуникации в публицистическом дискурсе Эллен Барри.

Пример 1. “Ms. Chizhova tells the story of three elderly women raising a small girl *in a communal apartment in the early 1960s, where* the ordinary business of dishes and laundry is interrupted by memories of purges and *famine*” [Barry, 2010, http] / Г-жа Чижова рассказывает историю о трех пожилых женщинах, воспитывающих маленькую девочку *в коммунальной квартире в начале 1960-х, где* такие повседневные дела, как мытье посуды и стирка, прерываются воспоминаниями о чистках и *голоде*.

В указанном примере выявлены следующие маркеры невербальной коммуникации:

- проксемы “in a communal apartment”, “where”, которые дают знания о месте проживания писательницы;
- хронема “in the early 1960s”, представляющая временной параметр воспоминаний о детстве;
- сенсема “famine”, которая указывает на телесное ощущение недостатка пищи.

Пример 2. “His comments *sounded* especially jarring *in Moscow*, whose women soldier through *arctic winters* in stiletto heels and cocktail dresses” [Barry, 2011, http] / *В Москве*, где женщины несут службу во время *арктических зим* в туфлях на шпильках и в коктейльных платьях, его комментарии *звучали* особенно резко.

Данный пример содержит следующие маркеры невербальной коммуникации:

- проксемы “in Moscow”, “arctic winters”, указывающие на столицу упоминаемой страны и на климатические условия, схожие с арктическими;
- сенсема “sounded”, которая отмечает передачу информации путем ее озвучивания адресантом.

Пример 3. “*Until*, that is, *a recent morning, when* the girl *had put a hat on* and carefully *arranged bags around herself*, preparing *to set off on an imaginary expedition*” [Barry, 2018, http] / Это длилось *до этого момента*, а именно *до сегодняшнего утра, когда* девочка *надела шляпу и тщательно расставила вокруг себя сумки*, готовясь *отправиться в воображаемую экспедицию*.

– хронемы “until” и “a recent morning, when”, указывающие на временной фактор происходящего с точки зрения внутреннего субъекта ситуации;

– кинемы “had put a hat on”, “arranged bags around herself”, сообщающие о телодвижениях и жестах девочки;

– проксеммы “to set off”, “expedition”, которые уведомляют о воображаемом перемещении внутреннего субъекта, а именно девочки, в пространстве.

В последнюю очередь представлены примеры сопряжения маркеров невербальной коммуникации в публицистическом дискурсе Сары Лайл.

Среди них выделяются следующие:

Пример 1. “It is also *the place where in 2004*, Richard Desmond, owner of the Express Newspaper group, greeted a group of executives from the Telegraph Group, then facing a possible takeover by *a German company*, by *saying “guten morgän” in a fake German accent*” [Lyall, 2006, http] / Это также место, *где в 2004 году* Ричард Десмонд, владелец группы “Express Newspaper”, приветствовал группу руководителей “Telegraph Group”, в то время столкнувшейся с возможным *поглощением немецкой компанией, произнеся “guten morgän” на фальшивым немецким акцентом*.

– проксеммы “the place where”, “a German company”, которые уточняют пространственные параметры проведения встречи владельцев компаний;

– хронема “in 2004”, конкретизирующая год проведения переговоров;

– сенсема “saying “guten morgän” in a fake German accent” – сенсема, которая сообщает о неправильном произношении приветствия на немецком языке.

Пример 2. “People are *not walking through London openly sobbing, depositing vast seas of flowers at the royal palaces* or calling for Queen Elizabeth to show her humanity by, say, *collapsing with grief in public*. Life is going on much the way it did *before*” [Lyll, 2007, http] / Люди *не расхаживают по Лондону, открыто рыдая, осыпая королевские дворцы морем цветов* или призывая королеву Елизавету проявить свою человечность, скажем, *рухнув (в обморок) от горя на публике*. Жизнь идет так же, как и *раньше*.

Вышеприведённый пример включает следующие номинанты:

- кинемы “not...openly sobbing”, “depositing vast seas of flowers” “collapsing”, предоставляющие сведения о действиях британцев;
- проксеммы “walking through London”, “at the royal palaces”, отражающие место наблюдаемой реакции публики;
- хронемы “life”, “before”, раскрывающие темпоральность в связи с описываемыми событиями.

Пример 3. “For Craig, my husband, allowing *the cameras to film his last moments in Zurich* was about facing the end honestly,” she wrote in The Independent, *a British newspaper*” [Lyll, 2008, http] / «Для Крейга, моего мужа, позволить *камерам запечатлеть его последние минуты в Цюрихе* означало с честью встретить кончину», – заявила она респондентам *британской газеты* “The Independent”.

Указанный пример иллюстрирует сопряжение следующих номинантов:

- проксеммы “in Zurich”, “a British newspaper”, сообщающие о месте проведения медицинской процедуры и территориальной принадлежности известной газеты;
- хронемы “last moments”, “the end”, которые указывают на ограниченность времени для внутреннего субъекта ситуации;
- сенсема “the cameras to film”, отражающая возможность получить информацию внешним субъектом визуально.

В результате исследования публицистического дискурса журналистов-мужчин и журналистов-женщин выявлено, что каждый из выбранных

специалистов часто употребляет несколько номинантов в пределах одного предложения, что способствует более подробной и содержательно насыщенной передаче информации.

2.6. Гендерная обусловленность функционирования маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл

Седьмой этап применения алгоритма интерпретации гендерной обусловленности функционирования маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе, нацеленный на определение степени взаимосвязи типов маркеров невербального кода с гендером авторов проанализированных статей за период с 01.01.2005 по 31.12.2018, показал следующие результаты.

Квантитативный анализ информантов дискурсивного информативного кода, проксем, хронем, сенсем, кинем и такем, как маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл позволил выявить следующие тенденции гендерной обусловленности употребления маркеров в архитектонике публицистического дискурса.

Проксеммы как информанты дискурсивного информативного кода более частотно представлены в статьях Марка Лэндлера и Дэна Билефски, чем в статьях Эллен Барри и Сары Лайл.

Хронемы как информанты дискурсивного информативного кода чаще употребляются в статьях журналистов-женщин Эллен Барри и Сары Лайл, чем в статьях журналистов-мужчин Марка Лэндлера, Дэна Билефски. При этом частотность употребления хронем не соотносится с объемом опубликованных статей.

Исследование показателей структурной организации хронем определило, что наиболее частотными хронемами в рассмотренных статьях публицистического дискурса газеты «The New York Times» стали 1-ядерные хронемы. Среди 1-ядерных, 2-ядерных, 3-ядерных хронем именно 1-ядерные превалируют в статьях Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл.

Исследование качественных показателей содержания хронем выявило, что среди линейных, циклических и линейных хронем в рассматриваемом публицистическом дискурсе существуют следующие тенденции употребления:

– линейные хронемы с большей частотностью представлены в статьях Марка Лэндлера и Дэна Билефски;

– линейные хронемы с большей частотностью представлены в статьях Эллен Барри и Сары Лайл;

– циклические хронемы с большей частотностью представлены в статьях Марка Лэндлера и Сары Лайл.

Следовательно, проведенное исследование доказало, что качественные показатели содержания хронем, в отличие от показателей структурной организации, являются преимущественно гендерно обусловленными.

Сенсеммы как информанты дискурсивного информативного кода, в отличие от проксем, с большей частотностью представлены в статьях Эллен Барри и Сары Лайл, чем в статьях Марка Лэндлера и Дэна Билефски.

Кинемы в качестве информантов дискурсивного информативного кода, как и сенсеммы, с большей частотностью представлены в статьях Эллен Барри и Сары Лайл, чем в статьях Марка Лэндлера и Дэна Билефски.

Такемы в качестве информантов дискурсивного информативного кода, как и проксеммы, с большей частотностью представлены в статьях Марка Лэндлера и Эллен Барри, чем в статьях Дэна Билефски и Сары Лайл.

Выявленная гендерная обусловленность функционирования маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе газеты «The New York Times» доказывает выдвинутую в исследовании гипотезу.

В связи с тем, что в современной лингвистике существует типология сенсем, состоящая из пяти типов: зрительные сенсемы, обонятельные сенсемы, осязательные сенсемы, звуковые сенсемы и вкусовые сенсемы, в проводимом исследовании было проанализировано наличие взаимосвязи типа сенсем с гендером автора статьи.

Установлено, что из пяти типов сенсем вкусовые и обонятельные сенсемы в рассмотренных статьях газеты «The New York Times», в разделе “World”, отсутствуют. В результате исследования трёх иных типов сенсем как маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл было выявлено следующее:

– зрительные сенсемы с большей частотностью представлены в дискурсе журналистов-женщин Эллен Барри и Сары Лайл, чем в статьях журналистов-мужчин Марка Лэндлера и Дэна Билефски;

– слуховые сенсемы с большей частотностью также представлены в дискурсе журналистов-женщин Эллен Барри и Сары Лайл, чем в статьях журналистов-мужчин Марка Лэндлера и Дэна Билефски;

– осязательные сенсемы с большей частотностью представлены только в дискурсе одной из журналистов-женщин, в дискурсе Сары Лайл.

Таким образом, результаты исследования наглядно демонстрируют тенденции гендерной обусловленности функционирования маркеров невербальной коммуникации в архитектонике публицистического дискурса газеты «The New York Times», которые определяют параметры полученной в ходе исследования интерпретативной сравнительно-сопоставительной модели как совокупности четырех авторских журналистских моделей Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл, входящих в гендерную составляющую публицистического дискурса, предстающего в качестве гендерно маркированного сегмента дискурсивного информативного кода в трёхуровневой модели публицистического дискурса.

Выводы по главе 2

Рассмотрение модели публицистического дискурса в качестве трёхуровневого исследовательского конструкта посредством применения авторского семиэтапного алгоритма интерпретации гендерной обусловленности функционирования маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе позволило выявить следующие закономерности реализации гендерной обусловленности маркеров в статьях Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл, опубликованных в разделе “World” за период с 2005 года по 2018 год, в старейшей и популярнейшей газете США «The New York Times».

Во-первых, исходя из информации на сайте газеты, были гендерно идентифицированы два журналиста-мужчины Марк Лэндлер и Дэн Билефски, и два журналиста-женщины Эллен Барри и Сара Лайл, которые высокочастотно публиковались в период с 2005 года по 2018 год в разделе “World” со следующей результативностью:

- Марк Лэндлер (1730 статей);
- Дэн Билефски (1554 статьи);
- Эллен Барри (1474 статьи);
- Сара Лайл (987 статей).

Во-вторых, проведенный лингвистический анализ статей Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл, отобранных методом случайной выборки, выявил маркеры невербального кода, проксемы, хронемы, сенсемы, кинемы, такемы, которые представляют собой текстовые номинации компонентов невербального кода коммуникации. Маркеры рассмотрены в качестве информантов дискурсивного информативного кода публицистической модели, интерпретируемого в качестве совокупной проекции различных социокультурных трансформаций в виде единства лексико-грамматических и синтаксических конструкций, отражающих объекты, субъекты и процессы

реального мира, описанных в публицистическом дискурсе. Выявление в статьях газеты «The New York Times» различных типов маркеров невербального кода позволило создать основу для дальнейшей детальной интерпретации материала в соответствии с целями и задачами исследования.

В-третьих, осуществление количественного анализа выявленных маркеров невербального кода в статьях Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл, опубликованных в разделе “World”, показало следующую частотность маркеров:

– в статьях Марка Лэндлера выявлено 690 проксем, в статьях Дэна Билефски 672 проксема, в статьях Эллен Барри 570 проксем, в статьях Сары Лайл 447 проксем;

– в статьях Марка Лэндлера выявлено 303 хронемы, в статьях Дэна Билефски 306 хронем, в статьях Эллен Барри 314 хронем, в статьях Сары Лайл 384 хронемы;

– в статьях Марка Лэндлера выявлено 76 сенсем, в статьях Дэна Билефски 62 сенсема, в статьях Эллен Барри 150 сенсем, в статьях Сары Лайл 100 сенсем;

– в статьях Марка Лэндлера выявлено 20 кинем, в статьях Дэна Билефски 28 кинем, в статьях Эллен Барри 82 кинемы, в статьях Сары Лайл 52 кинемы;

– в статьях Марка Лэндлера выявлено 3 такемы, в статьях Дэна Билефски 1 такема, в статьях Эллен Барри 2 такемы, в статьях Сары Лайл 1 такема.

Выявленная частотность исследуемых маркеров невербального кода в статьях четырех журналистов, публиковавшихся в период с 2005 по 2018 год на страницах газеты «The New York Times», показала особенности реализации идиостиля авторов в аспекте корреляции вербальных знаков и маркеров невербальной коммуникации в представляемом новостном формате публицистического дискурса.

В-четвертых, количественный анализ маркеров невербального кода, выявленных в статьях Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл, позволил определить частотность употребления различных маркеров

невербального кода как информантов дискурсивного информативного кода, определяющую следующие тенденции построения сравнительно-сопоставительной модели функционирования гендерной обусловленности маркеров невербального кода как сегмента трёхуровневой модели публицистического дискурса:

1. Превалирование проксем, номинирующих пространство в статьях Марка Лэндлера и Дэна Билефски, над количеством проксем в статьях Эллен Барри и Сары Лайл, что указывает на преобладание маскулинности над феминностью в стремлении журналистов детально определить место произошедших событий, описанных в статьях, то есть исследование показало, что превалирование проксем в статьях журналистов гендерно обусловлено.

2. Преобладание хронем в статьях Эллен Барри и Сары Лайл над количеством хронем в статьях Марка Лэндлера и Дэна Билефски выявило превалирование феминности над маскулинностью в применении текстовых маркеров темпоральности в публицистическом дискурсе. Было установлено, что гендерно обусловлены только качественные показатели содержания хронем, в то время как показатели структурной организации не являются гендерно обусловленными. Определено, что среди качественных показателей содержания хронем именно линейные хронемы превалируют в статьях журналистов-женщин Эллен Барри и Сары Лайл, тогда как линейные хронемы с большей частотностью представлены в статьях журналистов-мужчин Марка Лэндлера и Дэна Билефски.

3. Превалирование сенсем в публицистическом дискурсе журналистов-женщин Эллен Барри и Сары Лайл по сравнению с количеством сенсем в статьях журналистов-мужчин Марка Лэндлера и Дэна Билефски определило этот тип маркеров невербального кода как показатель преобладания феминности над маскулинностью в сравнительно-сопоставительной модели функционирования гендерной обусловленности маркеров невербального кода в публицистическом дискурсе. Определено, что из существующих в лингвистике пяти типов сенсем в дискурсе рассмотренных статей журналистов-женщин

Эллен Барри и Сары Лайл выявлены только три типа сенсем: зрительные сенсемы, слуховые сенсемы и осязательные сенсемы. Более того, зрительные и слуховые сенсемы преобладают в статьях Эллен Барри и Сары Лайл. В то же время, осязательные сенсемы используются только в статьях Сары Лайл, тогда как публицистический дискурс Эллен Барри отличается отсутствием осязательных сенсем, что указывает на особенности идиостиля двух журналистов-женщин.

4. Кинемы преобладают в статьях журналистов-женщин Эллен Барри и Сары Лайл по сравнению с количеством кинем в статьях журналистов-мужчин Марка Лэндлера и Дэна Билефски, что указывает на феминную природу функционирования кинем в публицистическом дискурсе газеты «The New York Times».

5. Такемы преобладают в статьях журналиста-мужчины Марка Лэндлера и журналиста-женщины Эллен Барри по сравнению с количеством такем в статьях журналиста-мужчины Дэна Билефски и журналиста-женщины Сары Лайл, что говорит о смешанной маскулинно-феминной природе такем, употребляемых в публицистическом дискурсе газеты «The New York Times».

Полученные результаты позволяют представить интерпретативную сравнительно-сопоставительную модель функционирования маркеров невербального кода в качестве гендерной составляющей публицистического дискурса в виде совокупности четырех информативных авторских журналистских моделей Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл, в которых реализуется маскулинная и феминная природа гендерной составляющей публицистического дискурса как сегмента дискурсивного информативного кода.

Таким образом, выявленные сходства и различия употребления маркеров невербального кода в статьях Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл доказали выдвинутую в исследовании гипотезу, о гендерной обусловленности функционирования маркеров невербального кода в модели публицистического дискурса газеты «The New York Times».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тенденция современной дискурсологии заключается в постоянном развитии и расширении теоретико-методологических знаний, что побуждает к исследованию её многогранности. В частности, публицистический дискурс как исследовательский конструкт рассматривается с точки зрения реализации характеристик языковой личности, а именно её гендерности, посредством анализа представленности маркеров невербального кода коммуникации в качестве текстовых номинаций компонентов невербального кода коммуникации.

Принимая во внимание отсутствие общепринятого определения публицистического дискурса, в проводимом исследовании дискурс рассматривается как коммуникативное событие, а текст – как результат данного события. Специфика публицистического дискурса заключается в направленности на информирование и убеждение аудитории, достижение которых обусловлено задействованием логико-понятийного и экспрессивного аспектов коммуникации. Для публицистического дискурса характерны освещение значимых событий в жизни общества, доступность изложения, установка на объективность и доступность изложения информации, синкретизм, оценочность, многослойность, функционирование «текста в тексте», действие ограничений пространственно-временного континуума.

Заголовок как структурная единица в архитектонике публицистического дискурса представляет собой наиболее общую макроструктуру, которая знакомит читателей с предметом описания и побуждает к прочтению посредством использования ключевых слов и средств выразительности. Имеются тесные связи с социодискурсом, в результате чего появляется возможность определить реализацию гендерного фактора в публицистическом дискурсе.

Существуют различные подходы к определению и рассмотрению гендера, который в проводимом исследовании трактуется как социокультурный феномен, включающий стереотипные представления о мужчинах и женщинах, сформированные на биологической основе, и семиотически проявляемые в различных областях человеческой жизнедеятельности.

Ввиду востребованности в проведении лингвистического инжиниринга гендерной составляющей публицистического дискурса в работе выявляются тенденции функционирования этого типа дискурса в качестве исследовательского конструкта в виде трёхуровневой модели, состоящей из дискурсивного информативного кода, подразделяющегося на два сегмента: на гендерную составляющую и лингвокультурную составляющую. Установлено, что гендерная составляющая репрезентируется эмотивами и маркерами невербального кода коммуникации, употребляемыми журналистами-мужчинами и журналистами-женщинами.

В настоящее время значимым является исследование маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе, которые передают более обширные данные о коммуникативном событии и его участниках. Среди выявленных маркеров невербальной коммуникации в проводимом исследовании рассмотрены проксемы, хронемы, сенсемы, кинемы и такемы.

Исследование гендерной специфики в газете «The New York Times» побудило к созданию алгоритма интерпретации гендерной обусловленности функционирования маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе, включающего следующие семь этапов:

Первый этап. Выбор СМИ для исследования.

Второй этап. Выбор тематического раздела журнала/газеты.

Третий этап. Определение публикационной активности журналистов-мужчин и журналистов-женщин в выбранной тематике в анализируемых журнале/газете.

Четвёртый этап. Отбор двух и более журналистов-мужчин и журналистов-женщин для детального анализа их публицистических дискурсов.

Пятый этап. Отбор равного количества статей у каждого из журналистов-мужчин/журналистов-женщин из перечня в п.4. для детального исследования одного из типов номинантов их структуры.

Шестой этап. Определение частотности номинантов исследуемого типа в рассматриваемых статьях.

Седьмой этап. Определение корреляции частотности маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе журнала/газеты и гендерности авторов статей.

Данный алгоритм был применен к исследованию материала популярной американской газеты «The New York Times». Проанализирован публицистический дискурс двух журналистов-мужчин Марка Лэндлера и Дэна Билефски и двух журналистов-женщин Эллен Барри и Сары Лайл, которые с высокой частотой публиковали свои статьи, посвященные мировым событиям в разделе “World” за период с 2005 по 2018 год.

Выявлены следующие тенденции употребления маркеров невербальной коммуникации в статьях раздела “World”:

- проксемы и хронемы являются высокочастотными маркерами невербального кода коммуникации;
- сенсемы и кинемы являются среднечастотными маркерами невербального кода коммуникации;
- такемы являются низкочастотными маркерами невербального кода коммуникации.

Рассмотрение частотности маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе журналистов-мужчин и журналистов-женщин привело к фиксации следующих фактов:

1. Проксеммы чаще употребляются в дискурсе журналистов-мужчин.
2. Хронемы чаще употребляются в статьях журналистов-женщин.

Установлено, что частотность использования хронем не всегда коррелирует с объемом статей. Структурная характеристика хронем однородна для дискурса журналистов-мужчин и журналистов-женщин – наиболее частотными являются одноядерные хронемы. Качественная характеристика хронем неоднородна для публицистического дискурса журналистов-мужчин и журналистов-женщин, что прослеживается в следующих тенденциях:

- линейные хронемы чаще используются в дискурсе журналистов-мужчин;
- линейные хронемы чаще используются в дискурсе журналистов-женщин.

3. Сенсемы чаще употребляются в дискурсе журналистов-женщин.

Качественная характеристика сенсем как маркеров невербального кода коммуникации журналистов-мужчин и журналистов-женщин отражает следующие тенденции:

- зрительные сенсемы чаще употребляются в статьях двух журналистов-женщин;
- слуховые сенсемы чаще употребляются в статьях двух журналистов-женщин;
- осязательные сенсемы чаще используются только в статьях Сары Лайл.

4. Кинемы чаще употребляются в дискурсе журналистов-женщин.

Следовательно, выявленные вышеперечисленные тенденции гендерной обусловленности функционирования маркеров невербальной коммуникации позволяют представить сравнительно-сопоставительную модель как совокупность четырех информативных авторских журналистских моделей Марка Лэндлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл в гендерной составляющей публицистического дискурса как сегмента дискурсивного информативного кода, который представляет собой совокупную проекцию различных социокультурных трансформаций в виде единства лексико-грамматических и синтаксических конструкций, отражающих объекты, субъекты и процессы реального мира.

Полученные результаты интерпретации маркеров невербального кода как гендерной составляющей публицистического дискурса посредством алгоритма интерпретации гендерной обусловленности функционирования маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе предопределяет перспективы дальнейшего исследования, которые заключаются в следующем:

1) выявлении степени зависимости частотности употребления маркеров невербального кода от тематики статей газеты «The New York Times» посредством рассмотрения других тематических разделов газеты на предмет выявления взаимосвязи гендерности журналистов и частотности употребления ими маркеров невербального кода;

2) применении предложенного алгоритма интерпретации гендерной обусловленности функционирования маркеров невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе к исследованию контента других популярных газет и журналов, публикуемых на различных языках;

3) уточнении параметров построения других компонентов дискурсивного информативного кода по аналогии с построением гендерной составляющей дискурса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Августин, А. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского / А. Августин. – Москва : Ренессанс, 1991. – 486 с. – ISBN 5-7664-0472-7. – Текст : непосредственный.
2. Айсувакова, Т. П. Теоретические основы взаимосвязи вербальных и невербальных средств общения в межличностной коммуникации / Т. П. Айсувакова, М. М. Дмитриев – Текст : непосредственный // Педагогический вестник. – 2019. – №8. – С. 12-14.
3. Аксенов, Г. П. В.И. Вернадский о природе времени и пространства / Г. П. Аксенов. – Москва : URSS : ЛИБРОКОМ, 2012. – 351 с. – ISBN 978-5-9519-3555-7. – Текст : непосредственный.
4. Александрова, Е. С. Гендерный анализ новостного текста / Е. С. Александрова. – Текст : непосредственный // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2007. – № 37. – С. 11-15.
5. Алефиренко, Н. Ф. Медиадискурс - *modus vivendi* на рубеже XX-XXI вв. / Н. Ф. Алефиренко. – Текст : непосредственный // Вестник Вятского государственного университета. – 2019. – № 4. – С. 30-33.
6. Алефиренко, Н. Ф. «Живое» слово: проблемы функциональной лексикологии / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Флинта: Наука, 2009. – 344 с. – ISBN 978-5-9765-0852-1. – Текст : непосредственный.
7. Алефиренко, Н. Ф. Дискурсивный анализ: традиции и инновации / Н. Ф. Алефиренко. – Текст : непосредственный // Язык-сознание-культура-социум: сб. докл., посвящённый междунар. науч. конф. памяти проф. ИН Горелова. – 2008. – С. 12-15.
8. Алефиренко, Н. Ф. Текст-дискурс-язык / Н. Ф. Алефиренко. – Текст : непосредственный // Русская филология. Украинский вестник. – 2007. – №. 2-3. – С. 3-7.

9. Алиева, Д. А. Отражение лингвокультуры казахов в проксемике / Д. А. Алиева, А. Т. Оналбаева. – Текст : непосредственный // Вестник Казахстанско-Британского технического университета. – 2019. – № 16 (3). – С. 337-442.
10. Алпатов, В. М. История лингвистических течений / В. М. Алпатов. – Москва : «Языки русской культуры», 1998. – 256 с. – ISBN 5-9551-0077-6. – Текст : непосредственный.
11. Аристотель. Физика. Сочинение в 4 томах / Аристотель. – Москва : Мысль, 1981. – Т. 3. – 614 с. – Текст : непосредственный.
12. Бадалова, Е. Н. «Дискурсивное сознание» как металингвистическая проблема / Е. Н. Бадалова, К. Н. Гущина. – Текст : непосредственный // Гуманитарные исследования. – 2022. – № 2(82). – С. 32-36.
13. Барбатько, О. А. Гендер в дискурсе глянцевого журнала / О. А. Борбатько. – Текст : непосредственный // Когнитивно-дискурсивное пространство в современном гуманитарном знании: сб. научных трудов / под ред. И.П. Хутыз. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. – С. 26-32.
14. Бахтин М. М. Эпос и роман / М. М. Бахтин. – СПб. : Азбука, 2000. – 300, [1] с. – Текст : непосредственный.
15. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин. – Текст : непосредственный // Собр. соч. в 7 томах. Т. 5. – Москва : Русские словари. – 1996. – С. 159-206. – ISBN 5267002739.
16. Безенкова, А. А. Основы невербального общения / А. А. Безенкова, Т. А. Хорева. – Текст : непосредственный // Научные записки. – 2011. – С. 185-188.
17. Белая, Н. В. О проявлении гендерных различий в языке / Н. В. Белая. – Текст : непосредственный // Rhema. Рема. – 2009. – № 3. – С. 97-102.
18. Белова, А. Д. Лингвистические аспекты аргументации / А. Д. Белова. – К.: Логос, 2003. – 304 с. – ISBN 5-7763-4559-6. – Текст : непосредственный.

19. Белоусов, К. И. Модельная лингвистика и проблемы моделирования языковой реальности / К. И. Белоусов. – Текст : непосредственный // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – №. 11 (117). – С. 94-97. – Текст : непосредственный.
20. Берестенников, А. О. Невербальное общение как средство кросс-культурной коммуникации / А. О. Берестенников, Н. Ю. Буряк. – Текст : непосредственный // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 58-5. – С. 76-79.
21. Бизюков, Н. В. Публицистический дискурс как система средств языковой манипуляции (на материале англоязычной прессы) / Н. В. Бизюков. – Текст : непосредственный // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева.– 2010. – № 3. – С. 167-172.
22. Богданова, О. Ю. Сопоставление функциональных особенностей заглавий художественных произведений и современной публицистики (на англоязычном материале) / О. Ю. Богданова. – Текст : непосредственный // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 3. – С. 140-143.
23. Богоявленская, Ю.В. Взаимодействие парцелляции и метафоры как средств аттенциального фокусирования в художественном и публицистическом дискурсе / Ю. В. Богоявленская, А. П. Чудинов. – Текст : непосредственный // Язык и культура. – 2018. – № 41. – С. 24-39.
24. Божанова, Н. Г. Гендерные исследования в лингвистике: история, современность, перспективы / Н. Г. Божанова. – Текст : непосредственный // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2012. – № 5 (109). – С. 69-74.
25. Болдырев, Н. Н. Концептуальная основа языка / Н. Н. Болдырев. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина. – 2009. – С. 25-77.
26. Болдырева, В. А. Функциональная прагматика интенциональных манипулятивных маркеров публицистического политического дискурса /

- В. А. Болдырева. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2019. – № 4. – С. 20-26.
27. Будаев, Э. В. Коммуникативное сопровождение массовых протестов в СМИ / Э. В. Будаев, С. Л. Кушнерук, М. А. Курочкина. – Санкт-Петербург : Научоёмкие технологии, 2022. – 201 с. – Текст : непосредственный.
28. Бузина, Е. И. Специфика темпоральной модели “Me before you” в концептосфере одноимённого романа Дж. Мойес / Е. И. Бузина. – Текст : непосредственный // Гуманитарные исследования. – 2019. – № 1 (69). – С. 56-61.
29. Бузина, Е. И. Специфика частотности хронем в произведении “Jane Eyre” Ш. Бронте / Е. И. Бузина. – Текст : непосредственный // Теоретические и методологические аспекты исследования функционирования языка. Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 11-15.
30. Бузина, Е. И. Детерминация лексических таймеров в темпоральной структуре художественного текста / Е. И. Бузина. – Текст : непосредственный // Вестник Тверского государственного университета. – 2019. – № 44. – С. 174-178.
31. Валиева, А. Р. Исследования Э. Холла о проксемике / А. Р. Валиева, Ю. В. Михайлова. – Текст : непосредственный // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2021. – № 1-1. – С. 104-108.
32. Варламова, Е. В. Отличительные особенности политического дискурса / Е. В. Варламова – Текст : непосредственный // Гуманитарные исследования. – 2011. – № 2. – С. 45–50.
33. Васильева, И. Б. К вопросу о гендерной вариативности в языке / И. Б. Васильева. – Текст : непосредственный // Функционирование лексических единиц и грамматических категорий в русском языке. – 2004. – С. 12-18.
34. Викулова, Л. Г. Структуры моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в масс-медийном коммуникативном

- пространстве / Л. Г. Викулова, Е. Ф. Серебренникова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2014. – № 2. – С. 55-63.
35. Виноградов, С. И. Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи / С. И. Виноградов // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996. – 441 с. – Текст : непосредственный.
36. Воронина, О. А. Категории пол/гендер в философии феминизма / О. А. Воронина. – Текст : непосредственный // Философские исследования. – 1995. – № 4. – С. 80-98.
37. Воронцова, Т. А. Элементарная стилистика: учебно-методическое пособие / Т. А. Воронцова. – Ижевск : Издательство «Удмуртский университет», 2008. – 130 с. – ISBN 5-7260-1133-2. – Текст : непосредственный.
38. Востоков, В. В. Коммуникативный, когнитивный и эмотивный аспекты темпоральных значений в структуре текста / В. В. Востоков. – Текст : электронный // Филологический портал [сайт]. – 2006. – URL : http://www.filologdirect.narod.ru/sra/sra_2006_44.html (дата обращения: 30.10.2022).
39. Выровцева, Е. В. Полистилизм как особенность современного публицистического дискурса / Е. В. Выровцева. – Текст : непосредственный // Век информации. – 2017. – Т. 2. – №. 2. – С. 22-23.
40. Гальперин, И. Р. Стилистика английского языка = English Stylistics : учебник для студентов институтов и факультетов иностранных языков / И. Р. Гальперин. – 3-е изд. – Москва : URSS, 2010. – 331 с. – ISBN 978-5-397-01340-6. – Текст : непосредственный.
41. Голованова, Е. И. О словаре эпохи пандемии коронавируса / Е. И. Голованова, С. И. Маджаева. – Текст : непосредственный // Вестник ЧелГУ. – 2020. – № 7 (41). – С. 48-55.

42. Горошко, Е. И. Особенности мужского и женского стиля письма / Е.И. Горошко. – Текст : непосредственный // Гендерный фактор в языке и коммуникации. – Иваново: ИвГУ. – 1999. – С. 28-41.
43. Григоренко, К. А. Гендерные стереотипы невербальной коммуникации в рассказах Агаты Кристи / К. А. Григоренко. – Текст : непосредственный // Первые шаги в науке. – 2017. – С. 107-113.
44. Григорьева, В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты : монография / В. С. Григорьева. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 288 с. – ISBN 5-8265-0609-1. – Текст : непосредственный.
45. Гриценко, Г. Б. Проблема времени и тема смерти в трактате М. Хайдеггера «Бытие и время» (некоторые аспекты) / Г. Б. Гриценко. – Текст : непосредственный // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. – 2017. – Т. 9. – № 1. – С. 76-83.
46. Гужва, Е. И. Специфика репрезентации хронем в произведении «Собака Баскервилей» / Е. И. Гужва. – Текст : непосредственный // Перевод. Язык. Культура. Материалы VI международной научно-практической конференции. – 2015. – С. 164-168.
47. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт; Пер. с нем. яз. под ред. и с предисл. Г. В. Рамишвили. – 2. изд. – Москва : Прогресс, 2000. – 400 с. – ISBN 5-01-004661-X. – Текст : непосредственный.
48. Даниленко, И. А. Репрезентанты невербального кода коммуникации в номинативном поле концепта / И. А. Даниленко. – Текст : непосредственный // Международный журнал экспериментального образования. – 2016а. – № (4-2). – С. 327-330.
49. Даниленко, И. А. Сенсемные компоненты как маркеры невербального кода коммуникации в концептосфере романа Ф. С. Фитцджеральда “The

- Great Gatsby” / И. А. Даниленко. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2016б. – № 26. – С. 205-208.
50. Даниленко, И. А. Когнитивно-герменевтическое моделирование архитектоники дуального художественного концепта «любовь – одиночество»: (на материале произведения Ф. С. Фитцджеральда “The Great Gatsby”): авторефер. дис. ... канд. филол. наук: специальность 10.02.19 Теория языка / Даниленко И. А. – Белгород, 2019. – 25 с. – Текст : непосредственный.
51. Дейк ван, Т. А. К определению дискурса / Т. А. ван Дейк. – Л. : Сэйдж пабликэйшнс, 1998. – 384 с. – URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения: 30.10.2022). – Текст : электронный.
52. Дейк ван, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Дейк ван. – Москва : Ленанд, 2015. – 320 с. – ISBN 978-5-9710-1387-7. – Текст : непосредственный.
53. Декарт, Р. Сочинения в 2-х тт. / Р. Декарт. – Москва.: Мысль, 1989. – 640 с. – ISBN 5-244-00023-3. – Текст : непосредственный.
54. Демьянков, В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В. З. Демьянков. – Текст : непосредственный // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие / Отв. ред. М. Н. Володина. – Москва : Издательство Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. – 2003. – С.116-133.
55. Евтушенко, О. А. Невербальные и смешанные знаки в лингвосомиотическом пространстве институционального дискурса / О. А. Евтушенко, О. А. Шестакова. – Текст : непосредственный // Гуманитарные исследования. – 2021. – № 2 (78). – С. 30-35.
56. Егизарян, П. Э. Будущее время в античной философии и ранней науке о языке / П. Э. Егизарян. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – С. 5-7.

57. Егорова, М. А. Тенденции развития гендерной лингвистики / М. А. Егорова, Ю. А. Степаненко – Текст : непосредственный // Global and regional research. – Байкал. – 2020. – № 2. – С. 461-466.
58. Журавлева, Е. В. Особенности медийного дискурса в контексте современной политической лингвистики / Е. В. Журавлева. – Текст : непосредственный // Медиаисследования. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. – 2019. – С. 48-53.
59. Задворная, Е. Г. Функции невербальных компонентов коммуникации окулесического типа в мужском и женском коммуникативном поведении / Е. Г. Задворная, А. Хонарджу. – Текст : непосредственный // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета, 18-19 апреля 2019 г. : в 5 ч. – Минск : МГЛУ. – 2019. – Ч. 3. – С. 46-47.
60. Занковец, О. В. Гендерные различия при переводе художественных текстов / О. В. Занковец. – Текст : непосредственный // Язык, речь, общение в контексте диалога языков и культур: Сборник научных трудов; отв. ред. О. И. Уланович. – Минск: Изд. центр БГУ. – 2012. – С. 10-16.
61. Земская, Е. А. Особенности мужской и женской речи / Е. А. Земская, М. А. Китайгородская, Н. Н. Розанова – Текст : непосредственный // Русский язык в его функционировании. – Москва. – 1993. – С. 38-45.
62. Зозуля, Е. Г. Проблема многоаспектности изучения времени в психологии / Е. Г. Зозуля – Текст : непосредственный // Вісник Одеського національного університету. Психологія. – 2012. – Т. 17. – № 9 (21). – С. 98-104.
63. Иванова, И. П. Стилиевые характеристики публицистического дискурса / И. П. Иванова. – Текст : непосредственный // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. – 2014. – № 2. С. 57-62.
64. Иванова, С. В. Актуальные проблемы лингвокультурологических исследований / С. В. Иванова. – Текст : непосредственный // Система

- языка: синхрония и диахрония: Межвуз. Сб. Научн. Ст. Уфа: БАШГУ – 2009. – С. 267-273.
65. Ильина, И. Е. Основные подходы к изучению невербальных средств коммуникации / И. Е. Ильина. – Текст : непосредственный // Научный альманах. – 2015. – № 3.– С. 211-221.
66. Казмагамбетова, А. С. Вербализация проксемного поведения в языке художественной литературы / А. С. Казмагамбетова. – Алматы: Қазақ университеті, 2014. – 159 с. – ISBN 978-601-04-0689-6. – Текст : непосредственный.
67. Каменева, В. А. Композиционно-смысловая структура дискурса газетных сообщений как эффективное средство корректировки гендерного дисплея российской и американской лингвокультур / В. А. Каменева, С. В. Коломиец. – Текст : непосредственный // Вестник ЧелГУ. – 2009. – №10. – С. 30-35.
68. Карасик, В. И. О категориях дискурса / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград: Перемена. – 1998. – С. 185-197.
69. Карасик, В. И. Языковая матрица культуры: Монография / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с. – Текст : непосредственный.
70. Карасик, В. И. Высказывание, жанр, дискурс: семиотическое моделирование / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Жанры речи. – 2020. – №2 (26). – С. 90-99.
71. Карасик, В. И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2020. – № 2 (80). – С. 25-34.
72. Карасик, В. И. Тенденции развития современного дискурса / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – №. 1. – С. 14-31.

73. Каримова, Д. Х. Уровни анализа проксематического поведения в межличностном общении / Д. Х. Каримова. – Текст : непосредственный // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – №1. – С. 229-237.
74. Картушина, Е. А. Гендерные аспекты фразеологии в массовой коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Картушина. – Ижевск : [б.и.], 2003. – 175 с. – Текст : непосредственный.
75. Кененбаев, Е. Т. Невербальная коммуникация в социальной жизни / Е. Т. Кененбаев. – Текст : непосредственный // International scientific review. – 2019. – № LXVII. – С. 60-62.
76. Кибрик, А. А. Функционализм и дискурсивно-ориентированные исследования / А. А. Кибрик, В. А. Плунгян. – Текст : непосредственный // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. – Москва : МГУ. – 1997. – С. 307-323.
77. Ким, М. Н. Жанры современной журналистики / М. Н. Ким. – Санкт-Петербург : Изд-во Михайлова, 2004. – 336 с. – Текст : непосредственный.
78. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. – М.: Институт социологии РАН, 1999. – 180 с. – ISBN 5-89697-42-0. – Текст : непосредственный.
79. Кирилина, А. В. О применении понятия «гендер» в русскоязычном лингвистическом описании / А. В. Кирилина – Текст : непосредственный // Науч. докл. высш. шк. филол. науки. – Москва. – 2000. – № 3. – С. 28-36.
80. Кирилина, А. В. Проблемы гендерного подхода в изучении межкультурной коммуникации / А. В. Кирилина. – Текст : непосредственный // Гендер как интрига познания. – Москва : Издательство «Рудомино». – 2002. – С. 20-27.
81. Кирилина, А. В. Символика мужественности и женственности в личных именах / А. В. Кирилина. – Текст : непосредственный // Филология и

- культура: тез. II ме-ждунар. конф. 12-14 мая 1999 г. / отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина. – 1999. – С. 37-38.
82. Клушина, Н. И. Дискурс-анализ и стилистика: интегративные методы исследования медиа коммуникации / Н. И. Клушина. – Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2016. – № 4. – С. 78-90.
83. Кобзева, О. В. Лингвопрагматические аспекты вербальных репрезентаций кинем в языке произведений художественной литературы / О. В. Кобзева, А. В. Вандышева. – Текст : непосредственный // Научный журнал КубГАУ – Scientific Journal of KubSAU. – 2015.– № 109. – С. 993-1004.
84. Кожемякин, Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е. А. Кожемякин. – Текст : непосредственный // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 12 (83). – С. 13-21.
85. Колесникова, С. Н. Особенности политического дискурса и его интерпретация / С. Н. Колесникова. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 33. – С. 67-69.
86. Колодина, А. А. Феминизм и гендер: интерпретация современной социальной реальности / А. А. Колодина. – М.: ТРП, 2016. – 184 с. – ISBN 978-5-9908079-9-0 . – Текст : непосредственный.
87. Колосова, О. А. Когнитивные основания языковых категорий (на материале современного английского языка) : дис. ... д-ра филол. наук / О. А. Колосова. – Москва : 12 [б.и.], 1996. – 356 с. – Текст : непосредственный.
88. Комарова, З. И. Категория темпоральности на шкале исторического времени: язык-общество-культура / З. И. Комарова, С. М. Калинин. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2019. – № 4 (426). – С. 89-99.

89. Копцева, Д. А. Моделирование художественного концепта «время» (на материале романа Э. Чедвик “The wild hunt”) / Д. А. Копцева. – Текст : непосредственный // Лингвистические горизонты : Международный сборник научных трудов. – Белгород. – 2018. – С. 60-64.
90. Коробкина, Т. В. Об актуальности невербальной коммуникации в условиях современного общества / Т. В. Коробкина, В. В. Гусаченко. – Текст : непосредственный // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – 2017. № 57. – С. 68-73.
91. Коршунов, П. А. Гносеологические основания философии Демокрита: между понятием и представлением / П. А. Коршунов. – Текст : непосредственный // ОНВ. – 2014. – № 3 (129). – С. 70–72.
92. Котова, А. М., Немкеева, З. Т. Проксемика, или персональное пространство / А. М. Котова, З. Т. Немкеева. – Текст : непосредственный // Развитие профессионализма. – 2016. – С. 141-142.
93. Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с. – ISBN 5-86793-194-3. – Текст : непосредственный.
94. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Ю. Кристева. – Текст : непосредственный. – Москва : ИГ Прогресс. – 2000. – С. 427-457.
95. Кронгауз, М. А. Время как семантическая категория имени / М. А. Кронгауз. – Текст : непосредственный // Вопросы кибернетики. Семиотические исследования. Выпуск 159. – Москва. – 1989. – С. 4-18.
96. Кубрякова, Е. С. О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике: обзор / Е. С. Кубрякова. – Текст : непосредственный // Дискурс, речь, речевая деятельность. Функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров. – Москва : ИНИОН РАН. – 2000. – С. 7-25.
97. Кудинова, Е. С. Современные методы исследования речежестового взаимодействия / Е. С. Кудинова. – Текст : непосредственный // Вестник

- Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – №. 1 (830). – С. 122-133.
98. Кузьминых, Ю. А. Моделирование и интерпретация архитектоники когнитивной сцены : на материале произведений О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» и В. Вульф «Миссис Дэллоуэй» : дисс ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ю. А. Кузьминых. – Белгород, 2013. – 207 с. : автореф. дис.... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ю. А. Кузьминых. – Белгород, 2013 – 23 с. – Текст : непосредственный.
99. Кузьминых, Ю. А. Репрезентация проксем в когнитивно-дискурсивном контуре художественного текста / Ю. А. Кузьминых, Е. А. Огнева. – Текст : электронный // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 3. – С. 383-393. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9539> (дата обращения: 30.10.2022).
100. Куценко, А. А. Лингвокультурологический аспект социодискурса телеформата / А. А. Куценко. – Текст : непосредственный // Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2016. – Т.2. – № 2. – С. 38-42.
101. Кучерявых, А. В. Пространственная организация коммуникации в межкультурном взаимодействии / А. В. Кучерявых. – Текст : непосредственный // Вестник Бишкекского государственного университета. – 2020. – № 2-3 (52-53). – С. 7-10.
102. Кучина, А. Л. Коммуникативная личность телеведущих информационно-аналитических шоу : гендерный аспект / А. Л. Кучина. – Текст : непосредственный // Медиасреда. – 2020. – № 1. – С. 149-154.
103. Кушнерук, С. Л. От теории текстовых миров к теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования: кристаллизация исследовательского направления / С. Л. Кушнерук. – Текст : непосредственный // Когнитивные исследования языка. – 2017. – Вып. 30. – С. 269-272.
104. Кушнерук, С. Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование: опыт сопоставительного исследования рекламной коммуникации: монография /

- С. Л. Кушнерук. – Москва : Флинта, 2019. – 368 с. – ISBN. 978-5-9765-4066-8. – Текст : непосредственный.
105. Кушнерук, С. Л. Стратегическое фреймирование как объект зарубежной коммуникативистики: истоки, проблемы, перспективы / С. Л. Кушнерук. – Текст : непосредственный // Коммуникативные исследования. – 2022. – Т. 9. – №. 2. – С. 243-259.
106. Леви-Брюль, Л. Примитивная мифология (*La mythologie primitive*) / Леви-Брюль. – Paris : Librairie Alcan, 1935. – 335 с. – Текст : непосредственный.
107. Лейбниц, Г. Переписка с Николаем Ромоном. Соч. Т. 1. / Г. Лейбниц. – Москва, 1982. – 636 с. – ISBN 5-244-00371-2. – Текст : непосредственный.
108. Лингвокреативность в дискурсах разных типов: пределы и возможности : коллективная монография / В. З. Демьянков, Е. В. Захаркив, М. И. Киосе [и др.]. – Москва : Р. Валент, 2021. – 564 с. – ISBN 978-5-93439-625-2. – Текст : непосредственный.
109. Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю. М. Лотман. – Спб.: Академический проект, 2002. – 543 с. – ISBN 5-7331-0184-9. – Текст : непосредственный.
110. Лотман, Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. Кн. для учителя / Ю. М. Лотман. – Москва : Просвещение, 1988. – 352 с. – ISBN 5-09-000544-3. – Текст : непосредственный.
111. Лоцилин, А. Н. Проблемы темпоральности / А. Н. Лоцилин. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Вып. 7 (798). – Москва. – 2018. – С. 208-215.
112. Луцинская, О. В. Дискурс конвергентных средств массовой коммуникации как разновидность медийного дискурса / О. В. Луцинская. – Текст : непосредственный // Журналістыка : стан, праблемы і перспектывы. – 2019. – 440-444.

113. Макаров, М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе / М. Л. Макаров. – Тверь, 1998. – 200 с. – Текст : непосредственный.
114. Мансурова, В. Д. Журналистская картина мира как тип социокультурной реальности: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / В. Д. Мансурова. – Барнаул, 2003. – 38 с. – Текст : непосредственный.
115. Маркова, М. А. Трансдисциплинарный подход к изучению медийного пространства Китая: англоязычные СМИ и СМИ на китайском языке / М. А. Маркова, Н. Г. Юзефович. – Текст : непосредственный // От дифференциации наук - к трансдисциплинарности : Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 250-летию Александра фон Гумбольдта, Абакан, 25–27 сентября 2019 года / Ответственный редактор И.П. Амзаракова. – Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2019. – С. 202-207.
116. Молчанова, Г. Г. Когнитивная невербалика как поликодовое средство межкультурной коммуникации: кинесика / Г. Г. Молчанова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 3. – С. 13-30.
117. Молчанова, Г. Г. Проксемика как фактор национального самосознания / Г. Г. Молчанова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 3. – С. 57-72.
118. Наливайко, Ю. Ю. Журналистский текст публицистического дискурса : поиск универсальной модели построения / Ю. Ю. Наливайко. – Текст : непосредственный // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2019. – № 1. – С. 46-49.
119. Николаева, Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспектива / Т. М. Николаева. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс.– 1978. – Вып. 8. – С. 5-39.

120. Ньютон, И. Математические начала натуральной философии / И. Ньютон. – Москва : Наука. – 1989. – 688 с. – ISBN 5-02-000747-1. – Текст: непосредственный.
121. Огнева, Е. А. Вербальные маркеры невербального кода в тексте оригинала и перевода / Е. А. Огнева. – Текст : непосредственный // Альманах современной науки и образования. Ч. 2. – 2010. – № 2 (33). – Тамбов: Грамота. – С. 116-118.
122. Огнева, Е. А. Темпоральная когнитивная сетка художественного текста: тенденции кросскультурной адаптации / Е. А. Огнева. – Текст : электронный // Современные проблемы науки и образования. – 2013а. – № 3. – URL: <http://www.science-education.ru/109-9354> (дата обращения: 30.10.2022).
123. Огнева, Е. А. Темпоральная архитектоника концептосферы художественного текста / Е. А. Огнева. – Текст : непосредственный // Приоритетные направления лингвистических исследований : общетеоретические, когнитивные, коммуникативно-прагматические и функционально-грамматические аспекты языка : коллективная научная монография [под ред. А. Г. Бердниковой]. – Новосибирск : СибАК, 2013б. – С. 138-155.
124. Огнева, Е. А. Трансформация дискурсивной модели социума: проблемы и перспективы / Е. А. Огнева. – Текст : непосредственный // Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления: Мат. междунар. науч.-практ. конф. / Отв.ред. Ю. А. Зубок. Воронеж: ООО «ПТ». – 2015а. – С. 569-573.
125. Огнева, Е. А. Темпоральные маркеры в архитектонике текстового когнитивного сценария (на материале произведения А. Бека «Волоколамское шоссе») / Е. А. Огнева. – Текст : непосредственный // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2016а. – Т. 2. – № 4. – С. 9-15.

126. Огнева, Е. А. Алгоритм построения когнитивной текстовой социокультурной модели / Е. А. Огнева. – Текст : непосредственный // Филологический аспект : международный научно-практический журнал. – 2016б. – № 11. – С. 49-55.
127. Огнева, Е. А. Специфика маркеров невербального кода в архитектонике текстовой когнитивной сцены (на материале произведения Д. дю Морье «Ребекка») / Е. А. Огнева. – Текст : непосредственный // Филологический аспект. – 2017. – № 6. – С. 132-141.
128. Огнева, Е. А. Алгоритм интерпретации художественного концепта время (на материале романа Д. Дю Морье “Rebecca”) / Е. А. Огнева, Е. И. Бузина. – Текст : непосредственный // Филологические науки : Вопросы теории и практики. – 2019. – Т.12. – № 4. – С. 275-279.
129. Огнева, Е. А. Дуальность художественного концепта как текстовый информативный код / Е. А. Огнева, И. А. Даниленко. – Москва : Эдитус, 2021. – 208 с. – Текст : непосредственный.
130. Огнева, Е. А. Маркеры невербального кода как компоненты дискурсивного информативного кода / Е. А. Огнева, Н. А. Трофимова. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16. – Вып. 1. – С. 296-300.
131. Павлова, Ю. В. Некоторые особенности использования номинаций невербального поведения в публицистическом дискурсе (на материале современного английского языка) / Ю. В. Павлова. – Текст : непосредственный // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2015.– № 8. – С. 68-77.
132. Пиксендеева, В. Г. К вопросу об определении сущности концепта время/time в современной лингвистике / В. Г. Пиксендеева. – Текст : непосредственный // Applied science of today: problems and new approaches. – 2020. – С. 188-192.

133. Пилипенко, Е. А. Время в философии М. Хайдеггера: субъективация объективного / Е. А. Пилипенко // Logos et Praxis. – 2015. – Вып. 2. – С. 19-25. – Текст : непосредственный.
134. Пиотровский, Р. Г. Моделирование в лингвистике / Р. Г. Пиотровский. – Текст : непосредственный // Вопросы романского и общего языкознания. – СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – С.86-96.
135. Побережная, О. Ю. Особенности языкового поведения мужской и женской языковых личностей в газетном дискурсе / О. Ю. Побережная. – Текст : непосредственный // Мова. – Одеса: Астропринт, 2003. – № 8. – С. 204-208.
136. Реснянский, С. И. Гендер в российской истории : обзор новейших исследований / С. И. Реснянский, И. С. Амиантова. – Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия: История России. – 2019. – № 2. – Вып. 18. – С. 278-301.
137. Речь как средство вербальной коммуникации. Средства невербальной коммуникации / М. Е. Ретюнских, О. М. Холодов, И. Ю. Устинова, А. А. Караванов. – Текст : непосредственный // Медико-биологические и педагогические основы адаптации, спортивной деятельности и здорового образа жизни сборник научных статей V Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием. Министерство спорта РФ; Воронежский государственный институт физической культуры. – 2016. – С. 197-202.
138. Родионова, Т. Г. Специфика жеста в передаче невербальной коммуникации / Т. Г. Родионова. – Текст : непосредственный // Языковой дискурс в социальной практике. 2019. – С. 216-219.
139. Рябова, Е. С. Категории дискурсивного анализа англоязычного новостного текста / Е. С. Рябова. – Текст : электронный // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2013. – Т. 3. – С. 991-995. – URL: <http://e-koncept.ru/2013/53201.htm> (дата обращения: 30.10.2022).

140. Рябова, М. Ю. Антропоцентризм лингвистических категорий: хронотоп / Ю. М. Рябова. – Текст : непосредственный // Международный журнал исследований культуры. – 2014. – № 2 (15). – С. 79-83.
141. Садохин, А. П. Межкультурная коммуникация: учебное пособие / А. П. Садохин. – Москва : Альфа-М; ИНФРАМ, 2004. – 288 с. – ISBN 5-98281-036-3. – Текст : непосредственный.
142. Санжеева, Л. Ц. Манипулятивная функция политических реалий в публицистическом дискурсе / Л. Ц. Санжеева, Т. Е. Очиров. – Текст : непосредственный // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2017. – №. 2. – С. 35-41.
143. Сапожникова, Л. М. Эволюция идеи темпоральности – от круговорота Античности к линии Средневековья / Л. М. Сапожникова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Вып. 1. – 2016. – С. 137-142.
144. Сараева, К. И. Архитектоника анонса: иллюстрация как графически-дизайнерский элемент привлечения внимания адресата текста / К. И. Сараева. – Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2014. – №. 4 (149). – С. 159-163.
145. Седых, А. П. К вопросу о стратегиях и тактиках в институциональном дискурсе / А. П. Седых, М. И. Шевченко. – Текст : непосредственный // Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2015. – Т. 1. – № 1 (3). – С. 26-31.
146. Седых, А. П. Вербалика и невербалика диалогической интеракции / А. П. Седых. – Текст : непосредственный // Лексикография и коммуникация – 2018: Сб материалов IV Международной научной конференции / Отв. ред. А. П. Седых. – Белгород. – 2018. – С. 159-164.
147. Седых, А. П. К вопросу о профессиональной личности журналиста / А. П. Седых, Л. М. Бузинова. – Текст : непосредственный // Иностранные

- языки: лингвистические и методические аспекты. – 2018. – № 41. – С. 152-157.
148. Серิโอ, П. Как читают тексты во Франции / П. Серิโอ // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. – Москва. – 1999. – С. 12-53. – Текст : непосредственный.
149. Сескутова, И. К. Семиотические аспекты англоязычной публицистики / И. К. Сескутова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2014. – № 19 (705). – С. 135-143.
150. Синеокая, Н. А. Характеристика политического дискурса / Н. А. Синеокая. – Текст : электронный // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6. – URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7695> (дата обращения: 30.10.2022).
151. Синкевич, Д. А. Категория темпоральное в лингвофилософском освещении / Д. А. Синкевич. – Текст : непосредственный // Вестник ЧелГУ. – 2010. – № 7. – С. 148-152.
152. Сиражудинова, К. К. Невербальный язык как средство общения / К. К. Сиражудинова, М. Ф. Магомедалиева. – Текст : непосредственный // Язык и литература в образовательном и культурном пространстве юга России и Кавказа. – 2019. – С. 446-449.
153. Скачкова, И. И. Гендерная проблематика в зарубежном теоретическом языкознании: к истории вопроса / И. И. Скачкова. – Текст : непосредственный // Вестник ТГЭУ, Теория и методология гендерных исследований. – 2009. – № 4. – С. 121-123.
154. Солганик, Г. Я. Синтаксическая стилистика / Г. Я. Солганик. – Изд. 4-е. – Москва : URSS, 2007. – 227 с. – Текст : непосредственный.
155. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю. С. Степанов. – Текст : непосредственный // Язык и наука конца XX века: сб. ст. – М. – 1995. – С. 34-72.

156. Строд, М. С. Гендерные особенности перевода художественного текста / М. С. Строд // Сборник статей. – Якутск, 2015. – С. 49-52. – Текст : непосредственный.
157. Стюфляева, М. И. Образные ресурсы публицистики / М. И. Стюфляева. – Москва : Мысль, 1982. – 176 с. – Текст : непосредственный.
158. Сысоева, А. В. Особенности невербального общения и его роль в процессе коммуникации / А. В. Сысоева, Я. В. Чернявская. – Текст : непосредственный // Инновационные подходы в решении проблем современного общества. – 2018. – С. 211-213.
159. Тарасова, М. С. Роль языковой личности в дискурсе / М. С. Тарасова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2019. – № 1. – С. 41-50.
160. Темнова, Е. В. Современные подходы к изучению дискурса / Е. В. Темнова. – Текст : непосредственный // Язык, сознание, коммуникация / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс. – 2004. – С. 24-32.
161. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко, Е. И. Беляева, Л. А. Бирюлин [и др]. – Ленинград: Наука, 1990. – 263 с. – ISBN 5-02-028005-4. – Текст : непосредственный.
162. Тимофеев, В. Л. Язык как явление. Языковые единицы / В. Л. Тимофеев. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. – 1996. – № 1. – Т. 2. – С. 142-152.
163. Томская, М. В. Воспроизводство гендерных стереотипов в дискурсивной практике (на материале текстов по этикету) / М. В. Томская, К. А. Цветкова. – Текст : непосредственный // Вестник МГЛУ. – 2010. – № 597. – С. 167-180.
164. Трофимова, Н. А. Маркеры невербальной коммуникации в публицистическом дискурсе Дена Билефски (на материале «The New York Times») / Н. А. Трофимова. – Текст : непосредственный // Филологический аспект. – 2020. – № 11(67). – С. 114-119.

165. Трофимова, Н. А. Частотность и корреляция маркеров темпоральности в архитектонике мужского публицистического дискурса (на материале статей Дена Билефски в газете «The New York Times») / Н. А. Трофимова. – Текст : непосредственный // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 2(37). – С. 299-306.
166. Трофимова, Н. А. Частотность маркеров невербальной коммуникации в женском публицистическом дискурсе (на материале статей Эллен Барри в газете «The New York Times») / Н. А. Трофимова. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 2. – С. 83-90.
167. Трофимова, Н. А. Репрезентация невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе Дэна Билефски и Эллен Барри (на материале газеты «The New York Times») / Н. А. Трофимова. – Текст : непосредственный // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2022а. – Т. 41. – № 1. – С. 156-165.
168. Трофимова, Н. А. Проксемы как маркеры невербального кода в публицистическом дискурсе журналистов «The New York Times» / Н. А. Трофимова. – Текст : непосредственный // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2022б. – № 2 (73). – С. 238-244.
169. Украинский, Е. С. Проблема невербального поведения в психологии / Е. С. Украинский. – Текст : непосредственный // Вестник молодого ученого Кузбасского института. Сборник научных статей. – 2019. – С. 154-155.
170. Усенко, Н. М. Некоторые аспекты функционирования темпоральности в лингвистике / Н. М. Усенко. – Текст : непосредственный // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2019. – № 1. – С. 220-224.
171. Уэст, К. Создание гендера (doing gender) / К. Уэст, Д. Зиммерман. – Текст : непосредственный // Гендерные тетради. Вып. 1. – Санкт-Петербург. – 1997. – С. 94-124.

172. Функционирование языковых феноменов в системе дискурса: колл. монография / под общ. ред. Е. В. Вохрышевой. – Самара: СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2017. – 180 с. – Текст : непосредственный.
173. Хабаров, А. А. Образ Китая в российских и американских СМИ / А. А. Хабаров, А. П. Чудинов, Ян Кэ. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2022. – № 2 (92). – С. 159-171.
174. Халина, Н. В. Лингвистический инжиниринг и лингвистика инжиниринга: адаптация языковедческой парадигмы к обстоятельствам эпохи инжиниринга / Н. В. Халина. – Текст : электронный // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 3811-3815. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/55027.htm> (дата обращения: 30.10.2022).
175. Хачмафова, З. Р. Женский художественный дискурс в аспекте когнитивной лингвистики / З. Р. Хачмафова. – Текст : непосредственный // Известия Сочинского государственного университета. – 2013. – №. 1. – С. 200-204. – Текст : непосредственный.
176. Хлыстова, В. Г. Кинема как основная единица кинесики (на материале английского и русского языков) / В. Г. Хлыстова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2008. – № 10. – С. 256-259.
177. Ходанович, М. Ю. Половые различия при выполнении когнитивных заданий разной сложности / М. Ю. Ходанович, Е. А. Есипенко. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 379. – С.214-221.
178. Цветкова, О. Д. Гендер в дискурсе СМИ / О.Д. Цветкова. – Текст : непосредственный // Языковой дискурс в социальной практике: сб. науч тр. Международной научно-практической конференции. – Тверь: ТГУ, 2020. – С. 253-258.
179. Чагдурова, Э. Д. Невербальные смыслы межкультурного диалога / Э. Д. Чагдурова. – Текст : непосредственный // Целостное мировоззрение: опыт исследования и интерпретации. – 2015. – С. 107-111.

180. Чернышёва, Л. А. Причины языковых проблем определения философских категорий «пространство» и «время» / Л. А. Чернышёва. – Текст : непосредственный // Проблемы развития современного общества. – Курск. – 2019. – С. 16–18.
181. Чернышова, Т. В. Композиционно-стилистические средства гармонизации текстов публицистического дискурса: в поисках утраченного диалога / Т. В. Чернышова. – Текст : непосредственный // Филология и человек. – 2018. – № 2. – С. 82-96.
182. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2. – С. 53-59.
183. Шалак, В. И. «Логика апорий» / В. И. Шалак. – Текст : непосредственный // Полигнозис. – 2009. – № 1. – С.25-31.
184. Шапочкин, Д. В. Политический дискурс: когнитивный аспект : монография / Д. В. Шапочкин. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. – 260 с. – Текст : непосредственный.
185. Шаталова, О. В. Синтаксическое моделирование публицистического текста как метод прагмалингвистики / О. В. Шаталова. – Текст : непосредственный // Вестник ЧелГУ. Филология и искусствоведение. – 2012. – № 2 (256). – Вып. 62. – С. 140-142.
186. Шевченко, В. Д. Пространственная и хронологическая доминанты в дискурсе / В. Д. Шевченко. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2015. – № 3 (19). – С. 44-53.
187. Шевченко, В. Д. Когнитивные доминанты в дискурсе / В. Д. Шевченко. – Текст : непосредственный // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2016. – № 3.2. – С. 243-248.
188. Шмелева, Е. С. Лингвокреативность в медийном дискурсе / Е. С. Шмелева // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и

- возможности : кол. моногр. – Москва : Р. Валент. – 2021. – С. 499-557. – Текст : непосредственный.
189. Штоф, В. А. Моделирование и философия / В. А. Штоф. – М.; Л.: Наука, 1966. – 304 с. – Текст : непосредственный.
190. Щелкунова, Е. С. Публицистический текст в системе массовой коммуникации / Е. С. Щелкунова. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 194 с. – Текст : непосредственный.
191. Эйнштейн, А. Собрание научных трудов: в 4-х томах / А. Эйнштейн. – Том 2. – Москва : Наука, 1966. – 879 с. – Текст : непосредственный.
192. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с. – ISBN 5-86708-114-1. – Текст : непосредственный.
193. Юзефович, Н. Г. Теория проксимизации П. Цапа как метод анализа политического дискурса: межкультурный аспект / Н. Г. Юзефович, И. А. Полякова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2018. – №. 1. – С. 213-218.
194. Abisheva, V. T. To the question of communicative and cognitive aspects of publicistic discourse / V. T. Abisheva, R. S. Madetkan. – Текст : непосредственный // Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің ХАБАРШЫСЫ. ЖУРНАЛИСТИКА. – 2018. – № 125. – P. 19–24.
195. Alefirenko, N. F. Text and discourse: between Scylla and Charybdis of cognitive linguopoetics / N. F. Alefirenko, I. I. Chumak-Zhun', E. G. Ozerova, and K. K. Stebunova. – Текст : непосредственный // Journal of Language and Literature. – 2015. – № 6. – Т. 2. – P. 157-160.
196. Alefirenko, N. Discursive-Pragmatic Modeling of the Language Image / N. Alefirenko, A. Gigolayeva, O. Dekhnich, and I. Chumak-Zhun'. – Текст : непосредственный // Amazonia Investiga. – 2019. – № 8. – Т. 21. – P. 142-149.

197. Anjali, H. Kinesics, haptics and proxemics: Aspects of non-verbal communication / H. Anjali, E. Hans. – Текст : непосредственный // IOSR Journal of Humanities and Social Science. – 2015. – P. 47-52.
198. Barry, E. Information about The New York Times journalist. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2022. – URL: <https://www.nytimes.com/by/ellen-barry> (дата обращения: 30.10.2022).
199. Bell, D. M. Innuendo / D. M. Bell. – Текст : непосредственный. // Journal of Pragmatics. – 1997. – Vol. 27, № 1. – P. 35-59.
200. Berger, A. A. A discourse on discourse studies / A. A. Beger. – Текст : непосредственный // Society. – 2016. – Vol. 53. – №. 6. – С. 597-602.
201. Bilefsky, D. Information about The New York Times journalist. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2022. – URL: <https://www.nytimes.com/by/dan-bilefsky> (дата обращения: 30.10.2022). –
202. Birdwistell, R. L. Kinesics and context: Essays on body motion communication / R. L. Birdwistell. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1970. – URL: <https://doi.org/10.9783/9780812201284> (дата обращения: 20.10.2021). – Текст : электронный.
203. Boldyrev, N. N. The dominant principle of meaning construction in mind and discourse. Linguistic Perspectives on the Construction of Meaning and Knowledge / N. N. Boldyrev. – Текст : непосредственный // Cambridge Scholars Publishing. Lady Stephenson Library, 2019. – P. 85-104.
204. Burgoon, J. K. Nonverbal communication / J. K. Burgoon, L. Guerrero, K. Floyd. – Routledge, 2016. – 509 p. – Текст : непосредственный.
205. Dijk, T. A. van. The Study of Discourse / T. A. van Dijk. – Текст : непосредственный // Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. – 1998. – Vol. I. – P. 1-34.
206. Ezaka, S. Nonverbal and Subliminal Communications in Media Convergence: A Perspective / S. Ezaka, N. C. Emechebe. – Текст : непосредственный // Journal Of Humanities And Social Science. – 2018. – № 23. – P. 9-16.

207. Ferrucci, P. From “public journalism” to “engaged journalism”: Imagined audiences and denigrated discourses / P. Ferrucci, J. L. Nelson, M. P. Davis. – Текст : непосредственный // International Journal of Communication. – 2020. – № 14. – P. 1586-1604.
208. Gaines, E. Communication and the semiotics of space / E. Gaines – Текст : непосредственный // Journal of Creative Communications. – 2006. – № 1.2. – P. 173-181.
209. Goffman, E. Gender Advertisements / E. Goffman. – New York : Harper & Row, 1979. – 96 p. – Текст : непосредственный.
210. Harrison, R. P. Nonverbal Behaviour : An Approach to Human Communication / R. P. Harrison. – Текст : непосредственный // Approaches to Human Communication. – New York : Spartal Books. – 1972. – P. 253-266.
211. Harrison, R. P. Nonverbal communication. Human Communication As a Field of Study / R. P. Harrison. – Selected Contemporary Views. – 1989. – № 113. – 269 p. – Текст : непосредственный.
212. Identifying the discourse function of news article paragraphs / W. V Yarlott, C. Cornelio, T. Gao, M. Finlayson. – Текст : непосредственный // Proceedings of the Workshop Events and Stories in the News. – 2018. – P. 25-33.
213. Jespersen, O. Language: its nature and development / O. Jespersen // Routledge, 2013. – 303 p. – Текст : непосредственный.
214. Jespersen, O. The Woman / O. Jespersen. – Текст : непосредственный // The Feminist Critique of Language. – London. – 1998. – P. 225-241.
215. Khamenei, S. M. Time, Temporal, and Temporality / S. M. Khamenei. – Текст : непосредственный // Islamic Philosophy and Occidental Phenomenology in Dialogue. – Springer, Dordrecht. – 2007. – P. 129-136.
216. Knapp, M. L. Nonverbal communication in human interaction / M. L. Knapp, M. L., J. A. Hall, T. G. Horgan. – Cengage Learning, 2013. – 493 p. – Текст : непосредственный.

217. Lakoff, R. T. Language and woman's place : text and commentaries / R. T. Lakoff // Oxford university press cop., 2004. – XIV, 309 p. – Текст : непосредственный.
218. Landler, M. Information about The New York Times journalist. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2022. – URL: <https://www.nytimes.com/by/mark-landler?searchResultPosition=0> (дата обращения: 30.10.2022).
219. Lyall, S. Information about The New York Times journalist. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2022. – URL: <https://www.nytimes.com/by/sarah-lyall> (дата обращения: 30.10.2022).
220. Magirovskaya, O. V. What is Cognitive in Discourse? / O. V. Magirovskaya // Proceedings of the Philological Readings (PhR 2019). – 2020. – P. 29-38. – Текст : непосредственный.
221. Mast, J. Constructive journalism: Concepts, practices, and discourses / J. Mast, R. Coesemans, M. Temmerman. – Текст : непосредственный // Journalism. – 2019. – Т. 20. – №. 4. – С. 492-503.
222. Meltzer, K. Journalists as communities of practice: Advancing a theoretical framework for understanding journalism / K. Meltzer, E., Martik. – Текст : непосредственный // Journal of Communication Inquiry. – 2017. – Vol. 41. – №. 3. – P. 207-226.
223. Мое, S. A Brief Study on the Language of Newspaper Headlines Used in “The New Light of Myanmar” / S. Мое. – Текст : непосредственный // Hinthada University Research Journal. – 2014. – №. 1. – P. 82-92.
224. Ogneva, E. A. Linguocultural Aspects of the Discursive Synergy / E. A. Ogneva, O. A. Moiseenko, A. A. Kutsenko, O. N. Yarigina, A. A. Kolesnikov. – Текст : электронный // Journal of Language and Literature. – 2015. – 6. – № 2. – P. 208-211. – URL: <http://www.eu-print.org/filo.php?go=nextll> (дата обращения: 30.10.2022).
225. Ogneva, E. A. Interpretative model of linguacultural knowledge / E. A. Ogneva, I. A. Danilenko, Y. I. Kireeva, A. A. Kutsenko. – Текст :

- непосредственный // *The Social Sciences*. – 2015. – Т. 10. – № 6. – С. 1101-1106.
226. O'keeffe, A. Media and discourse analysis / A. O'keeffe, Gee, J.P., Handford, M. – Текст : непосредственный // *The Routledge Handbook of Discourse Analysis*. – London: Routledge. – 2011. – P. 441-454.
227. Qais, A. M. A. Linguistic Features of Newspaper Headlines / A. M. A. Qais, M. S. Younis. – Текст : непосредственный // *Journal of Al Anbar University for Language and Literature*. – 2012. – №. 7. – P. 192-215.
228. Reynolds, C. Building theory from media ideology: Coding for power in journalistic discourse / C. Reynolds. – Текст : непосредственный // *Journal of Communication Inquiry*. – 2019. – Vol. 43. – №. 1. – P. 47-69.
229. Sapir, E. Male and female forms of speech in Yana / E. Sapir // *California Indian Library Collections*, 1985. – 125 p. – Текст : непосредственный.
230. Stubbs, M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language / M. Stubbs. – Oxford Blackwell, 1983. – 272 p. – Текст : непосредственный.
231. Tiechuan, M. A study on non-verbal communication in cross-culture / M. Tiechuan. – Текст : электронный // *Asian Journal of Humanities and Social Sciences (AJHSS)*. – 2016. – № 4(1). – P. 1-6. – URL: <http://ajhss.org/pdfs/Vol4Issue1/1.pdf> (дата обращения: 30.10.2022).
232. Todorović, T. Clothes and Costumes as Form of Nonverbal Communication / T. Todorović, T. Toporišič, Pavko-Čuden A. – Текст : непосредственный // *Tekstilec*. – 2014. – № 57. – P. 321-333.
233. Trajkova, Z. Manipulating truth in media discourse / Z. Trajkova. – Текст : непосредственный // *Journal of Contemporary Philology*. – 2019. – № 2 (1). – P. 24-46.
234. Vos, T. P. The discursive construction of journalistic transparency / T. P. Vos, S. Craft. – Текст : непосредственный // *Journalism Studies*. – 2017. – Vol. 18. – №. 12. – P. 1505-1522.

235. Watson, O. M. Proxemics as non-verbal communication / O. M. Watson. – Текст : непосредственный // *Man, Language and Society*. – De Gruyter Mouton. – 2019. – P. 224-231.

Список использованных словарей и энциклопедий

236. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия. – 1990. – С. 136-137.
237. Василий Великий. Беседы на Шестоднев / Василий Великий – Текст : электронный. – // *Православная электронная библиотека* : [сайт]. – URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/1427> (дата обращения: 30.10.2022).
238. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Текст : электронный // *Академик* : [сайт]. – Назрань: Изд-во «Пилигрим», 2010. – Режим доступа: http://lingvistics_dictionary.academic.ru/4252/ (дата обращения: 30.10.2022).
239. *Лингвистический энциклопедический словарь* / под ред. Н. Д. Арутюновой. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 682 с. – Текст : непосредственный.

Список источников фактического материала

240. Barry, E. Russia Seems To Soften Its Support For Syria. – Текст : электронный // *The New York Times* : [сайт]. – 2012. – URL:

- <https://www.nytimes.com/2012/03/21/world/europe/russia-appears-to-soften-adamant-position-in-syria-conflict.html> (дата обращения: 30.10.2022).
241. Barry, E. 'Small Bottle' of Novichok Found by Police in U.K. Victim's Home. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2018. – URL: <https://www.nytimes.com/2018/07/13/world/europe/uk-novichok-amesbury.html> (дата обращения: 30.10.2022).
242. Barry, E. A Dress Code For Russians? Priest Chides Skimpiness. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2011. – URL: <https://www.nytimes.com/2011/01/19/world/europe/19russia.html> (дата обращения: 30.10.2022).
243. Barry, E. A Writer Invites Russia to Engage Its Painful Past. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2010. – URL: <https://www.nytimes.com/2010/03/06/world/europe/06author.html> (дата обращения: 30.10.2022).
244. Barry, E. Bangladesh Orders Death for Islamist in Killings. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2013. – URL: <https://www.nytimes.com/2013/09/18/world/asia/islamist-in-bangladesh-sentenced-to-death-in-killings.html> (дата обращения: 30.10.2022).
245. Barry, E. Duma clears way for longer terms in Russia. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2008. – URL: <https://www.nytimes.com/2008/11/14/world/europe/14iht-15duma.17840632.html> (дата обращения: 30.10.2022).
246. Barry, E. In Sweden's Preschools, Boys Learn to Dance and Girls Learn to Yell. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2018. – URL: <https://www.nytimes.com/2018/03/24/world/europe/sweden-gender-neutral-preschools.html> (дата обращения: 30.10.2022).
247. Barry, E. India Retracts Proposal on Encryption for Social Media Data After Outcry. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2015. – URL: <https://www.nytimes.com/2015/09/23/world/asia/india-withdraws-social-media-data-proposal-after-outcry.html> (дата обращения: 30.10.2022).

248. Barry, E. India's 'Phone Romeos' Look for Ms. Right via Wrong Numbers. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2017. – URL: <https://www.nytimes.com/2017/03/22/world/asia/indias-phone-romeos-look-for-the-right-one-through-wrong-numbers.html> (дата обращения: 30.10.2022).
249. Barry, E. Matriarchs' Duel for Power Threatens to Tilt Bangladesh Off Balance. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2014. – URL: <https://www.nytimes.com/2014/01/12/world/asia/matriarchs-duel-for-power-threatens-to-tilt-bangladesh-off-balance.html> (дата обращения: 30.10.2022).
250. Barry, E. Nepal's Young Men, Lost to Migration, Then a Quake. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2015. – URL: <https://www.nytimes.com/2015/05/05/world/asia/nepal-already-stripped-of-young-men-faces-a-darker-problem.html> (дата обращения: 30.10.2022).
251. Barry, E. Thousands Join Anti-Government Rally in Ukraine. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2009. – URL: <https://www.nytimes.com/2009/04/04/world/europe/04ukraine.html> (дата обращения: 30.10.2022).
252. Barry, E. To U.S. in '70s, a Dissenting Diplomat. To Bangladesh, 'a True Friend.'. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2016. – URL: <https://www.nytimes.com/2016/06/28/world/asia/bangladesh-archer-blood-cable.html> (дата обращения: 30.10.2022).
253. Barry, E. U.S. trying to take monkey off the menu. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2007. – URL: <https://www.nytimes.com/2007/11/18/world/americas/18iht-monkey.1.8374575.html> (дата обращения: 30.10.2022).
254. Bilefsky D. Migration's Flip Side: One Big Empty Nest. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2005. – URL: <https://www.nytimes.com/2005/12/12/world/europe/migrations-flip-side-one-big-empty-nest.html> (дата обращения: 30.10.2022).

255. Bilefsky D. Serbia Formally Proposes Ethnic Partition of Kosovo. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2008. – URL: <https://www.nytimes.com/2008/03/25/world/europe/25kosovo.html> (дата обращения: 30.10.2022).
256. Bilefsky, Dan. Black Market for Body Parts Spreads Among the Poor in. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2012. – URL: <https://www.nytimes.com/2012/06/29/world/europe/black-market-for-body-parts-spreads-in-europe.html> (дата обращения: 30.10.2022).
257. Bilefsky, D. Canadians Greet Bombardier Decision With Pride and a Little Snark. – URL: <https://www.nytimes.com/2018/01/27/world/americas/canada-bombardier-trump.html> (дата обращения: 30.10.2022).
258. Bilefsky, D. Czech Parliament Vote Clouds U.S. Antimissile Plan. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2009. – URL: <https://www.nytimes.com/2009/03/25/world/europe/25czech.html> (дата обращения: 30.10.2022).
259. Bilefsky, D. European Commission Prepares Plan to Distribute Migrants Across E.U. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2015. – URL: <https://www.nytimes.com/2015/05/12/world/europe/migrants-mediterranean-italy-european-commission.html> (дата обращения: 30.10.2022).
260. Bilefsky, D. Former Premier Can Be Charged, Czech Court Rules. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2013. – URL: <https://www.nytimes.com/2013/11/01/world/europe/former-premier-can-be-charged-czech-court-rules.html> (дата обращения: 30.10.2022).
261. Bilefsky, D. Gender War, Aisle 3: Unisex Kids' Clothes Stir British Backlash. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2017. – URL: <https://www.nytimes.com/2017/09/04/world/europe/uk-britain-gender-children-john-lewis.html> (дата обращения: 30.10.2022).
262. Bilefsky, D. Labor Market Opens for Romanians and Bulgarians. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2014. – URL:

- <https://www.nytimes.com/2014/01/02/world/europe/european-labor-market-opens-for-romanians-and-bulgarians.html> (дата обращения: 30.10.2022).
263. Bilefsky, D. New Move to Condemn Syria in U.N. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2011.– URL: <https://www.nytimes.com/2011/06/09/world/middleeast/09nations.html> (дата обращения: 30.10.2022).
264. Bilefsky, D. Polygamy Fosters Culture Clashes (and Regrets) in Turkey. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2006.– URL: <https://www.nytimes.com/2006/07/10/world/europe/10turkey.html> (дата обращения: 30.10.2022).
265. Bilefsky, D. Talks on Kosovo Hit a Dead End, Rice Says. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2007. – URL: <https://www.nytimes.com/2007/12/08/world/europe/08kosovo.html> (дата обращения: 30.10.2022).
266. Bilefsky, D. The Independent, Once a British News Power, Will End Its Print Edition. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2016. – URL: <https://www.nytimes.com/2016/02/13/world/europe/independent-britain-ending-print-editions.html> (дата обращения: 30.10.2022).
267. Bilefsky, D. Women’s Influence Grows in Bulgarian Public Life. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2010. – URL: <https://www.nytimes.com/2010/02/08/world/europe/08iht-bulgwomen.html> (дата обращения: 30.10.2022).
268. Landler, M. African Leaders Sit Down With American Investors. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2014. – URL: <https://www.nytimes.com/2014/08/06/world/africa/african-leaders-sit-down-with-american-investors.html> (дата обращения: 30.10.2022).
269. Landler, M. Assisted suicide of healthy 79-year-old renews German debate on right to die. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2008. – URL: <https://www.nytimes.com/2008/07/03/world/europe/03germany.html> (дата обращения: 30.10.2022).

270. Landler, M. At World Cup, little left to chance. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2006. – URL: <https://www.nytimes.com/2006/05/22/world/europe/22iht-journal.html> (дата обращения: 30.10.2022).
271. Landler, M. Nobel laureates feel vindicated as climate change moves to fore. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2007. – URL: <https://www.nytimes.com/2007/10/10/world/europe/10iht-environ.4.7839774.html> (дата обращения: 30.10.2022).
272. Landler, M. ‘Brexit’ and Russia Loom Over Obama’s Final NATO Summit Meeting. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2016. – URL: <https://www.nytimes.com/2016/07/08/world/europe/obama-nato.html> (дата обращения: 30.10.2022).
273. Landler, M. Barbados: Clinton Pledges Aid. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2010. – URL: <https://www.nytimes.com/2010/06/11/world/americas/11briefs-Barbados.html> (дата обращения: 30.10.2022).
274. Landler, M. Disclosures of Battle Plan by Pentagon Startle Many. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2015. – URL: <https://www.nytimes.com/2015/02/22/world/disclosures-of-battle-plan-by-pentagon-startle-many.html> (дата обращения: 30.10.2022).
275. Landler, M. For Trump, Power and Values Matter Less Than Dollars and Cents. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2018. – URL: <https://www.nytimes.com/2018/06/13/world/asia/trump-kim-jong-un-justin-trudeau.html> (дата обращения: 30.10.2022).
276. Landler, M. Heading Into Talks With Iran, U.S. Sees Hopeful Signs. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2012. – URL: <https://www.nytimes.com/2012/05/19/world/middleeast/officials-see-promising-signs-for-iran-nuclear-talks.html> (дата обращения: 30.10.2022).
277. Landler, M. Jewish Groups Say Obama’s Pick for Medal Has Anti-Israel Bias. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2009. – URL:

- <https://www.nytimes.com/2009/08/07/world/07robinson.html> (дата обращения: 30.10.2022).
278. Landler, M. Joblessness casts a cloud on politics of Europe. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2005. – URL: <https://www.nytimes.com/2005/04/01/world/europe/joblessness-casts-a-cloud-on-politics-of-europe.html> (дата обращения: 30.10.2022).
279. Landler, M. No Easy Answers on Syria, Obama Says. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2013.– URL: <https://www.nytimes.com/2013/05/08/world/asia/obama-on-syria.html> (дата обращения: 30.10.2022).
280. Landler, M. Obama Arrives in Ireland for Six-Day Trip to Europe. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2011. – URL: <https://www.nytimes.com/2011/05/24/world/europe/24prexy.html> (дата обращения: 30.10.2022).
281. Landler, M. President Trump Inside and Outside the Lines at the U.N. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2017. – URL: <https://www.nytimes.com/2017/09/21/world/president-trump-inside-and-outside-the-lines-at-the-un.html> (дата обращения: 30.10.2022).
282. Lyall, S. Britain: A Royal Visit to Ireland. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2011. – URL: <https://www.nytimes.com/2011/03/05/world/europe/05briefs-BRITAIN.html> (дата обращения: 30.10.2022).
283. Lyall, S. British High Court Says Jewish School's Ethnic-Based Admissions Policy Is Illegal. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2009. – URL: <https://www.nytimes.com/2009/12/17/world/europe/17britain.html> (дата обращения: 30.10.2022).
284. Lyall, S. British Politics Gives a Sense of Government by Old School Chums. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2016. – URL: <https://www.nytimes.com/2016/07/08/world/europe/britain-brexite-elite-politics.html> (дата обращения: 30.10.2022).

285. Lyall, S. E-Mail on 'Rife' Hacking Deleted From James Murdoch Computer, Lawyers Say. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2012. – URL: <https://www.nytimes.com/2012/02/02/world/europe/e-mail-rife-hacking-deleted-from-james-murdoch-computer-lawyers-say.html> (дата обращения: 30.10.2022).
286. Lyall, S. Ex-Official Says Afghan and Iraq Wars Increased Threats to Britain. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2010. – URL: <https://www.nytimes.com/2010/07/21/world/europe/21london.html> (дата обращения: 30.10.2022).
287. Lyall, S. For Princess Diana, a legacy that lives ever after. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2007. – URL: <https://www.nytimes.com/2007/08/29/world/europe/29iht-diana.4.7305903.html> (дата обращения: 30.10.2022).
288. Lyall, S. Labour's latest slogan isn't Queen's English. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2005. – URL: <https://www.nytimes.com/2005/02/15/world/europe/labours-latest-sloganisnt-queens-english.html> (дата обращения: 30.10.2022).
289. Lyall, S. Libel Cases Now Harder to Bring in England. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2013. – URL: <https://www.nytimes.com/2013/04/26/world/europe/new-law-makes-suing-for-libel-harder-in-england.html> (дата обращения: 30.10.2022).
290. Lyall, S. Magna Carta, Still Posing a Challenge at 800. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2015. – URL: <https://www.nytimes.com/2015/06/15/world/europe/magna-carta-still-posing-a-challenge-at-800.html> (дата обращения: 30.10.2022).
291. Lyall, S. Meghan Markle Introduces the British Monarchy to the African-American Experience. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2018. – URL: <https://www.nytimes.com/2018/05/19/world/europe/uk-royal-black-priest-choir.html> (дата обращения: 30.10.2022).

292. Lyall, S. Note to English soccer fans: The war's over - Europe - International Herald Tribune. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2006. – URL: <https://www.nytimes.com/2006/06/01/world/europe/01iht-journal.1869452.html> (дата обращения: 30.10.2022).
293. Lyall, S. Prince Harry Casts Aside Ghosts of Royal Marriages Past. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2017. – URL: <https://www.nytimes.com/2017/11/27/world/europe/prince-harry-meghan-markle-engagement-royal.html> (дата обращения: 30.10.2022).
294. Lyall, S. Prosecution Rests Case in Pistorius Murder Trial. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2014. – URL: <https://www.nytimes.com/2014/03/26/world/africa/prosecution-rests-case-in-pistorius-murder-trial.html> (дата обращения: 30.10.2022).
295. Lyall, S. Tv broadcast of an assisted suicide intensifies a contentious debate in Britain. – Текст : электронный // The New York Times : [сайт]. – 2008. – URL: <https://www.nytimes.com/2008/12/11/world/europe/11suicide.html> (дата обращения: 30.10.2022).